

Вопросы элитологии

Issues in Elitology

ТОМ 4, НО 4

Изображение сгенерировано
нейросетью Kandinsky 2.1

E-ISSN: 2712-8415

18+

Issues in Elitology

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol. 4, No 4

doi: 10.46539/elit.v4i4

2023

E-ISSN: 2712-8415

18+

Вопросы элитологии

Исследовательский электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 4, № 4

doi: 10.46539/elit.v4i4

2023

Table of Content

CARNAVAL POLITICAL CULTURE

Olga I. Oskina	
Eurasian and European Elites in the Mirror of Carnival Political Culture	13
Ekaterina V. Kudryashova, Venera A. Murzalieva	
Features of Internet Memes in Modern Russian Political Communication	26
Aleksey A. Ilin	
Gerontocracy and Carnival Culture of the Ancient World (Greece, Italy)	41
Pavel L. Karabuschenko	
The Nature of Political Laughter: Elites in the Light of Carnival Political Culture	53

POLITICAL ELITE STUDIES

Gennady V. Kosov, Lyudmila N. Garas	
Private Military Companies: Elite Analysis	72
Anna A. Borovskaya	
“Material Code” in V. Narbut’s Lyrics: Elitology of Creativity and Problems of Reception	83

CRITICISM AND REVIEWS

Ravil G. Rezakov	
Modern Elitology of Education: Elite vs Elitists? - Review of Kryshtanovskaya O.V., & Lavrova I.A. (2023) Higher Education in Russia: Elite vs Elitists?. World of Russia 32(4), 138-159	103
Arushan A. Vartumyan	
The Social Space of a Nomadic Society: Theoretical and Methodological Aspects of the Functioning Of Elites. (Review:P.K. Dashkovsky (Eds) (2015) "Elite on the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia: a Collective Monograph. Publishing House Of The ASU, 330 P."	108

Содержание

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Осъкина Ольга Ивановна

Евразийские и европейские элиты в зеркале карнавальной политической культуры 13

Кудряшова Екатерина Викторовна, Мурзалиева Венера Асленбековна

Особенности Интернет-мемов в современной российской политической коммуникации 26

Ильин Алексей Александрович

Геронтоократия и карнавальная культура Древнего мира (Греция, Италия) 41

Карабущенко Павел Леонидович

Природа политического смеха: элиты в свете карнавальной политической культуры 53

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

Косов Геннадий Владимирович, Гарас Людмила Николаевна

Частные военные компании: элитологический анализ 72

Боровская Анна Александровна

«Вещный» код в лирике В. Нарбута: элитология творчества и проблемы рецепции 83

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Резаков Равиль Гарифович

Современная элитология образования: элитное vs элитарное? - Рецензия на статью О.В. Крыштановской & И. А. Лавровой (2023) «Высшее образование в России: элитное vs элитарное?» Мир России, 32(4), 138-159. 103

Вартумян Аруshan Арушанович

Социальное пространство кочевого общества: теоретические и методические аспекты функционирования элит. (Рецензия: П.К. Дашковский (Ред) (2015) «Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография. Изд-во АГУ 330 с.») 108

Dear friends, colleagues, readers and authors!

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: № ФС 77 - 80146 since 04 February 2021
- ◆ Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы. Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.

Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «*pro et contra*». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.

Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.

Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведется с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

- ◆ Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief**Pavel L. Karabuschenko**

Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Russia

Editorial Team**Leonid Ya. Podvoisky**

(Responsible Editor), PhD, Associate Professor,
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev , Astrakhan, Russia

Maria M. Bicharova

PhD, Associate Professor, Caspian Institute
of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia

Ekaterina V. Gainutdinova

PhD, Associate Professor,
Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia

Irena V. Lebedeva

PhD, Associate Professor, Caspian Institute
of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia

Editorial Board**Arushan A. Vartumyan**

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia

Nikolay V. Grishin

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia

Elena E. Zavyalova

Dr. Habilitatus in Philology, Professor,
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

Gennady V. Kosov

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
Sevastopol State University. Sevastopol, Russia

Victor P. Mokhov

Dr. Habilitatus in History, Professor,
Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia

Evgeny N. Moschelkov

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

Larissa I. Nikovskaya

Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPA. Moscow, Russia

Alexander V. Ponedelkov

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute - a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA). Rostov-on-Don, Russia

Ravil G. Rezakov

Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor, Moscow City University. Moscow, Russia

Lora Tu. Ryskeldieva

Dr. Habilitatus in Philosophy, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Maria M. Fedorova

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Alexander N. Chumakov

Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

Elena V. Khlyshcheva

Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

Редакция

Главный редактор	Павел Леонидович Карабущенко д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
Редакция	Леонид Яковлевич Подвойский (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
	Мария Михайловна Бичарова канд. филол. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
	Екатерина Валерьевна Гайнутдинова канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия
	Ирэна Валерьевна Лебедева канд. соц. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
Редакционный совет	Аруshan Арушанович Вартумян д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия
	Николай Владимирович Гришин д. полит. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
	Елена Евгеньевна Завьялова д. филол. наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
	Геннадий Владимирович Косов д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия
	Виктор Павлович Мохов д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия
	Евгений Николаевич Мощелков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
	Лариса Игоревна Никовская д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия

Александр Васильевич Понеделков
д. полит. наук, профессор, Южно-Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия

Равиль Гарифович Резаков
д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия

Лора Туарбековна Рыскельдиева
д. филос. н., чл.-корр. РАН, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Мария Михайловна Федорова
д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия

Александр Николаевич Чумаков
д. филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Елена Владиславовна Хлыщева
д. филос. наук, профессор,
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань, Россия

CONTACTS

Founder Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address 6zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief Pavel L. Karabuschenko

Email elitologyjournal@gmail.com

CEO Rastyam T. Aliev

Email rastaliev@gmail.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор Павел Леонидович Карабущенко

Email elitologyjournal@gmail.com

Дирекция журнала Алиев Раствам Туктарович

Email rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

Eurasian and European Elites in the Mirror of Carnival Political Culture

Olga I. Oskina

(a) Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

E-mail: oskina_olga[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-2006-1786

Abstract

In this article, the author dwells on the peculiarities of the formation of carnival political culture and its manifestations at the present stage. Carnivity is becoming a feature of our time and is especially evident in the political sphere, where the key participants are the Eurasian and European political elites. Using a comparative approach, the author analyzes the peculiarities of the political consciousness of the participants in the carnivalization process, fixing its fragmentarity and incompleteness. The personalized political elite of the West today is an example and bearer of a carnival political culture, which is confirmed in a wide array of empirical data presented convincingly and consistently in the article. Considering mythologization as an element of political carnival, it is noted that it is artificially constructed and aimed at replacing objective reality, which corresponds to the essence of the carnivalization process. In the final part, it is concluded that the professional competencies of the Western political elite are decreasing. At the same time, Eurasian politicians demonstrate resistance to traditional national political cultures and effectively resist pressure from the so-called Western ultra-liberal values.

Keywords

Political culture; elites; leaders; Eurasia; political carnival; mythologization, professional competencies.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

Евразийские и европейские элиты в зеркале карнавальной политической культуры

Оськина Ольга Ивановна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

E-mail: oskina_olga[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-2006-1786

Аннотация

В данной статье автор останавливается на особенностях формирования карнавальной политической культуры и ее проявлениях на современном этапе. Карнавальность становится чертой нашего времени и особенно ярко проявляется в политической сфере, где ключевыми участниками становятся евразийские и европейские политические элиты. Используя компаративистский подход, автор анализирует особенности политического сознания участников карнавализационного процесса, фиксируя его фрагментарность и незавершенность. Персонализированная политическая элита Запада сегодня является примером и носителем карнавальной политической культуры, что находит подтверждение в широком массиве эмпирических данных, убедительно и последовательно представленных в статье. При рассматривании мифологизации, как элемента политического карнавала, отмечается его искусственная конструированность и нацеленность на подмену объективной реальности, что соответствует сущности карнавализации процесса. Карнавальность искажает политическую реальность, придавая ей черты сюрреализма, с явно выдуманной сущностью. В заключительной части делается вывод о снижении профессиональных компетенций у западной политической элиты. В то же время евразийские политики демонстрируют устойчивость традиционным национальным политическим культурам и эффективно противостоят давлению со стороны т.н. западных ультралиберальных ценностей.

Ключевые слова

Политическая культура; элиты; лидеры; Евразия; политический карнавал; мифологизация, профессиональные компетенции.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](#)

Введение

Евразия богата своими культурно-историческими и политico-религиозными традициями. Их многократное переплетение и создает тот особый колорит, разноцветную гамму культурных этнических красок, которые заметно выделяются на фоне других мировых регионов. Из этого культурного многообразия и вырастает политический плюрализм элитного сообщества, с выраженным особенностями и политическими традициями, устойчиво воспроизведимыми в рамках традиционных систем. Тогда так называемый «коллективный Запад», часто высокомерно называющий себя «цивилизованным миром», напротив, все чаще поражает и удивляет мир своим откровенным варварством и даже порой ничем не прикрытыми дикими политическими выходками, которые подпадают под определение карнавальной политической культуры. Фиксируя политические отклонения, которые регулярно происходят на фоне стремительно меняющихся политических процессов, автор анализирует факты проявления карнавальной политической культуры, в призме которых выясняется личностная девиация и профессиональная поведенческая аномалия политических деятелей. В условиях трансформационных изменений мира европейские политики все чаще пытаются создать свое пространство постправды, альтернативную реальность, замещая объективные факты фейковыми новостями.

Методология

В статье используется набор аналитических методов, использование которых обеспечивает объективный анализ современных политических процессов и позволяет выделить тенденции их карнавализации. Ценностно-репутационный подход, примененный автором в ходе исследования, выявил нарастающие девиантные отклонения европейской политической элиты, проявляющиеся в повсеместном распространении политической клоунады, снижении когнитивных способностей и профессиональных компетенций политической элиты на современном этапе. И, наконец, компаративистский подход обеспечил возможность сравнительного анализа элит евроазиатских (восточных) и европейских, что позволило выделить как их отличительные особенности в сфере политического сознания, так и фрагментарность проявлений карнавальной политической культуры у ее носителей.

Особенности евразийского (восточного) политического сознания

Политические элиты Евразии – это носители глубоких историко-культурных традиций своих государств-цивилизаций. Их культурные коды складывались и проверялись на протяжении многих веков тяжелых политиче-

ских процессов. И евразийские коды политики отличаются от западноевропейских аналогов. В чем состоят эти отличия? Укажем на ключевые моменты: 1) патриархальный характер общественных отношений, делающих их приверженцами традиционных (консервативных) ценностей (при этом западное общество есть система перманентного модерна, требующего более динамичных политических изменений); 2) господствующее положение религиозного сознания и высокий авторитет религиозных деятелей (европейская традиция носит секулярный характер); 3) этатизм, как следствие общинного характера отношений (на Западе это эгоизм, как следствие индивидуализма; 4) традиции сильного политического лидерства (признание и уважение сильной власти, «культ силы»).

Эти признаки во многом и предопределяют мотивы поведения евразийских политиков, для которых они носят естественный характер, поскольку вытекают из самой сути их традиционной политической истории. Слово патриархального религиозного проповедника здесь порой играет куда большую роль, чем какая-то научная теория. Наука здесь пользуется авторитетом в весьма ограниченных кругах, поскольку часто воспринимается и оценивается в качестве западного (т.е. чужеродного и даже порой враждебного!) влияния.

То, что является логичным для мировоззрения и мышления западных элит, может оцениваться восточными элитными сообществами как нелогичные решения. И наоборот – некоторые решения представителей восточных элит могут оцениваться как алогичные с точки зрения западных традиций. Эксперты отмечают, что, например, «индийские политические элиты зачастую принимают континтуитивные и нелогичные с точки зрения западного наблюдателя решения, причем для индийцев, мыслящих в рамках сложившейся в процессе исторической эволюции стратегической культуры, они абсолютно логичны» (Куприянов, 2022, стр.66).

Одним из важнейших императивов политического мышления элит этого региона является «ощущение цикличности мирового процесса. Восточным культурам свойственно представление о повторяемости истории, смене периодов процветания и упадка. Это приводит к определенному фатализму, но, с другой стороны, дает основания для оптимизма, позволяя надеяться на возрождение и создавая ощущение бесконечности существования государства». (Куприянов, 2022, стр.67)

Евразия столкнулась с проблемой «цветных революций». Если брать онтологически, то речь идет о постоянном пропитывании распространения «текущего зла» (Bauman, & Donskis, 2016), как зла беспредметного, анонимного, бессмысленного. Его проявлениями становятся терроризм, религиозный радикализм, политический экстремизм, политика двойных стандартов.

«Коллективный Запад» пытается представить конфликт с Китаем, Индией, Россией или Ираном, как конфликт цивилизаций, как противостояние великой западной цивилизации «евразийскому варварству», как конфликт

западных демократий с азиатскими автократиями (Малашенко & Нисневич, & Рябов, 2018). Политические элиты Запада по-прежнему мыслят в старых категориях неоколониализма, деля мир на «своих» (цивилизацию) и «чужих» (варваров и дикарей).

Фрагментированность политической карнавальной культуры

Политическая карнавальность чаще всего возникает в информационном пространстве, когда идет идейное и тактическое противостояние национальных интересов конкретных стран Востока и Запада. На качестве диалога сказываются разность в ментальном основании этих цивилизаций, разность в культурно-политическом наследии. Определяющее отличие Запада заключается в его «славном» колонизаторском прошлом, тогда как для Востока - это длительный период колониальной зависимости. Психология господства и подчинения все еще темной тенью витает над головами этих политиков. Постколониальным синдромом господства особенно страдают западные политики. Эти пережитки то и дело проявляются в психологии правящих элит, мешая им адекватно общаться и выстраивать современные политические отношения (Карабущенко, 2021; 2022а-б; Оськина, 2020).

Карнавальность в политике проявляется тогда, когда политики получают обратный результат вместо ожидаемых ими итогов. Такое весьма часто случалось в истории Поднебесной особенно в период упадка ее имперского проекта. Тогда власти Китая упорно игнорировали объективные изменения, упрямо не замечая враждебную для них объективную реальность (Чан, Цзюн, 2016).

Карнавальность возникает также на уровне дипломатических отношений, при контактах конкретных политических лиц восточных стран с их западными коллегами. Возникает не просто культурно-бытовое непонимание, но и историко-политическое неприятие формы и методов диалога (Карабущенко, 2023а-б; Карабущенко & Подвойский, 2022).

Именно данные обстоятельства и приводят к международным дипломатическим скандалам. Так, например, осенью 2021 года между США и КНР должны были состояться переговоры на Аляске. Но, поскольку американская сторона в лице госсекретаря США Э. Блинкена, начала читать китайской делегации нравоучительную лекцию, то возник скандал, в результате которого китайская делегация прервала переговоры и покинула их с заявлением о том, что в подобном тоне дипломатические переговоры недопустимы. Американская делегация была искренне удивлена таким неадекватным поведением китайской стороны. Это «искреннее удивление» и является элементом проявления политического карнавала.

На саммите G20 2022 г. Премьер-министр Канады Д. Трюдо после переговоров с лидером Китая Си, раскрыл журналистам все детали их беседы, чем вызвал резкую критику со стороны Пекина. Лидер Поднебесной был недоволен тем, что без его ведома были разглашены секретные материалы. Канадец

объяснял свое поведение тем, что он живет в открытой демократической стране, где принято политикам делиться новостями с прессой. Сицзиньпин, публично отчитал своего канадского коллегу, после чего двухсторонние связи этих стран были временно прекращены. В дипломатических традициях Китая не принято афишировать приватные беседы политиков. Разность восточной и западной политической культуры сыграла роль катализатора политического скандала. Именно разница в традициях публичной дипломатии породила эту ситуацию. При этом объяснения самого Д. Трюдо выглядели мягко говоря, весьма жалко. Нелепость политического момента была обусловлена тем, что канадский политик привык себя пиарить и работать на публику, тогда как китайский придерживался принципа тишины дипломатической практики.

Мифы и реалии политического карнавала

Политический карнавал постоянно рождает различного рода мифы, которые подменяют собой реалии объективного мира.

Для западной политической системы карнавальность стала нормой профессионального поведения (Лисянский, 2022). «Коллективный Запад» живет в условиях постправды, когда мир теряется в оценках своей действительности, затрудняясь точно верифицировать происходящие с ними события (Карабущенко & Оськина, 2021).

Участники политического карнавала поражают мир проявлениями девиантности и прогрессирующей мифологизированностью (Оськина, 2022). Психологическая неуравновешенность политиков проявляется в том числе в создании политических мифологем, являющихся отражением объективной реальности, где, как в кривом зеркале они рисуют свою «новую» данность.

Мифологизированная реальность выступает альтернативой рационального политического дискурса, что ставит под угрозу адекватность реакций на развитие той или иной ситуации и целостность социальной картины мира.

Политическое скоморошество основано на истерическом поведении и психической неуравновешенности политиков, утративших свою субъектность. Их девиации сопровождаются высокой эмоциональной нагрузкой, нагнетанием ситуации, а обращение к стереотипичным образцам и реакциям, вызывает серьезную обеспокоенность их причастности к проблеме безопасности политической и общественной системы в целом.

А. Топорков отмечает, что мифы создают образ новой реальности, которой еще предстоит воплотиться в жизнь (Топорков, 1997). На Востоке ярким примером проведения подобной мифологизированной политики является Китай. Конструкция стратегически важной мифологемы для китайских лидеров заключается в том, чтобы расколоть однополярный мир и создать благоприятные условия для своего восхождения на политический мировой Олимп. Создание многополярного мира предполагает возвышение также таких мировых игроков, как Россия, Бразилия, Саудовская Аравия, Иран,

Германия, Индия, Мексика... Причем для самих китайцев – это очень понятная история. В их истории были сражающиеся царства, когда распадались их имперская централизация, и наступали времена смуты – сражающиеся между собой царства, конкурировали, создавая новые союзы и альянсы. И из этого хаоса возникала новая иерархия, появлялись новые великие империи. В настоящее время Китай видит себя в будущем первым среди равных мировых центров (Вавилов, 2021).

Политическая история элит Евразии богата на примеры карнавальной политической культуры. Так, история Китая знает немало примеров того, как судьба одного человека создавала карнавальность лишь тем, что кардинально переворачивала его жизнь. Русская пословица «из грязи в князи» прекрасно подходит под жизнь последней императрицы Цыси, которая правила Китаем в эпоху его глубокого системного цивилизационного упадка (Семанов, 2000). Как иллюстрация политического карнавала ее жизнь содержит массу интересных деталей, требующих отдельного исследования.

В эпоху могущества власти карнавальность возникала в результате переизбытка централизованной власти. Так, первый император Китая Цинь Ши-хуанди (259 – 210 до н.э.) пытался достичь бессмертия, приказав всем жителям империи искать рецепт «эликсира вечной жизни».

В результате он умер в 48 лет из-за отравления ртутью, которая входила в состав «эликсиров бессмертия» на базе киновари (ярко-красного соединения ртути и серы), которые Ши-хуанди употреблял в последние годы жизни (Wright, 2001, p.49).

Персоналии современного политического карнавала

У карнавальных политиков проявляются некоторые черты, которые могут оказаться их «родовыми» признаками. К таким общим чертам относится низкий культурный уровень политической риторики (вульгаризация или даже откровенная криминализация языка), эпатажное поведение, склонность к публичным скандалам, интерес к теориям заговора, и даже мистицизм и публичное пристрастие к парадаучным теориям.

Политический карнавал возникает вокруг неуравновешенных политических персон, которые своими выходками откровенно провоцируют ситуацию, расшатывая вокруг себя политическую обстановку. В свое время весьма основательно «отметился» своими эпатажными заявлениями и выходками 16-й президент Филиппин (2016 – 2022 гг.) Родрígо Роа Дутерте (род. : 1945) – юрист по образованию, экстравагантный политик висайского происхождения. Во время инаугурации в Маниле он произнёс речь, которая многих шокировала своей откровенностью: «Наркодилеры, эти выб..дки, уничтожают наших детей. Я предупреждаю вас, не вмешивайтесь в это (наркоторговлю), даже если вы полицейский, потому что я действительно убью вас». После этого Дутерте своими словами намекнул всей полиции Филиппин, что простит убийство

наркодилеров во время спецопераций и облав. И действительно, на наркобаронов началась самая настоящая охота¹.

Следующие его действия были тоже на грани политического фола. В августе 2016 г. прошла информация, что 900 наркодилеров были убиты на Филиппинах, – убийства происходили во время облав и спецопераций, которые устраивали полиция и гражданские активисты (народная дружина). Дутерте на одном из брифингов зачитал имена сотни политиков, военных, сотрудников полиции и других влиятельных людей, и сказал, что они имеют отношение к изготовлению и продаже наркотиков, получают от этого прибыль, и приказал им сдаться (Президент Филиппин, 2016). Когда в ООН указали Дутерте на недопустимость внесудебных расправ, он заметил, что «зачем нам ООН, когда там говорят подобные глупости».

Дутерте, не стеснялся в выражениях и даже осмелился публично (!) оскорбить американского президента Барака Обаму: 5 сентября 2016 г. в своей речи на пресс-конференции на Филиппинах, которая произошла перед началом саммита АСНАН восточноазиатских и мировых государственных лидеров в Лаосе, он заявил: «You must be respectful. Do not just throw questions and statements. P******, murahin kita diyan sa forum na 'yan!»². Он также заявил, что Филиппины не колония США, а независимая страна. Позже Дутерте принес свои извинения за то, что немного погорячился. Он мог перейти на откровенную ненормативную лексику, характеризуя политиков Европейского Союза и США: «Nung nabasa ko 'yung E.U. condemnation, sabihin ko sa kanila f*** you. You're doing it in atonement for your sins. Hipokrito itong, you should look at history books, encyclopedia of events. Sila 'yun eh, Britain, France. Tapos itong E.U. ngayon has the gall to condemn me. Again, I repeat it, f*** you».³ Причем его нисколько не смущало то, что он перешел на ненормативную лексику на столь высоком политическом уровне международных отношений.

Своей скандалностью и экстравагантностью отличался и другой президент – президент Ирана (2005 – 2013 гг.) Махмуд Ахмадинежад (род.: 1956). На 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2010 г. он заявил о том, что виновными во взрывах башен Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г. скорее всего «некоторые представители руководства США сами организовали этот теракт, чтобы остановить падение американской экономики и усилить влияние на Ближнем Востоке, чтобы спасти сионистский режим. Большинство американцев и политиков во всём мире поддерживают эту точку

1 В сентябре 2016 года стало известно, что на Филиппинах уже убито 2400 наркоторговца. По сообщениям из официальных источников Министерства внутренних дел Филиппин, властям сдались ещё 700 000 наркоторговцев и наркозависимых людей, дабы избежать расправы по суду Линча. (Vasudevan Sridharan, 2016).

2 Перевод: «Ты должен проявить уважение. Не нужно делать заявления и кидаться пустыми вопросами. [Далее по-тагальски] Сын ш****, я прокляну тебя на этом форуме!». – («Я прокляну тебя в Лаосе», 2016)

3 Перевод: «Я читал, что Европейский союз осудил мои действия. Я им скажу идите на***! Вы делаете это во искупление грехов ваших. Они лицемеры. Загляните в историю, энциклопедию событий. Это они, Британия, Франция. А теперь ЕС ещё смеет осуждать меня. Повторюсь – идите на***!» («F*** you», 2016).

зрения» (Ахмадинежад, 2010). Власти США назвали его слова «отвратительными и бредовыми» (Ахмадинежад: власти США стоят за терактами 11 сентября, 2010). Иранского лидера не устраивала официальная версия тех событий, поэтому он настаивал на теории заговора. Официоз для него был «большой ложью» англосаксов, тогда как конспирологическая версия проливала свет на истинный характер тех событий (Lee Ferran, 2011). То, что многие говорили кулуарно («шептались по углам»), он опубличил и сделал из этого очередной, выгодный для себя политический скандал.

Продолжает перечень, скандально известный лидер Венесуэлы президент (1999 – 2002, 2002 – 2013 гг.) Уго Чавес (Hugo Rafael Chávez) (1954 – 2014), который не раз шокировал мир своими выходками. Так, выступая в ООН венесуэльский лидер обозвал Джорджа Буша «дьяволом» (после его выступления на трибуне, дескать, пахнет серой ада!), довел до нервного срыва испанского короля Хуана-Карлоса, испанских колонизаторов назвал «фашисты – не люди», а гондурасского кардинала Оскара Родригеса и вовсе – «паяцем империализма» и «обезьяной». «Иногда Чавесу даже приходится извиняться за свои высказывания, что не мешает ему устраивать новые скандалы. В конце концов, у каждого свой имидж, назывался народным президентом – говори, что думаешь» (Красная тряпка для короля, 2007). Подобного рода аномалии воспринимаются и оцениваются, как проявление карнавальной политической культуры. Политик, в теории классических политических культур, как правило, говорит то, что не думает, а что необходимо публично осветить. В условиях карнавальной культуры, диапазон правды/неправды гораздо шире.

Отметим также еще одну особенность карнавальных политиков – их склонность к мистическому. И снова Филиппины. 17-й Президент Филиппин (с 2022 г.) Фердинанд Маркос-младший (род.: 1957) рассказал, что в детстве сталкивался с привидениями и сверхъестественными явлениями в президентском дворце. Ему было семь лет, когда он переехал в старинный дворец после прихода к власти его отца – диктатора Филиппин (с 1965 по 1986 гг.) Фердинанда Маркоса-старшего. В своем видеоблоге, он рассказал, что ночью во дворце сами собой открывались двери, качалась люстра и перемещались стулья, а его не покидало чувство, что кто-то за ним следил (Комолов, 2023).

Европейские политики также активно привлекают различные силы, способные обеспечить им поддержку и помочь. Так, в 2017 году, Макрон победил на президентских выборах, набрав знаковые 66,06% голосов, как многие считают, опираясь на поддержку масонской организации, а после победы, выступил с речью на фоне пирамиды у Лувра, являющегося масонским символом с числом 666... 8 июня 2018 года газета Le Figaro, опубликовала материал, где подробно описываются связи и контакты Макрона с этой транснациональной sectой. И вот уже 8 ноября 2023 года, президент Франции Макрон, выступает на собрании масонской ложи "Великий восток Франции", посвященном 250-летнему юбилею ее создания. Его заявления стали для многих, ужасающим откровением: "Масонство было создано по образу и

подобию замыслов французской нации ... Вклад масонства – это историческая истина". Макрон утверждает решающую роль масонства в формировании современной Франции: "Без него республика не была бы создана"....

К сожалению, все больше погружаясь в пучину карнавализации, подобные политики готовы использовать различные силы и социальные группы, предлагать сомнительные способы решения проблем, например, переименовать 300 улиц Франции в честь ярких представителей арабского происхождения, вместо того, чтобы заниматься решением серьезных социально-политических и экономических проблем.

Этим и отличается карнавальное поведение – они целиком и полностью направлено на достижения успеха в рекламных (PR) компаниях.

Заключение

Аналитика проявлений карнавальной политической культуры указывает на то, что политические элиты начинают страдать этим тяжелым профессиональным недугом тогда, когда осознают острый дефицит элитности в системе своей профессиональной компетентности. В современном мире мы наблюдаем, как за шумными рекламными кампаниями скрывается откровенная политическая демагогия, призванная отвлечь и перенаправить общественное внимание от вопиющего непрофессионализма и злоупотреблений элитными сообществами на очередное политическое шоу. Этот разлом и указывает на наличие аномальности в политике, на отход от норм и ценностей конструктивной политики и классической политической мысли. Именно данные аксиологические обстоятельства и создают наиболее благоприятные условия для распространения карнавальных политических традиций

В сравнении с современными западными политическими лидерами, евразийские деятели демонстрируют устойчивость традиционных политических культур и эффективное сопротивление давлению со стороны т.н. западных ультралиберальных ценностей.

Список литературы

- Bauman, Z., & Donskis, L. (2016) *Liquid evil*. Polity Press.
- «F*** you» Duterte tells European Union. (2016, сентября 20) Получено из ABS-CBN website:
<https://news.abs-cbn.com/news/09/20/16/f-you-duterte-tells-european-union>
- Ferran, L. (2011, сентября 27) Al Qaeda to Iran: Stop Spreading 9/11 Conspiracy Theory. Получено из ABC News website: <https://web.archive.org/web/2011102063433/http://abcnews.go.com/Blotter/al-qaeda-iran-ahmadinejad-stop-spreading-911-conspiracy/story?id=14620643>
- Vasudevan Sridharan (2016, сентября 16) Philippines: Duterte jokes he cannot kill all 700,000 drug pushers who surrendered. Получено из International Businesses Times website: <https://web.archive.org/web/20160921224043/http://www.ibtimes.co.uk/700000-drug-pushers-surrender-philippines-duterte-says-i-cant-kill-them-all-because-report-1581998>
- Wright, D. C. (2001) *The History of China*. Greenwood Publishing Group.

Ахмадинежад, М. (2010) Выступление президента Ирана на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Получено из Иран.ру <https://iran.ru/news/interview/68545/>
Vystuplenie_prezidenta_Irana_na_65_y_sessii_Generalnoy_Assamblei_OON

Ахмадинежад: власти США стоят за терактами 11 сентября (2010) Получено из Евроновости* website: <http://ru.euronews.net/2010/09/24/ahmadinejad-s-911-remarks-spark-un-walk-out/>

Вавилов, Н.Н. (2021) Китайская власть. «КМК».

Карабущенко, П.Л. & Оськина О.И. (2021) Постправда карнавальной политической культуры элит современного коллективного Запада. *Современные наука и инновации*. (2), 187-197. doi: 10.37493/2307-910X.2021.2.20

Карабущенко, П.Л. (2021) «Кроличьи норы» карнавальной политической культуры элит современного коллективного Запада. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. (2), 109-116. doi: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116.

Карабущенко, П.Л. (2022а) Карнавальная политическая культура. ИНФРА-М.

Карабущенко, П.Л. (2022б) Карнавальная политическая культура: миры кривляющихся химер. *Вопросы элитологии*. 3(4), 80-94. doi: 10.46539/elit.v3i4.131

Карабущенко, П.Л. (2023а) Карнавальная политическая культура и современные элиты: поиски смыслов и форм. *Ценности познавательных культур в концептуальных идеологиях. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием*. Махачкала.

Карабущенко, П.Л. (2023б) Типы и архетипы карнавальной политической культуры. *Современные наука и инновации*, (4), 249-255 (В печати).

Карабущенко, П.Л., & Подвойский Л.Я. (2022) Кризис современной политической культуры (деструкция элит политического карнавала). *Век глобализации*, (1), 86-99. doi: 10.30884/vglob/2022.01.06

Комолов, А. (2023, ноябрь 01) Президент Филиппин Маркос-младший рассказал о встрече с приевидениями во дворце. Получено из Российская газета. <https://rg.ru/2023/11/01/prezident-filippin-rasskazal-o-vstreche-s-privideniiami-vo-dvorce.html>

Красная тряпка для короля. (2007, ноябрь 13). Получено из Lenta.RU. <https://lenta.ru/articles/2007/11/13/shut/>

Куприянов, А.В. (2022) Россия и Индия: проблемы и перспективы сотрудничества. Полис. Политические исследования, (4), 63-76. doi: 10.17976/jpps/2022.04.06

Лебедева, И.В. (2021) Немецкий карнавал – политическая элита без цензуры. *Вопросы элитологии*, 2(4), 85-97. doi: 10.46539/elit.v2i4.86

Лисянский, И.Н. (2022) Карнавальная политическая культура США: элиты и лидеры в гротескном свете общественной критики. *Вопросы элитологии*, 3(4), 52-64. doi: 10.46539/elit.v3i4.12

Малашенко, А.В., Нисневич, Ю.А., & Рябов, А.В. (2018) Современное варварство: причины и следствия. *Полития*, (2), 6-22. doi: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-6-22

Оськина, О.И. (2020) Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты. *Вопросы элитологии*, 1(3), 52-73. doi: 10.46539/elit.v1i3.26

Оськина, О.И. (2022) Карнавальность как маркер современной девиантной политической культуры. *Вопросы элитологии*, 3(2), 114-128. doi: 10.46539/elit.v3i2.10

Президент Филиппин пригрозил выходом страны из ООН. (2016) Получено из Dsnews website: <https://web.archive.org/web/20160822074125/http://www.dsnews.ua/world/prezident-filippin-prigrozi-vyhodom-strany-iz-oon-21082016110500>

Семанов, В. И. (2000) Из наложниц – в императрицы. Муравей.

Топорков, А.Л. (1997) Теория мифа в русской филологической науке XIX века. Индрик.

Чан, Ц. (2016). Императрица Циси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835–1908. Центрполиграф.

«Я прокляну тебя в Лаосе», – наглый и неуравновешенный лидер Филиппин жестко обозвал Обаму, оскорбив и его мать. (2016) Получено из Dialog website: https://web.archive.org/web/20160906153831/http://www.dialog.ua/news/96358_1473097061

* Данный ресурс по мнению Роскомнадзора в РФ распространяет ложные сведения

Reference

"F*** you" Duterte tells European Union. (2016, September 20). Retrieved from ABS-CBN website: <https://news.abs-cbn.com/news/09/20/16/f-you-duterte-tells-european-union>

"I'll curse you in Laos," the brash and unstable Philippine leader harshly called Obama, insulting his mother as well. (2016) Retrieved from Dialog website: https://web.archive.org/web/20160906153831/http://www.dialog.ua/news/96358_1473097061 (In Russian).

Ahmadinejad, M. (2010) Iranian President's Address to the 65th Session of the UN General Assembly. Retrieved from Iran.ru website: https://iran.ru/news/interview/68545/Vystuplenie_prezidenta_Irana_na_65_y_sessii_Generalnoy_Assamblei_OON (In Russian).

Ahmadinejad: US authorities are behind the September 11 attacks (2010) Retrieved from Euronews* website: <http://ru.euronews.net/2010/09/24/ahmadinejad-s-911-remarks-spark-un-walk-out/> (In Russian).

Bauman, Z., & Donskis, L. (2016) *Liquid evil*. Polity Press.

Chang, C. (2016). Empress Cixi. *The concubine who changed the fate of China*. 1835–1908 (S. A. Belousova, Ed.). Centerpolygraph. (In Russian).

Ferran, L. (2011, September 27) Al Qaeda to Iran: Stop Spreading 9/11 Conspiracy Theory. ABC News <https://web.archive.org/web/2011102063433/http://abcnews.go.com/Blotter/al-qaeda-iran-ahmadinejad-stop-spreading-911-conspiracy/story?id=14620643>

Karabushchenko, P.L. & Oskina, O.I. (2021) Post-truth carnival political culture of the elites of the modern collective West. *Sovremennye nauka i innovatsii*, (2(34)), 187-197. doi: 10.37493/2307-910X.2021.2.20 (In Russian).

Karabushchenko, P.L. (2021) "Rabbit holes" of the carnival political culture of the elites of the modern collective West. *Caspian region: politics, economics, culture*. (2(67), 109-116. doi: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116. doi: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116 (In Russian).

Karabushchenko, P.L. (2022a) *Carnival political culture*. INFRA-M. (In Russian).

Karabushchenko, P.L. (2022b) Carnivalesque political culture: worlds of curvaceous chimeras. *Issues in Elitology*. 3(4), 80-94. doi: 10.46539/elit.v3i4.131 (In Russian).

- Karabushchenko, P.L. (2023a) Carnivalesque political culture and modern elites: searches for meanings and forms. *Values of cognitive cultures in conceptual ideologies. All-Russian scientific and practical conference with international participation.* Makhachkala (In Russian).
- Karabushchenko, P.L. (2023b) Types and archetypes of carnival political culture. *Sovremennye nauki i innovatsii*, (4), 249-255 (in Print) (In Russian).
- Karabushchenko, P.L., & Podvoisky L.Y. (2022) The crisis of modern political culture (destruction of political carnival elites). *The Age of Globalization*, (1), 86-99. doi: 10.30884/vglob/2022.01.06 (In Russian).
- Komolov, A. (2023, November 01) Philippine President Marcos Jr. told about meeting with ghosts in the palace. Retrieved from Rossiyskaya gazeta website: <https://rg.ru/2023/11/01/prezident-filippin-rasskazal-o-vstreche-s-privedeniami-vo-dvorce.html> (In Russian).
- Kupriyanov, A.V. (2022) Russia and India: problems and prospects of cooperation. *Polis. Political Studies*, (4), 63-76. doi: 10.17976/jpps/2022.04.06 (In Russian).
- Lebedeva, I.V. (2021) German carnival - political elite without censorship. *Issues in Elitology*, 2(4), 85-97. doi: 10.46539/elit.v2i4.86 (In Russian).
- Lissiansky, I.N. (2022) US carnivalesque political culture: elites and leaders in the grotesque light of public criticism. *Issues in Elitology*, 3(4), 52-64. doi: 10.46539/elit.v3i4.12 (In Russian).
- Malashenko, A.V., & Nisnevich, Y.A., & Ryabov, A.V. (2018) Modern barbarism: causes and consequences. *Politika*. (2), 6-22. doi: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-6-22 (In Russian).
- Oskina, O.I. (2020) Transformational variables of political culture of the modern political elite. *Issues in Elitology*, 1(3), 52-73. doi: 10.46539/elit.v1i3.26 (In Russian).
- Oskina, O.I. (2022) Carnivality as a marker of modern deviant political culture. *Issues in Elitology*, 3(2), 114 - 128. doi: 10.46539/elit.v3i2.10 (In Russian).
- Philippine president threatens country's withdrawal from UN. (2016) Retrieved from Dsnews website: <https://web.archive.org/web/20160822074125/http://www.dsnews.ua/world/prezident-filippin-prigrozil-vyhodom-strany-iz-oon-21082016110500> (In Russian).
- Red rag for the king. (2007, November 13). Retrieved from Lenta.RU website: <https://lenta.ru/articles/2007/11/13/shut/> (In Russian).
- Semanov, V. I. (2000) From concubines to empresses. Ant. (In Russian).
- Toporkov, A.L. (1997) *The theory of myth in Russian philological science of the nineteenth century*. Indrik (In Russian).
- Vasudevan Sridharan (2016, September 16) Philippines: Duterte jokes he cannot kill all 700,000 drug pushers who surrendered. Retrieved from International Businesses Times website: <https://web.archive.org/web/20160921224043/http://www.ibtimes.co.uk/700000-drug-pushers-surrender-philippines-duterte-says-i-cant-kill-them-all-because-report-1581998>
- Vavilov, N.N. (2021) Chinese power. "KMK" (In Russian).
- Wright, D. C. (2001) *The History of China*. Greenwood Publishing Group.

* This resource, according to Roskomnadzor in the Russian Federation, disseminates false information.

Features of Internet Memes in Modern Russian Political Communication

(a) Ekaterina V. Kudryashova, (b) Venera A. Murzalieva

(a) Astrakhan State University named after. V.N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

E-mail: eafanasova[at]mail.ru ORCID 0000-0002-9943-6394

(b) Astrakhan State University named after. V.N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

E-mail: veneramurzalieva11[at]mail.ru

Abstract

Internet memes are a new phenomenon characteristic of the Internet space. Memes gain their recognition due to anonymity, seriality, relevance, humor, emotionality, etc. In the modern information society, people are looking for an alternative to traditional ways of expressing protest or expressing their opinions, which will not entail punishment. Internet memes are an ideal tool in this case.

Memes are a great way that you can use to improve your image, especially among the younger generation. Thus, in recent years in Russia, the opposition side has quite often used memes as a tool for communicating with the audience and thus creating a certain image. In addition, in Russia, political memes are a new phenomenon that has become widespread not so long ago. The main sources of inspiration for creating memes are the top officials of the state. Quite often, various photographs of the President of the Russian Federation and his famous phrases are used, which attract the attention of not only Russian citizens, but also audiences from other countries. In addition to the President, you can often find phrases and expressions from D. Medvedev, with which a large number of Internet memes are also created

Keywords

Meme; Internet; Internet meme; political communications; political process; information Technology; Internet space; Information society; information; mass media.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

Особенности Интернет-мемов в современной российской политической коммуникации

(а) Кудряшова Екатерина Викторовна, (б) Мурзалиева Венера Асленбековна

(а) Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

E-mail: eafanasova[at]mail.ru ORCID 0000-0002-9943-6394

(б) Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

E-mail: veneramurzalieva11[at]mail.ru

Аннотация

Интернет-мемы – это новое явление, характерное для интернет-пространства. Мемы приобретают свою узнаваемость благодаря анонимности, серийности, актуальности, юмору, эмоциональности и т.д. В современном информационном обществе люди ищут альтернативу традиционным способам выражения протеста или высказывания своего мнения, которое не повлечет за собой наказания. Идеальным инструментом в данном случае выступают интернет-мемы.

Мемы – отличный способ, который можно использовать для улучшения своего имиджа, особенно среди молодого поколения. Так, в последние годы в России оппозиционная стороны довольно часто использует мемы как инструмент для общения с аудиторией и создания, таким образом, определенного образа. Кроме того, в России политические мемы – новое явление, получившее распространение не так давно. Основными источниками вдохновения для создания мемов выступают первые лица государства. Довольно часто используются разные фотографии Президента РФ и его известные фразы, которые привлекают внимание не только российских граждан, но и аудиторию из других стран. Помимо Президента довольно часто можно встретить фразы и выражения Д. Медведева, с которыми также создается большое количество интернет-мемов.

Ключевые слова

Мем; Интернет; Интернет-мем; политические коммуникации; политический процесс; информационные технологии; интернет-пространство; информационное общество; информация; средства массовой коммуникации.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](#)

Введение

XXI век, ставший периодом активного развития и внедрения новых информационных технологий во все сферы жизни, привел к изменению процесса коммуникации, играющей одну из первостепенных ролей в существовании и развитии любого общества.

Основные преобразования, происходящие в современном мире, связанны с развитием Интернета и большого количества новых пользователей, благодаря чему, осуществление процесса получения и обмена информацией стало гораздо быстрее и проще. Однако это явилось причиной потери доверия населения к средствам массовой информации, до этого выступавшим основным источником получения информации для широкой общественности. На сегодняшний день наибольшее доверие люди отдают неформальным средствам коммуникации, среди которых чаще используются интернет-мемы.

Конкретный материал относительно доверия к СМИ можно предложить, опираясь на результаты социологического исследования «Определение уровня доверия граждан к социально-политическим институтам и органам власти как элемента общественно-политических процессов, происходящих под воздействием глубоких глобальных трансформационных процессов в социально-политической сфере», проведенного учеными Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева. В качестве объекта исследования выступили г. Астрахань и Астраханская область. В исследовании, которое проводилось в сентябре–ноябре 2022 года, было опрошено 600 человек.

В ходе опроса был сделан замер уровня доверия тем или иным социально-политическим институтам, в том числе и СМИ. Результаты исследования нашли отражение в монографии «Политическое доверие эпохи «воюющих демократий».

Приходится констатировать удручающее положение с показателями у СМИ, у которых самая низкая степень полного доверия – 4,2 %, т.е. последнее 13 место среди всех социальных институтов, самая высокая степень полного недоверия – 36,3 % (тоже 13 место), предпоследнее 12 место по индексу доверия (-42,7 %). Зато первое место по степени недоверия в целом (62,9 %). Но радости от этого первого места нет и быть не может.

Еще более удручающе выглядит ситуация у политических партий. Предпоследнее 12 место по степени полного доверия – 4,9% и последнее по степени доверия с оговоркой «скорее» - 12,6%.

Как видим, институтами, пользующимися наименьшей степенью доверия, являются СМИ и политические партии.

Обратим внимание на некоторые аспекты деятельности СМИ в самом общем виде. В XX они стали одним из основных институтов социализации и идеологии, одним из важнейших источников формирования общественного сознания и мнения. В наши дни СМИ представляют собой субъект политики,

один из важнейших инструментов управления политическим процессом. Обращаясь к большинству общества напрямую, они способны обеспечить поддержкой масс и политического лидера, и политическую партию, и ее политический курс. Хорошо известно мнение, что для удержания страны под контролем, достаточно контролировать ее ведущие телеканалы и печатные издания. Поэтому СМИ и называют «четвертой ветвью власти» – после законодательной, исполнительной и судебной.

Следует заметить, что СМИ, с одной стороны, формируют общественное мнение и направляют его, помогают политикам заручиться поддержкой широких общественных групп, а с другой стороны, способны создать в обществе напряженность, подорвать доверие к властям. Это может быть сделано, если, к примеру, достаточно долго публиковать материалы определенного характера. В то же время, СМИ могут перенаправить недовольство властными элитами, указывая обществу другую мишень для негодования. СМИ могут обеспечить правительство и другие властные структуры поддержкой населения, а могут, наоборот, обеспечить общественное неодобрение их действий.

Важно подчеркнуть, что СМИ отнюдь не представляют собой зеркала, способного давать точное отражение действительности. Предоставляемая ими широкой общественности информация всегда пропускается через своеобразную систему фильтров. Еще на один аспект важно обратить внимание: СМИ – это инструмент, который используют в своих интересах определенные социальные силы. Как раз, будучи таким инструментом, СМИ и способны манипулировать общественным сознанием, навязывать гражданам решения, основанные не на разуме, а на эмоциях.

Нельзя упускать из виду и следующее обстоятельство. В современных условиях СМИ представляют собой важное, но далеко не единственное средство формирования общественного сознания и предоставления информации. К тому же, практически все крупные СМИ по всем вопросам и проблемам призваны выражать официальную точку зрения, которая может подвергаться корректировке/искажению другими источниками информации.

Так, в последнее время все больше усиливается влияние на общественное сознание народной журналистики, так называемых, блогеров. Текстовые блоги и видеоблоги создаются гражданами или объединениями граждан и пользуются в обществе все большим авторитетом, оспаривая его крупных СМИ.

И даже если их (блогеров) положения/утверждения, аргументы и выводы не являются истиной в последней инстанции, а могут сознательно или несознательно искажать эту истину, то они, в определенной мере, непременно подрывают степень доверия к официальным СМИ. К тому же, порой они оперативнее выдают информацию по тому или иному вопросу, и эта первичная информация «оседает» в сознании людей, формируя к событию определенное отношение, которое официальным СМИ приходится потом опровергать, подвергать пересмотру, что не всегда бывает успешным. Можно

сказать, что срабатывает принцип: первое слово дороже второго (Карабущенко et al, 2023, с. 140–143).

В последнее время все чаще именно мемы стали восприниматься не просто в качестве смешной картинки, а полноценного инструмента коммуникации, используемого пользователями Интернета для высказывания своего мнения относительно событий, происходящих как внутри страны, так и за ее пределами. Так же они применяются для выражения поддержки или протеста в сторону политических лидеров государства, их политики, имиджа; высмеивания программы кандидата в процессе выборов.

Активное внедрение данного феномена в политическую деятельность привлекло внимание специалистов в данной сфере, которые стали использовать интернет-мемы для выстраивания положительного имиджа политика во время предвыборных кампаний; дискредитации оппонента, высмеивания его действий, неудач и предлагаемой программы, а также для более близкой коммуникации кандидатов со своими избирателями для увеличения их доверия и более лояльного отношения.

Использование интернет-мемов также дает возможность гражданам разных стран быть вовлеченными в политические процессы, происходящие в той или иной стране. Та идея, ценность и посыл, который закладывается в мем, может оказать сильной воздействие на международное общество, к примеру, изменив его отношение к стране, ее лидеру и гражданам. Следовательно, благодаря мемам, общество не только информируется относительно событий, но и получает возможность сформировать относительно их свое мнение.

Методология

Первым ученым, использовавшим термин «мем» в своей работе «The Selfish Gene» (в переводе на русский: «Эгоистичный ген»), был Р. Докинз. Однако еще в 1904 г. немецкий зоолог Р. Земон использовал термин «миметика» (с греч. *mimētēs* – притворщик, переговорщик). Позже в 1921 г. работа Р. Земона была переведена на английский язык и получила название «The Mneme». Уже в 1976 г. всем хорошо известный термин «мем», произошедший от греческого «миметика», был употреблен английским эволюционным биологом, Р. Докинзом.

В своей работе, занимаясь описанием теории мемов, Р. Докинз сравнивает их с генами – генетической передачей информации, заключающейся в трансляции одним человеком определенной информации и копированием этой же информации другим. Исследователь писал: «Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» (Докинз, 2013, стр. 126). Таким образом, по мнению

Р.Докинза, долговечность, плодовитость и точность копирования – главное качества мемов.

В конце XX в. появляются новые работы, которыми занимались С. Блэкмур, Р. Броуди, Д. Хофтадтер. Новые исследования были посвященыному изучению мемов: особенностям, их природе, возможности к самовоспроизводству и, самое главное, – анализу влияния, оказываемого ими на общество и политические процессы.

Одним из таких исследователей, занимавшимся изучением данного понятия, является Д.Рашкофф, сравнивший мем с вирусом, распространяющимся по организму животных. Впоследствии идеи такого формата были названы им «медиавирусами». По его мнению, медиавирусы – мемы и мемо-плексы, распространяющиеся в информационном пространстве и изменяющие понимание событий, происходящих на местах или в мире (Рашкофф, 2003, стр. 155).

Говоря об отечественных исследователях, занимавшихся изучением данного термина, можно назвать С.А. Шомову, доктора политических наук, профессора департамента медиа НИУ ВШЭ. Использование мема в политической сфере – основное направление работы С. Шомовой. По ее мнению: политический интернет-мем – особенный жанр, используемый для общения в Интернете. Примером могут послужить сообщения-реакции пользователей Сети на определенные события, происходящие в политической сфере (Шомова, 2015, стр. 39). Этот исследователь также утверждает, что зарубежная политическая наука занимается активным изучением роли мемов в процессе выборов, если же говорить об отечественных исследованиях, то данный термин и его потенциал изучены не до конца.

Еще одним отечественным исследователем в данном направлении считается И. Ксенофонтова, которая определила мемы как распространение определенной информации в Интернете любыми способами. Однако, она подчеркивает, что не каждая информация является мемом (Ксенофонтова, 2009, стр. 289). Таким образом, можно считать, что основной задачей для интернет-пользователей является обмен информационным продуктом, т.е. мемом.

Большая заинтересованность в данном феномене заставляет исследователей заниматься активным его изучением: проводить исследования, связанные с определением характеристик мемов, а также созданием классификаций, которые смогли бы охватить всевозможные аспекты.

Политические Интернет-мемы в России

Сильная вовлеченность интернет-мемов в политическую сферу наделяет их особенностями, отличающими их от мемов, относящимся к другим сферам. Основным источником политических мемов являются фразы, фотографии политиков (чаще всего неудачные); фрагменты видео, где показаны неловкие моменты, происходящие с политиком.

В качестве текстовых мемов, как правило, выступают слова и фразы без визуального и звукового сопровождения. Примером может послужить всем известная фраза Д.А. Медведева «Денег нет, но вы держитесь» (Просто денег нет сейчас. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, всего доброго, хорошего настроения и здоровья), которую он произнес во время встречи с пенсионерами в Крыму.

Memepedia отмечает, что выражение, ставшее популярным в сети, используется гражданами России для демонстрации недостатков в разных сферах жизни: здравоохранение, пенсии, дороги и т.д. Фраза быстро распространилась и стала популярной среди пользователей. В декабре 2016 г. являлась одной из самых запрашиваемых в категории «мемы года». Фраза Д.Медведева использовалась не только пользователями Интернета, но также, к примеру, она была применена компанией Tele2 для рекламы своих сотовых услуг: «Конкуренты, вы держитесь там! Хорошего вам настроения, здоровья!» («Денег нет, но вы держитесь», 2017). Позже без каких-либо объяснений рекламный слоган был удален.

Другим примером выражения, ставшего мемом, можно назвать фразу «Спасибо, что проголосовали за пакет поправок в Конституцию». Выражение стало популярным после того, как было объявлено, что граждане некоторых регионов России могут выразить свое отношение к предложению о внесении поправок в Конституции РФ, выдвинутых Президентом страны, на сайте Госуслуг. Информация в короткие сроки распространилась по социальным сетям, вызвав массовую реакцию. Пользователи обсуждали большую вероятность фальсификации результатов, причиной которой должно было стать онлайн-голосование.

Как отмечает О. Волкова, пост одного из пользователей, опубликованный в Twitter (запрещенная в России социальная сеть), в котором был получен положительный ответ на вопрос о необходимости покупки пакета (Волкова, 2022, стр. 186), начал набирать популярность, стал вирусным, запустив волну по созданию мемов, относящихся к данной теме.

В качестве еще одного примера может послужить фраза Президента РФ: «Нравится – не нравится, терпи, моя красавица!», сказанная им во время встречи с Президентом Франции Э. Макроном во время обсуждения вопросов, касающихся выполнения украинской стороной Минских договоренностей. Выражение, сказанное Президентом РФ, быстро распространилось по Сети и вызвало бурную реакцию у многих пользователей, а также стало причиной создания множества мемов с изображенным на них Президентом Украины В. Зеленским (Пул №3, 2022).

Визуальная группа мемов, включает в себя фотожабы, мемы-изображения, а также видеомемы (медиамемы). Примером может послужить мем, получивший название «Длинный стол Путина», или «Путин за длинным столом». Данный мем стал распространяться по Интернету после встречи Президента РФ В.В.Путина и Президента Франции И.Макрона, состоявшаяся в феврале

2022 г. («Переговоры длились 5 часов из-за большого стола»..., 2022). Переговоры между двумя лидерами проходили за длинным столом, который сразу же привлек внимание общественности, а особенно пользователей Интернета. Опубликованные фотографии моментально стали источником для создания мемов-фотожаб, создавая которые авторы растягивали стол или размещали за ним разных персонажей.

Позднее ситуация с длинным столом повторялась вновь во время встречи Президента с главой МИД и министром обороны. Для проведения встречи выбрали еще более длинный стол, что запустило новую волну мемов (Рыцари длинного стола, 2022).

Однако, уже 15 февраля после встречи В. Путина с канцлером ФРГ О. Шольцом, которая проходила за тем же столом, который использовался во время встречи с И.Макроном, ситуация перестала вызывать смех у пользователей Интернета.

Еще одним примером данной группы мемов можно считать падение министра иностранных дел России С. Лаврова, произошедшее в 2018 г. на форуме «Россия – страна возможностей». Поднимаясь на платформу, глава МИД споткнулся и упал прямо на сцене, тем самым вызвав бурную реакцию общественности и став мемов, отражающим положение дел в стране.

Несмотря на то, что фото было почти сразу удалено после его публикации, оно уже распространилось по многим социальным сетям. Стоит отметить, что пользователи большее внимание уделили не самому факту падения главы МИДа, а названию мероприятия, на котором это произошло. Таким образом, мем, получивший название «Россия поднимается с колен», создавался пользователями для освещения имеющихся в стране проблем и не только (Андреева, 2018).

И наконец, последняя группа, креолизованные мемы (вербально-визуальные), которая чаще используются аудиторией, что делает ее наиболее популярной в Интернет. Основными видами третьей группы выступают как видеомемы, так и статичные изображения.

Для политической коммуникации, осуществляющей как в реальной, так и в виртуальной среде, характерна фраза «Я вне политики» или «Я политикой не интересуюсь» («Я политикой не интересуюсь, Я вне политики», 2022). Сложившаяся на международной арене обстановка, носившая негативный характер, побудила людей сохранять, а иногда даже увеличивать свою аполитичность. Такой позиции придерживалось большое количество людей, что вызывало раздражение у некоторых слое общества и стало причиной создания мемов на данную тему.

Рассматривая креолизованные мемы, стоит добавить, что И. Кудашев и Е. Спирин, занимающиеся изучением сферы политической коммуникации, обратили внимание на образ Президента РФ В. Путина, который часто используется в качестве основы для мемов (Кудашев, & Спирин, 2016). В связи с этим, специалистами было выделено несколько типажей Президента РФ.

К первому типажу авторы относят «настоящего мужчины», показывающего В. Путина как человека в хорошей физической форме, умеющего пользоваться оружием и управлять транспортом разного вида. Наиболее популярным является мем «Путин с голым торсом», который начал распространяться по интернет-пространству после отдыха Президента в 2009 г. Фотография стала вирусной не только в России, где из нее создавались фотожабы, но и на Западе, где он приобрел популярность в средствах массовой информации, а также стал частью массовой культуры. К этому же виду можно отнести мем «Путин и голубь», который по сей день является популярным во многих социальных сетях. Причиной создания данного мема является неожиданное приветствие Президента с голубем, произошедшее во время его визита в 2017 г., когда он посетил некоторые храмы Рогожского культурного центра. После такого действия в российском интернет-пространстве завирусилось видео, созданное пользователем, на котором запечатлено, как голубь отвечает на приветствие главы государства.

«Образ политика», является вторым и показывает В. Путина с двух сторон. С одной стороны, он – мировой лидер, который способен приниматься все решения самостоятельно без оглядки на западную элиту, с другой стороны, рассматривающей внутреннюю политику, В. Путин – глава государства, руководитель, в руках которого сосредоточена вся власть. Наиболее часто используемыми фотографиями, выступающими в качестве шаблона для мемов, являются изображение улыбающегося Президента РФ с небольшим прищуром, с кулаком, а также плачущего. Стоит также отметить, что в апреле 2022 г. популярность набрала фотография, сделанная во время встречи Президента с министром обороны С. Шойгу. Особое внимание пользователи обратили на позу В. Путина, которая стала причиной для создания разнообразных мемов.

В том числе, люди вспомнили про длинный стол, за которым Президент не раз проводил свои встречи в феврале и марте 2022 г. По итогу, фото стало распространяться по Сети и вируситься, люди комментировали, делились им, а также создавали мемы (Mememaste, 2022).

Последний образ – «Путин-чекист» (Кудашов & Спирин, 2016). Третий типаж, представляющий Президента как агента спецслужб, наиболее распространен на Западе, где Россия – страна, вызывающая страх у населения, а В. Путин – таинственный, скрытый и загадочный лидер, бывший служащий советской разведки.

Рассматривая образ Президента В.В. Путина, изображения и выражения которого достаточно часто используют в качестве шаблона для создания интернет-мемов, можно выделить события 2020 г., связанные с внесением поправок об обнулении президентских сроков. Для создания мемов на данную тему за основу был взят мем «Наташ, вставай!», который стал популярным в интернете в декабре 2019 г.

Изначальный шаблон был помещен в политическую ситуацию – внесение поправок об обнулении президентских сроков, т.е. его визуальная часть оста-

лась прежней, в том время как вербальная была изменена: имя Наташа было заменено на Володя, а также были добавлены некоторые реплики: первый срок, второй срок, 3-й и 4-й срок и т.д.

В качестве еще одного примера можно использовать мем «Проветрили и хватит!». Фраза была взята из вступления поэмы «Медный всадник» А.С. Пушкина. Визуальная часть данного мема состоит из изображений исторических деятелей России. Для создания одного из видов такого мема были использованы изображения Петра I и В. Путина. Созданный мем был подписан следующим образом: «Открыл окно в Европу – Закрыл окно в Европу», и как итог – общая фраза «Проветрили и хватит!», которая показывает сложных отношений, складывающихся между Евросоюзом и Российской Федерацией.

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство – в последние десятилетия в России интернет-мемы стали важной частью политической коммуникации: выражении своего мнения относительно политических событий, позиций, протеста, а также высмеивании кандидатом своего оппонента и т.д. Особенно сильно процесс внедрения интернет-мемов стал заметен в 2019 г., ставшим годом протестных акций на территории Российской Федерации. М.В.Милованова и У.В.Терентьева, опираясь на данный факт, выделили рейтинг интернет-мемов, демонстрирующих отношение общественности к протестам, а также проанализировали оказываемое ими влияние на сознание людей (Милованова & Терентьева, 2022, стр.60).

В 2019 г. согласно данным мониторинга Медиалогии, форма протестной акции «Я/Мы Иван Голунов», созданная по примеру «Je suis Charlie, #metoo, набрало наибольшую популярность в Интернете. Началось все с поддержки в отношении журналиста «Я/Мы Иван Голунов», выраженной такими известными изданиями, как «Ведомости», «Коммерсант» и «РБК». Это действия стало причиной для массовых протестов в стране. Многими исследователями было отмечено, что такой прием стал Интернет-мемом, который позднее был применен и к другим акциям протesta. Шаблон «Я/Мы (...)» стал браться за основу для проведения акций в поддержку кого-либо. Так, к примеру, М.Милованова и Е.Терентьева отмечают, что данный шаблон был использован как минимум в двух случаях: в процессе «московского дела» и в деле ареста бывшего губернатора Хабаровского края (Милованова & Терентьева, 2022, стр.60).

В 2021 г. одним из самых популярных считался мем «Вы продаете рыбов?», который представляет собой фотографию, на которой изображены коты, смотрящие на рыбу. Сматря на данное изображение, складывается ощущение, что коты и продавцы рыбы ведут диалог. Данное фото, используемое пользователями в качестве шаблона для мемов, впервые появилось в интернете в 2014 г. и выступало основой для разного вида мемов, но именно в 2021 г. изображение стало набирать большую популярность, став трендом («Вы продаете рыбов?», 2021). Важно отметить, что причиной вирусности стало не само фото, а сопро-

вождаемые его надписи. Как отмечено на сайте Memepedia, все началось с «диалога»:

- Здравствуйте а вы продаете лобстеров?
- нет только рыбов.

Позднее содержание мема было видоизменено. К тому же стоит заметить, что специально были допущены ошибки. В новом варианте коты спрашивали не про лобстеров, а про «рыбов»:

- вы продоёте рыбов?
- нет просто показываю
- красиво....

Таким образом, новый вариант мема стал распространяться по Сети и набирать еще большую популярность. При этом допущенные ошибки сохранялись и выступали в качестве шаблона. В начале 2022 г. из-за произошедших событий, данный мем стал еще более актуальным (Там же). Пользователи изменили его, подстроив под политические, экономические реалии того периода:

- вы продаете газов?
- только за рубли
- красивое...

Новый адаптированный под политические события 2022 г. мем, вызвал положительную реакцию у пользователей, которые начали создавать свои варианты, связанные с разными политическими моментами: рост доллара, события, валютой и другое (Милованова & Терентьева, 2022, стр.63).

Использование Интернет-мемов российской оппозицией

Довольно часто российская оппозиция, а также политики, которые на протяжении долгого времени борются за власть, попадают под критику пользователей российского интернет-пространства. Наиболее частыми героями мемов выступают Г.Явлинский, которого чаще всего высмеивают и критикуют за отрицательную результативность и длительность его участия в борьбе за место президента страны; мемы про К. Собчак чаще всего иллюстрируют особенности ее внешности. Если же рассматривают еще одного известного политика В.Жириновского, то его чаще всего показывают как человека скандального, известного своими кричащими фразами и выражениями и склонного к провокационным действиям.

При этом необходимо отдельно выделить самого известного оппозиционера и героя мемов в последние годы, А. Навального⁴. По мнению одного из основателей сайта Memepedia А. Кривеца, А. Навальный - яркий пример человека-мема, который отлично разбирается в них и целенаправленно делится ими со своей аудиторией. Поскольку основная часть его последователей – молодые граждане, проводящие большое количество своего времени в Сети, его тактика использования мема для коммуникации с ними работает (Шомова, 2019, стр.36).

А. Навальный, деятельность которого в самом начале яростно продвигали и поддерживали разные интернет-издания и блоги, на сегодняшний день достаточно сильно потерял эту поддержку. Как отмечает С. Шомова, часто можно встретить мемы про А. Навального, в которых используются эрративы (намеренные искажения слов), что связано с желанием создателей переложить ответственность и вину на кого-то другого (Шомова, 2019, стр.37).

К примеру, фраза «Все было хорошо, пока не пришел Навальный», или «И тогда пришел Навальный», произнесенная Е. Винокуровой в видеообращении к сторонникам оппозиционера, записанном после митинга, с которого Навального «вышвырнули», по его словам. Произнесенная журналистом фраза рассмешила пользователей Сети и стала использоваться как сторонниками, которые показывают реальную позицию человека, так и противниками оппозиционера, которые таким способом пытались задеть или высмеять Навального, показывая его главным виновником всех проблем в стране (Mememaster, 2017).

Заключение

Большая вовлеченность пользователей интернета в интернет-пространство говорит о том, что интернет-мем, роль которых в последнее время значительно возросла, оказывает на аудиторию определенное психологическое воздействие. Но, несмотря на это, все зависит от умонастроения самого «потребителя». Для человека со здоровой психикой и критическим мышлением мемы не представляют никакой опасности, наоборот, в большинстве случаев, вызывают лишь положительные эмоции: смех, радость, улыбку и т.д.

Однако не стоит забывать, что во многие политические мемы бывают заложены: призыв к активным действиям, агрессия, направленная на определенные политические структуры или лица. В таком случае, публикация и дальнейшее распространение таких мемов может привести к негативным последствиям как для отдельного человека, или группы людей, так и для всего общества в целом.

Отдельно необходимо отметить, что создание мемов на политическую тему способно сильно исказить «реальность» произошедших событий, изменяют настоящий образ политика, его имидж и оказываемое им влияние.

4 Признан экстремистом в РФ

Следовательно, интернет-мемы могут полностью исказить и «перевернуть» историческую память общества в будущем.

Список литературы

- Brodie, R. (1996). Virus of the Mind: The New Science of the Meme. Integral Press.
- Hofstadter, D.R. (1996). Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern. Basic Books.
- «Переговоры длились 5 часов из-за большого стола»: Соцсети заполонили мемы о встрече Путина и Макрона. (2022, февраль 9). Получено из БезФормата website: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/listnews/memi-o-vstreche-putina-i-makrona/102330253/>
- Андреева М. (2018). Россияне высмеяли упавшего на сцене Сергея Лаврова. Получено из Ваш город website: <https://vashgorod.ru/post103735>
- Волкова, О. И. (2022). Интернет-мемы как инструмент политической коммуникации в современной России. РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ сборник научных трудов XIII Международной научно-практической конференции. Омск, 2022, 184–191. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
- Всё было хорошо, пока не появился Навальный**. (2017, май 15). Получено из Memepedia website: <https://memepedia.ru/vsyo-bylo-xorosho/>
- Вы продаете рыбов? Нет просто показываю – происхождение мема. (2021, июль 29). Получено из Memepedia website: <https://memepedia.ru/vy-prodaete-rybov/>
- Денег нет, но вы держитесь—Дмитрий Медведев. (2017, май 24). Получено из Memepedia website: <https://memepedia.ru/deneg-net-no-vy-derzhites/>
- Докинз, Р. (2013). Эгоистичный ген. Москва: АСТ:CORPUS.
- Карабущенко, П.Л., Усманов, Р.Х., Оськина, О.И., Подвойский, Л.Я., Григорьев, А.В., Кудряшова, Е.В., & Рогов, А.В. (2023). Политическое доверие эпохи «воюющих демократий». «КДУ», «Добросвет», doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1312
- Ксенофонтова, И.В. (2009). Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг. В А.С. Каргин (ред.), *Интернет и фольклор*. (сс. 285– 293). ГРЦРФ.
- Кудашов, И. В., & Спирин, Е. В. (2016). Креолизация образа В.В. Путина через интернет-мемы. В Е. С. Meer (Ред.), ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ВОСПРИЯТИЕ, ОБРАЗ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ материалы IX Всероссийской научной конференции. Ответственный редактор Е.С. Meer. 2016. Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
- Милованова, М. В., & Терентьева, Е. В. (2022). Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в России. Гуманитарные и социальные науки, 93(4), 58–66. doi: 10.18522/2070-1403-2022-93-4-58-66
- Наташ, ты спиши? Вставай, мы там все уронили. (2022). Memepedia. <https://memepedia.ru/natash-my-tam-vsyo-uronili/>
- Пул N3. (2022, февраль 10). И назвал красавицей. Получено из Telegram website: <https://t.me/dimsmirnov175/29400>
- Путин вцепился в стол на встрече с Шойгу и попал в мемы. (2022, апрель 21). Получено из Memepedia website: <https://memepedia.ru/putin-vcepilsya-v-stol/>

Рашкофф, Д. (2003). Медиавирус: Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание. Ультра-культура

Рыцари длинного стола (2022). Получено из Amic.ru website: <https://www.amic.ru/news/politika/rycari-dlinnogo-stola-v-seti-vnov-obsuzhdayut-distanciyu-vladimira-putina-na-vstrechah-497606>

Терентьева, Е. В., & Милованова, М. В. (2022). Политические интернет-мемы в современной российской интернет-коммуникации. *Мир науки, культуры, образования*, (4), 306–309. doi: 10.24412/1991-5497-2022-495-306-309

Шомова, С.А. (2015). Политический Интернет-мем: сущность, специфика, разновидности. *Бизнес. Общество. Власть*, (22), 28-41.

Шомова, С.В. (2019). Развлекать или властвовать: образы российской власти и оппозиции в Интернет-мемах. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, (3), 23-43.

Я политикой не интересуюсь, Я вне политики. (2022, марта 14). Получено из Memepedia website: <https://memepedia.ru/ya-politikoj-ne-interesuyus/>

** Признан экстремистом в РФ

References

"The talks lasted 5 hours from behind a big table": Social networks flooded with memes about Putin and Macron's meeting. (2022, February 9). Retrieved from BezFormata website: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/listnews/memi-o-vstreche-putina-i-makrona/102330253/> (In Russian).

Andreeva, M. (2018). Russians mocked Sergey Lavrov who fell on stage. Retrieved from Your city website: <https://vashgorod.ru/post103735> (In Russian).

Are you selling fish? No just showing - the origin of the meme. (2021, July 29). Retrieved from Memepedia website: <https://memepedia.ru/vy-prodaete-rybov/> (In Russian).

Brodie, R. (1996). *Virus of the Mind: The New Science of the Meme*. Integral Press.

Dawkins, R. (2013). *The selfish gene*. AST:CORPUS (In Russian).

Everything was fine until Navalny** appeared. (2017, May 15). Retrieved from Memepedia website: <https://memepedia.ru/vsyo-bylo-xorosho/> (In Russian).

Hofstadter, D.R. (1996). *Metamagical Themas: Questing for the Essence of Mind and Pattern*. Basic Books.

I am not interested in politics, I am out of politics. (2022, March 14). Retrieved from Memepedia website: <https://memepedia.ru/ya-politikoj-ne-interesuyus/> (In Russian).

Karabushchenko, P.L., Usmanov, R.H., Oskina, O.I., Podvoysky, L.Y., Grigoriev, A.V., Kudryashova, E.V., & Rogov, A.V. (2023). *Political trust in the era of "warring democracies"*. "KDU" Dobrosvet, doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1312 (In Russian).

Knights of the long table (2022). Retrieved from Amic.ru website: <https://www.amic.ru/news/politika/rycari-dlinnogo-stola-v-seti-vnov-obsuzhdayut-distanciyu-vladimira-putina-na-vstrechah-497606>. (In Russian).

- Ksenofontova, I.V. (2009). Specificity of communication in conditions of anonymity: memetics, image-boards, trolling. In A.S. Kargin (Ed.), *Internet and folklore*. (pp. 285– 293.) GRCRF (In Russian).
- Kudashov, I. V., & Spirin, E. V. (2016). Creolization of the image of V.V. Putin through internet memes. In E. S. Meer (Ed.), HISTORY OF WORLD CIVILIZATIONS: PERCEPTION, REPRESENTATION, REPRESENTATION OF GOVERNMENT: Proceedings of the IX All-Russian Scientific Conference. 2016. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. (In Russian).
- Milovanova, M. V., & Terentyeva, E. V. (2022). Internet memes as a topical phenomenon of political Internet communication in Russia. *Humanities and Social Sciences*, 93(4), 58-66. doi: 10.18522/2070-1403-2022-93-4-58-66 (In Russian).
- Natasha, are you asleep? Get up, we dropped everything in there. (2022). Memepedia. <https://memepedia.ru/natash-my-tam-vsyo-uronili/>. (In Russian).
- No money, but you hang in there-Dmitry Medvedev. (2017, May 24). Retrieved from Memepedia website: <https://memepedia.ru/deneg-net-no-vy-derzhites/> (In Russian).
- Pool N3. (2022, February 10). And called a beauty. Retrieved from Telegram website: <https://t.me/dimsmirnov175/29400> (In Russian).
- Putin clutched onto the table at his meeting with Shoigu and got into memes. (2022, April 21). Retrieved from Memepedia website: <https://memepedia.ru/putin-vcepilsya-v-stol/> (In Russian).
- Rushkoff, D. (2003). *Media Virus: How pop culture secretly influences our consciousness*. Ultra-culture (In Russian).
- Shomova, S.A. (2015). Political Internet meme: essence, specificity, varieties. *Business. Obshchestvo. Vlast*, (22), 28-41. (In Russian).
- Shomova, S.V. (2019). To entertain or to rule: images of Russian power and opposition in Internet memes. *Vestnik of Moscow University. Series 10. Journalism*, (3), 23-43 (In Russian).
- Terentyeva, E. V., & Milovanova, M. V. (2022). Political Internet memes in contemporary Russian Internet communication. *The world of science, culture, education*, (4), 306-309. doi: 10.24412/1991-5497-2022-495-306-309 (In Russian).
- Volkova, O. I. (2022). Internet memes as a tool of political communication in modern Russia. DEVELOPMENT OF POLITICAL INSTITUTES AND PROCESSES: INTERNATIONAL AND DOMESTIC EXPERIENCE Collection of scientific papers of the XIII International Scientific and Practical Conference. Omsk, 2022, 184-191. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. (In Russian).

** Recognized as an extremist in the Russian Federation (In Russian).

Gerontocracy and Carnival culture of the Ancient World (Greece, Italy)

Aleksey A. Ilin

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: korablevrr[at]mail.ru ORCID 0000-0001-7002-4057

Abstract

The phrase "Political Carnival" is found everywhere today. Researchers use this phrase in relation to the modern politics of the West, paying attention to the unpopular decisions of the ruling elite. For this, the leaders of some states began to be called "cranks". It is important that this stigma is increasingly being placed on older managers in Europe and the United States. The age elites pretend that they do not pay attention to criticism and continue to "bend" their political line.

The purpose of this study is to determine the genesis of gerontocracy and to understand the essence of the political carnival of the Ancient World. The author designates the periods of formation and spread of gerontocracy in Europe. Analyzes the attitude of society towards gerontocrats and their policies, draws attention to and compares the positions of outstanding researchers (philosophers) Of the ancient world as to how they received older managers.

Analyzing the sources that have come down to our days, the author comes to the conclusion that, most likely, the researchers of the past who supported the gerontocracy were not objective in their views, but only disseminated ideas aimed at supporting and strengthening the authority of older people in power. In this study, the author defines the protoperiod of carnival political culture, its form, and gives an assessment.

The researcher's special attention to the relationship between gerontocracy and political carnival is due to the fact that carnival is a non-standard form of interaction between government and society, and the problem of self-expression of politicians through non-standard forms is gaining popularity today mainly in Western countries. The purpose of the study is to show the genesis and continuity of the original traditions of individual European peoples, which is especially relevant today.

To date, insufficient research has been conducted on the problems of the relationship between gerontocracy and political carnival. In this regard, the study seems to be original and very relevant.

The research methodology consists of a set of systematic, comparative and analytical methods.

Keywords

Gerontocracy; ancient world; carnival political culture; elite selection.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

Геронтократия и карнавальная культура Древнего мира (Греция, Италия)

Ильин Алексей Александрович

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: korablevrr[at]mail.ru ORCID 0000-0001-7002-4057

Аннотация

Словосочетание «Политический карнавал» сегодня встречается повсеместно. Исследователи употребляют данное словосочетание применительно к современной политике Запада, обращая внимание на непопулярные решения властующей элиты. За это лидеров некоторых государств стали называть «чудаками». Важно, что данное клеймо сегодня все чаще ставят на пожилых управленцев Европы, США. Возрастные элиты делают вид, что не обращают внимания на критику и продолжают «гнуть» свою политическую линию.

Целью данного исследования является определение генезиса геронтократии и сущности политического карнавала Древнего мира. Автор обозначает периоды становления и распространения геронтократии в Европе. Анализирует отношение общества к геронтократам и проводимой ими политике, обращает внимание и сравнивает позиции выдающихся исследователей (философов) Древнего мира относительно того, как они воспринимали пожилых управленцев.

Анализируя дошедшие до наших дней источники, автор приходит к выводу, что, скорее всего, исследователи прошлого, которые поддерживали геронтократию, были не объективны в своих взглядах, а только распространяли идеи, направленные на поддержку и укрепление авторитета пожилых людей во власти. В данном исследовании автор определяет прототип карнавальной политической культуры, её форму, дает оценку.

Особое внимание исследователя к взаимосвязи геронтократии с политическим карнавалом обусловлено тем, что карнавал является нестандартной формой взаимодействия власти с обществом, а проблема самовыражения политиков через самобытные формы сегодня набирает популярность преимущественно в западных странах.

К настоящему моменту проведено недостаточно исследований по проблемам взаимосвязи геронтократии с политическим карнавалом. В связи с этим исследование представляется оригинальным и весьма актуальным.

Методика исследования состоит из совокупности системного, сравнительно-аналитического методов.

Ключевые слова

Геронтократия; Древний мир; карнавальная политическая культура; селекция элит.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](#)

Введение

В античных патриархальных обществах существовало убеждение (отмеченное в том числе и в философских трудах того времени), что чем больше возраст, тем больше должно быть уважение к этому человеку. Психологически это объясняется тем, что более зрелый человек имеет больше жизненного опыта перед молодым поколением, которое привыкло у старшего обучаться усвоенным им навыкам и приемам. Геронтократия для патриархального общества это норма. И геронтов (от др.-греч. γέρων [geron] род.п. γέροντος – «старик») воспринимали как наставников, как духовных вождей, как путеводителей по жизни.

В обучении младшего поколения определенное место отводилось игровым формам, которые имитировали фрагменты реальной жизни. Им позволялось то, что было под запретом для других. Но сам факт того, что геронты могли себе позволить переступить через запрет, оценивалось как их превосходства в знании и опыте. Они были ближе остальных к смерти, а значит, могли взаимодействовать с потусторонним миром. Нечто подобное мы находим в поведении Гераклита Эфесского, Сократа, Диогена Киника, Демокрита, Сенеки... Во всяком случае Диоген Лаэртский с большим удовольствием отмечает эти чудачества великих античных мыслителей, при этом нисколько их за это не осуждая (Диоген, 1995). Через акт смеха они обретали свободу над условиями их бытия. Они могли себе позволить быть одновременно и великими, и смешными. Именно эта свобода и ставила геронтократию на грань карнавальной политической культуры. Именно геронты показывали всем, к чему они должны стремиться – к уважаемой почетной старости, имеющей значительные перед юностью привилегии.

Методологические основы исследования

В настоящей работе мы коснемся только одной стороны проблемы геронтократии, связанной с античной историей и карнавальными политическими традициями. Для этого мы обратимся как к античным источникам, так и к современным работам, в которых затрагивалась заявленная нами тема. Рассматриваемая нами проблема ранее уже затрагивалась в трудах таких известных специалистов, как Дж.Дж. Фрезер (Фрезер, 1980), К.Г. Юнг (1999), А.Ф. Лосев (Лосев, 1996), Ж.-П. Вернан (Вернан, 1988), М. Элиаде (Элиаде, 1994) и др. Так, например, по мнению Л.Г. Моргана, социальная дифференциация (в том числе и по возрастному признаку) восходит еще к первобытным временам (Морган, 1935, стр.9, 15). Древние стали уважительно относиться к своим старикам только тогда, когда поняли, что они приносят пользу тем, что являются носителями особо важного знания, которое могут передать молодому поколению (Ламберт, 1991, стр.155). Скорее всего, институт старейшин формировался одновременно с институтами вождей и жрецов. И не исключено,

чено, что все эти три института на каком-то историческом этапе представляли единое целое (Фрезер, 1980). Так сформировался культ предков, почитание которых стало обязательным для всех. И старейшины были тем поколением людей, которые ближе всех стояли к этим предкам и в ближайшем будущем сами должны были стать ими (Гиро, 1915).

Образ такого старика-мудреца (Нестора) мы встречаем уже в «Илиаде» Гомера. Он выступает там как миротворец и наставник молодого поколения вождей и царей. Мудрость Нестора заключается в том, что он опирается на позитивный опыт своих предков. Общеэллинский кульстарших отразил в своих произведениях и Эсхил. В своей трагедии «Орестея» он устами одного из героев Ореста признается: «Мы старимся, и время очищает всё!» (Эсхил, 1989). По его мнению, самой старости прощается всё. Даже могущественная богиня Афина (богиня мудрости), отвечая старой Эринии (богине мщения), произносит: «Твой гнев терплю покорно – ты старейшая. Мудрей меня во многом ты, поистине» (Эсхил, 1989). Эти установки позволяют нам не просто вплотную приблизиться к пониманию древними феномена старости, но и дать этому объективную оценку и адекватное объяснение.

Исторические корни геронтократии

Культ старости был повсеместно во всей Греции. Старшее поколение наделялось уважением в силу богатого жизненного опыта, позволявшего им быть по отношению к младшим поколениям своего рода «мудрецами». Их привилегии были обусловлены еще и тем, что их с годами оставалось все меньше и меньше, в силу естественного «вымывания» их поколения. И власть в полисах постоянно обращалась к ним за советом и использовала их многолетний опыт в решении возникавших перед ними новых проблем. Поэтому совет старейшин играл исключительную роль в системе политического управления греческими полисами. В городах-государствах преимущественно аристократического типа существовали советы старейшин – герусия (др.-греч. γερουσία от γέρων «старец, старейшина»), который рассматривал важные государственные дела, подлежащие затем обсуждению в народном собрании.

Концентрация власти в руках стариков в наиболее полном виде сформировалась в политической системе Спарты. Именно в Спарте культ старости занял значимое место в среде социально-политических отношений. Уважение и признание пожилых политиков было обязательной нормой поведения, которая демонстрировалась молодому поколению повсеместно. Спартанское уважение к старости нашло отражение в самом раннем конституционном документе – в Большой ретре (VIII в. до н.э.). В этом документе спартанский совет старейшин был объявлен важнейшим политическим институтом. Стоит отметить, что даже монархи были включены в состав совета. «Геронты на протяжении всего архаического периода были гарантами стабильности, они охраняли общество от гражданских смут, взявшись на себя роль посредников между

аристократией и рядовым гражданством. Именно геронты заставили представителей двух важнейших властных структур, царей и эфоров, сотрудничать между собой в интересах всей общины» (Печатнова, 2014, стр. 75). Возраст, мудрость и опыт – сочетание качеств, которые необходимы во все времена при любом политическом режиме. Важен и тот факт, что геронтократы влияли на сохранение традиционных ценностей в обществе.

Культ старости в Спарте не появился сам собой, его активно формировали в общественном сознании посредством пропаганды. В основу пропаганды культа старости легли элегии Тиртея. В работах Тиртея пропаганда строилась на патриотическом воспитании молодежи, а героическая старость преподносилась как основа побед. Общество смотрело на человека в возрасте как на прославленного воина, которому везде почет, цитирует исследователь Л. Г. Печатнова Тиртея: «повсюду в собранья народа спешат место ему уступить» (Печатнова, 2014, стр. 75). На особое положение возрастных людей в Спарте обращали внимание и другие мыслители Древней Греции. Геродот, к примеру, восхищался тем, что «при встрече со старцами юноши уступают дорогу, отходя в сторону, и при их приближении встают со своих мест» (Геродот, 1972, стр. 81). Отметим, что при всем уважении к старости оно не было в Спарте безусловным. Уважения лишались те, кто проявил трусость или запятнал себя недостойным спартанца поведением. Такие граждане были изгоями и лишались какого-либо уважения. Уважалась только заслуживающая уважения старость – герои и героическое почитались в Спарте как отдельный военно-религиозный культ.

Вместе с социальным уважением возраст в Спарте давал и политический успех. Выборы в самую значимую престижную правительственную коллегию Спарты проходили по возрастному принципу. Учитывались заслуги кандидата, полученные в течение прожитой им жизни. С точки зрения принятия решений «спартанцы прославились исключительной медлительностью и нерешительностью в принятии и исполнении важных политических решений» (Печатнова, 2014, стр. 76). Это и приводило к застою. Нужно подчеркнуть, что привилегия быть избранным давала геронтам право проводить самостоятельную и независимую от прочих структур политику. Такая тенденция указывает на отсутствие единой политической линии. Если каждый уважаемый представитель почтенного возраста будет настоятельно продвигать свою политику, то к хорошему это не приведет, а политические решения будут приниматься, опираясь на личный авторитет выдвинувшего предложение, но не здравый смысл и пользу для государства. Это уже прямой намек на политический карнавал.

Во времена Сократа и Платона софисты утверждали, что зрелый возраст – признак мудрости; что успешный жизненный опыт делает человека мудрецом (софистом) и позволяет лучше остальных отличать хорошее от плохого (Платон. Софист, 222a-229b) (Платон, 1993, стр. 282-291).

Однозначно согласиться с высказыванием мыслителя нельзя, так как тысячелетние наблюдения за политическими лидерами указывают на

обратное. Дело в том, что умозаключение Платона, по всей видимости, опирается не на собственное мнение, а идеологию массовой пропаганды того времени, которое восхваляло стариков. Объяснить запрос на продвижение пожилых людей в политические круги можно тем, что политическая, научная, экономическая, военная элита тщательно оберегала свои «теплые» места и поэтому распространяла идею, что только они, люди в возрасте, способны быть высококлассными управленцами. Молодых людей недооценивали. На позицию Платона против молодых людей во власти обращает внимание Печатнова: «менее религиозны, хуже управляемы, более склонны к политическим переменам и легче нарушают законы» (Печатнова, 2014, стр.79). К этому стоит добавить и тот факт, что молодым людям запрещалось критиковать какие-либо законы, предложенные почтенными людьми. Исправить этот недостаток, по мнению Платона, может только воспитание.

Несмотря на то, что период политической древности уже давно в прошлом, возрастная политическая элита современности продолжает ссылаться на идеи Платона, защищая собственное нахождение во власти.

Дух геронтократии в Древнем мире пронизал практически все сферы жизнедеятельности. Даже заниматься воспитанием подрастающего поколения могли только люди в возрасте (50 лет). Нужно отметить, что продолжительность жизни в Древней Греции составляла 70 лет. Поэтому геронтократами следует считать людей от 50 и старше.

Защищая спартанскую геронтократию, следует обратить внимание на географическую особенность Древней Греции. «Жаркий климат, трудности с добычей питьевой воды, болотистая местность и удалённость от моря поначалу не способствовали интенсивному развитию сельского хозяйства. К тому же частые войны вынуждали население находиться в постоянном напряжении. С постепенным переселением ближе к морю расширялся круг занятий мужской части поселений. Древний грек вынужден был быть одновременно и землемельцем, и воином, и рыбаком, что развивало в нём предприимчивость и способность к вариативной деятельности» (Хачатурян, 2002, стр. 17). Для того, чтобы выжить, система взаимоотношений подразумевала жесткую дисциплину и иерархию взаимоотношений.

Политическое устройство Древнего Рима практически ничем не отличалось от Древней Греции. Государством управляли люди пожилого возраста, которые входили в высший орган власти - сенат. Само название этого органа определяет состав «название произошло от латинского слова *senex* – старик. Начиная с эпохи принципата (с I в. до н. э.), основной формой законодательства становятся сенатусконсульты (*senatusconsulta*, множественное число, – сформулированное общее мнение сената, имеющее обязательный характер). Это означает негласную и неограниченную власть членов сената, поскольку его рекомендации и советы (*censet, videtur, placet*) после оглашения эдикта преторов уже считались неоформленными законами, что свидетельствует об огромном влиянии пожилых людей на государственные дела. Формально не

имея законодательной инициативы, сенатусконсульты должны были лишь оглашать волю императора. На самом деле, не считаться с ними было невозможно, ибо никакая абсолютная власть не смогла бы просуществовать долго, не имея поддержки сената и армии» (Новицкий, 2005, стр. 371). Обратить внимание стоит и на семейные отношения Древнего Рима. Управлял в семье человек в возрасте, поэтому он мог лишить любого домочадца жизни, продать в рабство, оставить без наследства. Пожаловаться на такой произвол было некому, так как государственные органы не имели полномочий вмешиваться во внутрисемейные отношения. Важно и то, что безумие или несостоятельность отца семейства не являлись причиной лишения его высокого статуса. Истоки возрастного величия в государственном управлении, правилах поведения, основах юридических норм Древнего мира следует искать в мифологии. Например, «Нестор в "Илиаде" у Гомера, будучи опечаленнымссорой между Ахиллом и Агамемnonом, пытается вразумить обоих. Противопоставляя своему времени глубокую старину, он даёт советы молодым людям, напоминая им: "Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах! Но, покоритесь, могучие! Оба меня вы моложе... Будьте и вы послушны: слушать советы полезно..."» (Гомер, 1984, стр. 23).

О природе политической карнавальности древнего мира

В тексте Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» сквозит конкретная карнавальность в оценках поведения некоторых наиболее известных мыслителей того времени. Он не боится описывать знаменитых философов в комическом свете, фиксируя откровенные анекдоты из их частной и общественной жизни (Диоген, 1995). Особенно много таких историй о Диогене Кинике, который весьма вызывающе относился к политической власти и к самим политикам. И очень часто подобного рода чудачества объяснялись не только особенностью характера конкретной исторической личности, но и самим ее возрастом.

Политический карнавал у геронтократии вырастал из их игровых практик, во время которых они передавали свой опыт молодому поколению. Поучительные истории не только пересказывались, но и разыгрывались для более ясного понимания сути дела. Возможно, что и ритуальные пляски дикарей тоже восходят к этим традициям – история в танце. Со временем наличие в общине своих геронтов стало ее главным достоянием и доказательством того, что они соблюдают древние традиции, которые в свою очередь свидетельствуют об их законном нахождении на конкретной территории.

В определенном смысле всяческое выпячивание на передний план в социально-политических отношениях Древнего мира геронтократов можно расценивать как зарождение карнавальной политической культуры. Возрастные политики Древнего мира жили в собственных иллюзиях и старались не заниматься государственными делами, а только лишь укрепляли свое

высокое положение в обществе. Современные исследователи подчеркивают, что это приводило к тому, что возрастная элита не могла выполнять свои функции на акмеологическом уровне. «Возникающие вследствие этого риски, формируют систему угроз, способных нанести существенный вред особенно системе стратегического планирования и эффективного управления. Последнее выводит нас непосредственно на проблемы правящих элит и их лидеров». (Hayes, 2012; Paul, 2014)

Происходящее в политической жизни Древнего мира можно назвать спектаклем. Данная тенденция стала основой политического карнавала в последующие столетия и дошла до наших дней. Поэтому контуры политической деформации примерно одни во все эпохи. На данную закономерность обращает внимание исследователь С.В. Чугров : «1) редукция смыслов (искажение истин и ценностей); 2) рост иррациональности, источником которой становится непредсказуемость последствий; 3) деградация свободы слова» (Чугров, 2017, стр. 54-55). Поэтому политические элиты прошлого импровизировали на ходу, а современные управленцы им подражают. Важно, что импровизация не всегда была успешной и чаще напоминала карнавал. На общие признаки политического карнавала разных эпох обращает внимание и П.Л. Карабущенко: «Карнавал – это временное искажение объективной реальности, когда она добровольно погружается в глубины субъективизма. Но политическая карнавальная культура пытается продлить это временное состояние и сделать его постоянным. Для этого ей требуется определенный тип политиков и конкретные политические технологии, доминания которых в политической жизни того или иного общества и политической системы будет указывать на устойчивость категорий карнавальной политической культуры в этих существующих политических практиках» (Карабущенко, 2020, стр. 35). Описание поведения политической элиты Древнего мира как раз указывает на повсеместный субъективизм, который и способствовал искажению объективной реальности. Важно, что продлить свое политическое господство и сделать его постоянным явлением геронтохраты пытались за счет пропаганды и ряда правил, которые запрещали молодым поколениям критиковать их политические решения и взгляды. Политическая элита всегда считала и считает, что выполнение их прямых обязанностей – ритуальное действие, ставящее их в круг избранных, где все остальные лишь зрители. Зрители могли только наблюдать и наблюдали. Карнавал для них подлинная повседневная жизнь. Цели и задачи политического карнавала Древнего мира мало чем отличаются от целей и задач современного мира. Разница, скорее, в методах.

Политический карнавал Древнего мира носил официальный характер, какой-либо юмор отсутствовал, любая комичность строго пресекалась безоговорочной властью правящей элиты. Политический карнавал Древнего мира становился и расцветал за счет страха расправы над теми, кто мог хоть как-то оспорить решения и поведение возрастных управленцев. «Карнавал – это и путь в параллельную реальность, и сама параллельная реальность, и агрес-

сивное разрушение основ объективной реальности. То, что он представляет собой средство борьбы с объективной реальностью, карнавал заявлял с самого начала. По своему характеру карнавал распадается на множество отдельных и часто весьма условно связанных между собой актов. Он является торжеством эклектики, поэтому всегда носит антисистемный характер. В нем есть лишь общая заданность. Общая направленность и не более того. Карнавал лишь производит впечатление некого единого целого. Но это впечатление есть часть его маскировки». (Карабущенко, 2020, стр. 38) Специфика карнавала в его постоянном обновлении – в бесконечности импровизации, которая усиливает хаос. Нужно понимать, что импровизация – это свобода действий и только у круга возрастной элиты, у всех остальных только подчинение. Построенное на страхе и пропаганде общество не могло воспринимать действия элиты как зло, так как отсутствовало критическое мышление. Это и стало фундаментом геронтократии Древнего мира.

Власть пожилых людей нельзя считать только негативным или позитивным явлением. Однобокая критика никогда не укажет на объективность. Поэтому геронтократию, в первую очередь, следует рассматривать как прямое отсутствие селекции элит. Отсутствие этой селекции указывает на инстинкт самосохранения пожилых людей во власти, что по наследству передалось другим эпохам. Важно и то, что политическая история уже неоднократно обращала внимание на последствия проводимой политики геронтократов. Плохо освоенные уроки истории, скорее всего, указывают на то, что люди в почтенном возрасте более чутко осознают конечность человеческого существования и эгоистически воспринимают действительность. Им важно продержаться как можно дольше на своем высоком посту для собственного благополучия. «Политический карнавал – процесс, в котором правящие элитные группировки демонстрируют свою профессиональную несостоятельность, дискредитирующую как само понятия «элита», так и саму профессию политика.

Политический карнавал – это пустые слова и мнимые дела: угрозы, которые никогда не осуществляются на практике; обещания, которые ничего не стоят; шантаж, который заканчивается ничем; ценности, которые обнуляются по мере их принципиального продвижения; и многое другое в этом карнавальном духе» (Карабущенко, 2022).

Поэтому политики в почтенном возрасте представляли серьезную угрозу национальной безопасности уже в Древнем мире. Отсутствие страха нести личную ответственность провоцировало возрастных управленцев к разного рода вольностям. Такое поведение сегодня вызывает не только улыбку, но и страх, что неосвоенные уроки политической истории чреваты серьезными последствиями в настоящем и будущем.

Выходы

Истоки оформленной государственной геронтократии следует отнести к эпохе Древнего Мира. Исходя из продолжительности жизни, а она на тот момент составляла 70 лет, можно сделать вывод, что политическое влияние люди получали в возрасте за 50. Нельзя сказать, что современный этап общественного развития как-то отличается от древности. Политический успех и сегодня в основном приходит к тем, кому за 50. И есть в этом рационализм. Люди более рассудительны, опытнее, осторожнее, что указывает на консервативность мышления в принятии политических решений. Важным моментом, на который автор обращает внимание в исследовании, это своееволие и нежелание уступать возрастной политической элиты молодым коллегам. Каждый считал, что его политическая идея уникальна и должна быть воплощена. Данный подход указывает на политическую карнавальность.

Важно, что политическая уникальность геронтократии распространялась посредством пропаганды. Своеобразными глашатаями выступали древнегреческие философы, которые восхваляли власть геронтов. Альтернативных мнений широкому кругу представлено не было из-за репрессий в адрес авторов - создателей критики, а критиковать было что. Политическая и социальная свобода у одних отзывалась всеобъемлющей ограниченностью у всего остального общества.

Список литературы

- Вернан, Ж.-П. (1988) Происхождение древнегреческой мысли. «Прогресс».
- Геродот. (1972) История в девяти книгах. «Наука».
- Гиро П. (1915) Частная и общественная жизнь греков. Петроград Издание т-ва О.Н. Поповой.
- Гомер (1985) Илиада. Правда.
- Диоген Лаэртский. (1995) О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. «Танаис».
- Карабущенко П.Л. (2020) Карнавальная политическая культура: системный анализ основных категорий. Вопросы элитологии, 1(2), 30–62. doi: 10.46539/elit.v1i2.16
- Карабущенко П.Л. (2022) Карнавальная политическая культура современных элит: хроники новейшего политического цирка (проблема когнитивной безопасности). Каспийский регион: политика, экономика, культура, (3), 83–90. doi: 10.54398/1818510X_2022_3_83
- Ламберт, Д. (1991) Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. «Недра».
- Лосев А. Ф. (1996) Мифология греков и римлян. Мысль.
- Морган, Л.Г. (1935) Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Издательство института народов Севера ЦИК СССР .
- Перетерский, И. С., & Новицкий, И. Б. (Ред.). (2009). Римское частное право. Юриспруденция.
- Печатнова, Л.Г. (2014) Спартанская геронтократия и «Законы» Платона. Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 15(2), 74–84.
- Платон. (1993). Софист. В Собрание сочинений в четырех томах (Т. 2, стр. 275–345). Мысль.

- Фрэзер Дж.Дж. (1980) Золотая ветвь. Исследование магии и религии. «Политиздат».
- Хачатурян В. М. (2002) Древняя Греция: История, быт, нравы. «Мысль».
- Чугров С.В. (2017) Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? Полис. Политические исследования. (2), 42-59. doi: 10.17976/jpps/2017.02.04
- Элиаде, М. (1994) Священное и мирское. Издательство МГУ.
- Эсхил (1989) Орестея. В Трагедии. «Наука».
- Юнг, К. Г. (1999). О психологии образа Трикстера. В П. Радин, Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Керенъи (сс. 265-286). «Евразия».

References

- Aeschylus (1989) The Oresteia. In *Tragedy*. "Science." (In Russian).
- Chugrov, S.V. (2017) Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? *Polis. Political Studies*. (2), 42-59. doi: 10.17976/jpps/2017.02.04 (In Russian).
- Diogenes of Laertes. (1995) *On the life, teachings and sayings of famous philosophers*. "Tanaïs" (In Russian).
- Eliade, M. (1994) *The sacred and the secular*. Moscow State University Press (In Russian).
- Fraser J.J. (1980) *The golden branch*. A study of magic and religion. "Politizdat" (In Russian).
- Giro, P. (1915) *Private and public life of the Greeks*. Petrograd Publishing House of O.N. Popova (In Russian).
- Herodotus. (1972) *History in nine books*. "Science" (In Russian).
- Homer (1985) *The Iliad*. Pravda (In Russian).
- Jung, K. G. (1999). On the psychology of the Trickster image. In P. Radin, *Trickster. A study of North American Indian myths with commentary by C. G. Jung and C. C. Kerenyi* (pp. 265-286). "Eurasia" (In Russian).
- Karabushchenko, P.L. (2020) Carnivalesque political culture: a systemic analysis of the main categories. *Issues in Elitology*, 1(2), 30-62. doi: 10.46539/elit.v1i2.16. (In Russian).
- Karabushchenko, P.L. (2022) Carnival political culture of modern elites: chronicles of the latest political circus (the problem of cognitive security). *Caspian region: politics, economics, culture*, (3), 83-90. doi: 10.54398/1818510X_2022_3_83 (In Russian).
- Khachaturian, V. M. (2002) *Ancient Greece: History, life, mores*. "Mysl" (In Russian).
- Lambert, D. (1991) Prehistoric man. The Cambridge guide. "Nedra" (In Russian).
- Losev, A. F. (1996) *Mythology of the Greeks and Romans*. "Mysl" (In Russian).
- Morgan, L. G. (1935) *Ancient society. A study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization*. Publishing house of the Institute of the Peoples of the North of the CEC of the USSR (In Russian).
- Pechatnova, L.G. (2014) Spartan gerontocracy and Plato's "Laws". *Vestnik of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 15(2), 74-84 (In Russian).

- Perettersky, I. S., & Novitsky, I. B. (Eds.). (2009). *Roman private law. Jurisprudence* (In Russian).
- Plato. (1993). The Sophist. In *Collected works in four volumes* (Vol. 2, pp. 275–345). “Mysl” (In Russian).
- Vernant, J.-P. (1988) *The origin of ancient Greek thought. "Progress"* (In Russian).

The nature of political laughter: elites in the light of carnival political culture

Pavel L. Karabuschenko

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

Political carnival most often evokes a satirical assessment associated with the unprofessional behaviour of elites and their leaders. In this non-standard state, many subjects of elites begin to behave in an inadequate manner, discrediting the very profession of politician, imperceptibly for themselves, but noticeably for others, transforming from politician to politician (from the subject of power to its object). Political carnival turns out to be the process that accompanies this transition. Political carnival becomes a kind of compensation for the inadequate level of professional competence of politicians. It compensates (makes up for) the lack of elitism in the elites. The political carnival amazes the public with the unpunished and irresponsible behaviour of political puppets vested with power.

The resulting political satire allows not only to denounce incompetent power by exposing its crimes, but also to create social unity in critical assessments of the domination of the political class.

In order to understand the essence of political carnival, works on analysing the laughter tradition (M.M. Bakhtin, D.S. Likhachev, S.S. Averintsev, A.V. Dmitriev, etc.) are applicable. In the present elitological study we intend to examine the nature of political laughter (humour and satire), which is born in the elites as a result of the activation of carnival political culture.

Keywords

Elites; political laughter; satire and humour; carnivalesque political culture; political carnival; political joke; political buffoonery; theatre of the absurd; humanism.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

Природа политического смеха: элиты в свете карнавальной политической культуры

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский Государственный Университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Политический карнавал чаще всего вызывает сатирическую оценку, связанную с непрофессиональным поведением элит и их лидеров. В этом нестандартном состоянии многие субъекты элит начинают себя вести неадекватным образом, дискредитируя саму профессию политика, незаметно для себя, но заметно для других трансформируясь из политика в политикана (из субъекта власти в ее объект). Политический карнавал и оказывается тем процессом, который сопровождает этот переход. Политический карнавал становится своего рода компенсацией за несоответствующий уровень профессиональной компетенции политиков. Он компенсирует (восполняет) недостаток элитности в элитах. Политический карнавал поражает публику безнаказанным и безответственным поведением политических кукол, облеченных властными полномочиями. Рождающаяся вследствие этого политическая сатира позволяет не только обличать некомпетентную власть, разоблачая ее преступления, но и создавать общественное единство в критических оценках господства политического класса.

Для понимания сущности политического карнавала применимы работы по анализу смеховой традиции (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, А.В. Дмитриев и др.). В настоящем элитологическом исследовании мы намерены рассмотреть природу политического смеха (юмора и сатиры), который рождаются в элитах в результате активизации карнавальной политической культуры.

Ключевые слова

Элиты; политический смех; сатира и юмор; карнавальная политическая культура; политический карнавал; политический анекдот; политическое шутовство; театр абсурда; гуманизм.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](#)

Введение

В политической истории зафиксировано немало случаев, когда серьезные политики шутили или высказывали остроумные умозаключения. Но эти их шутки, которые со временем превращались в исторические анекдоты, свидетельство элитности их ума. А карнавальный политический смех – юмор и сатира – совершенно иного уровня, скорее всего показывающий невежественность и дикость тех персонажей, которые занимают в политике элитарные позиции.

Для серьезной и полноценной элиты нет ничего более унизительного и постыдного, чем попасть под обвинения в позорном карнавальном поведении. И, тем не менее, многие представители политических кругов охотно принимают участие в различного рода политических играх и спекуляциях, подвергая испытанию не только свою репутацию, но и судьбы своих стран и народов. Подобные обвинения возникают при наличии девиантного поведение её субъектов, что приводит к дискредитации их элитных качеств и оценки элиты как важной исторической группы; обнаруживается деградация всего её профессионального пространства, а усиление в ее практике демагогии, будет свидетельствовать о наступлении в ее истории периода декаданса. Именно девиация, деградация, дискредитация, демагогия и декаданс («пять Д») и приводят к «шестому Д» – демонизации элит и их лидеров. Всё это не только предшествует политическому карнавалу, но и активно присутствует в нем.

Политический карнавал воспринимается элитами как отход от нормы, а публикой как издевательство над самой политикой; элиты делают вид, что они занимаются серьезной реальной политикой, тогда как на самом деле они в нее играют, а публика наблюдает за этой ее игрой, получая возможность узнать об элитах и их лидерах всю правду о их природе. Получается как минимум две точки зрения на одно событие. Третья точка зрения – это точка зрения кукловодов, которые находятся вне сферы публичной политики, за ее кулисами. Мы постараемся представить все обозначенные точки зрения, потому что с разных позиций политический карнавал может выглядеть совершенно иначе и не походить сам на себя.

Методология

Исследование карнавальной политической культуры всегда требует от исследователя уточнения его методологических принципов и приемов. Определенную сложность в исследовании этого вопроса представляет терминологическая нестабильность. В некоторых случаях обнаруживается терминологический вакuum, в других, напротив, избыток публицистической терминологии. Навести порядок в терминологическом аппарате карнавальных политических исследований пока не представляется возможным. Еще А.Г. Козинцев в своих исследованиях смеховой культуры задавался вопросом: «не описываем ли мы

одно и то же в разных терминах»? (Козинцев, 2002б, стр.215). Именно терминологическое рассогласование и вносит наибольшее непонимание и разнотечение в оценках сущности карнавальной политической культуры.

В настоящем исследовании карнавальной политической действительности мы будем исходить из анализа поведения западных политиков (в частности, публичных лидеров США и ЕС), которые своими практиками создают обширную панораму действующего политического карнавала. Создаваемый ими политический карнавал оказывается самой настоящей сатирой на них самих. Происходит саморазоблачение политической элиты и элитологии ничего не надо делать, чтобы разоблачать некомпетентное поведение власти. Сама власть делает все это за ученых, дает им богатейший эмпирический материал по политическому карнавалу, и нам лишь остается его суммировать и анализировать общие тенденции и закономерности.

Познание сущности политического карнавала лучше всего вести через анализ культуры политического смеха. Политическая смеховая культура делится на политический юмор и политическую сатиру, но на практике чаще всего идет одним сплошным попеременным потоком.

Для анализа природы возникающей на базе политического карнавала политической сатиры и юмора, мы используем данные отечественных ученых, которые ранее занимались этой темой (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, А.В. Дмитриев и др.). Их подсказки помогут нам в нашем собственном анализе природы карнавальной политической смеховой культуры.

В качестве базовой гипотезы, мы будем исходить из понимания политического карнавала как провокации, злонамеренно упрощающей все, вплоть до полного извращения исходного смысла и значения. Участвующие в карнавальном действии (акции) персонажи автоматически опускаются на одну ступень в своем культурном развитии. Они осознанно упрощают нормы морали, отключают рациональное критическое мышление, отказываются от своих культурных различий (идентификаций). Но самое главное они отказываются от себя как полноценной (самодостаточной) личности.

К уточнению природы сущности политического карнавала

Как сложное и многогранное явление политической культуры политический карнавал постоянно нуждается в уточнении своих как общих, так и частных характеристик. И этот бесконечный процесс уточнения и поправок свидетельство того, что перед нами действительно сложное явление – эклектическое по своей сущности и химерическое по своему основанию. Как химера политический карнавал действительно эклектичен и эта его бессистемность – главная сложность в процессе его научного познания.

К уже существующим типологиям элит, мы намерены добавить еще одну. Образно говоря, в политике есть элита «лошадей» (трудоголики, те, на которых

все пашут и выезжают) и есть элита «ослов» (те, кто выдает себя за лошадей). Последние и являются участниками карнавального политического действия. Количественно «ослы» всегда доминировали над «лошадьми». «Ослы» необходимы, чтобы на их фоне оттенялись «лошади». «Лошади» – это лидеры (сообщество лидеров, как высшая элита), «ослы» – это аутсайдеры (те, кому никогда не стать лидерами). Когда они неудачно между собой соединяются, на свет появляются «мулы» – нечто совершено бесполое, бесплодное и бесполезное, имитирующее то «лошадей», то «ослов», но которое при этом не является ни тем и не этим.

Согласно этой классификации, современные западные элиты являются элитами «мулов». Такие элиты привыкли все упрощать. Но упрощать не в лучшую сторону (в сторону роста качества), а в худшую (в сторону его разрушения). У них искаженная шкала ценностей, весьма примитивный жизненный опыт и такой же схематичный путь профессиональной карьеры. Шаблонность мышления мешает им проявлять творческие способности там, где от них это требуют жизненные обстоятельства.

Политический карнавал выполняет роль полюса, противоположного реальности, нужного для равновесия. Это «клапан» для выпуска негативного пара. Политический карнавал стирает позолоту с элит. Это сигнал деградации элитных сообществ и их ничтожных лидеров.

Ещё российский антрополог профессор А.Г. Козинцев отмечал, что когда классический карнавал меняет радикально свое содержание, то возникает эффект декарнавализации. «Декарнавализация – это перераспределение шуточной агрессии в подлинную, мотивы которой связаны с повседневностью или ритуалом, но только не с игрой и не с дружелюбием. Такая aberrация не имеет параллелей в животном мире и всецело обусловлена культурой. Она обозначает трагический разрыв человека с его эволюционным прошлым» (Козинцев, 2002б, стр. 214). Собственно сам политический карнавал выступал по отношению к классическому карнавалу именно как декарнавализация, поскольку переводит все подлинно карнавальное в плоскость якобы серьезных политических отношений.

СМИ фиксируют рост карнавальности в политических кругах. При этом есть понимание того, что власти не умеют смеяться. Власти утратили чувство юмора и лишь делают вид, что им смешно. «Власти не смешно, когда она смотрится в зеркало. При ней не осталось даже шутов, чтобы иногда заставить ее сомневаться в обоснованности своей звериной серьезности – то есть клоуны-то есть, и цирк остается нетронутым, но это злые клоуны, способные лишь на лесть и поддакивание. И это самое плохое, что может произойти с оптикой и слуховым аппаратом власти – она перестает видеть и слышать, сохраняя лишь способность надзирать и наказывать, упоенно, вслух разговаривая при этом на жаргоне банд, комнат отдоха и разборов полетов» (Колесников, 2018).

Неприлично когда власть начинает вести себя в соответствии канонов политической культуры социальных низов. Такое поведение власти приводит её к полной десакрализации. «Десакрализованная власть утрачивает всю свою величественность, провоцирует фамильярное к ней отношение, становится смешной. Не место ей на карнавале, она не его участник, а объект пародии, ведь «целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему типу) культуре церковного и феодального средневековья» (М.М. Бахтин). Ставясь частью карнавала, она превращается в пародию на саму себя».⁵ Неспособность к смеху является признаком тупости и порочности (Пропп, 1999).

Участники политического карнавала «веселятся», выполняя свои политические функции, не обращая внимания на то, что над ними самими смеются другие. Но если смех у участников политического карнавала чаще всего носит неестественный (надуманный отрепетированный характер), то смех над ними чаще всего носит естественный характер. Это не только бегство от проблем реального мира, но и маниакальное желание не замечать опасности и порождающий ею страх. Смех как раз и есть преодоление этого страха. Унаследованные нами от предков основы смысла смеха, остались неизменными и одновременно это был сигнал о том, что это всего лишь игра. Смех служит сигналом несерьезности агрессии.

«Нельзя» в политическом карнавале действует как провокация, как подстрекательство к тому, что запрещенное можно.

Карнавальный кризис современных политических элит

Концентрация глупости и смеха в политическом карнавале заставляет многих морщиться и отрицательно качать головой, увидев в этом свидетельство отсутствия культуры. Но в таких действиях есть все-таки своя определенная политическая культура и имя этой культуры – карнавальная. Но эта карнавальная политическая культура оценивается как антикультура.

В вертикальном плане политический карнавал уничтожает власть (ее авторитет, иерархию и сакральность), а в горизонтальном плане – разрушает межкультурные и межцивилизационные связи и взаимодействия, нивелирует ценности и основанные на них традиции. Катализатором роста (усилений) карнавальной политической культуры в западных элитах является их зависимость от ультралиберальных ценностей, которые фактически превратили

⁵ СМИ фиксируют эту особенность политической власти: «Смех развенчивает звериную серьезность власти – и нет для нее ничего страшнее, чем стать смешной и нелепой... Карнавал, как нас учили Михаил Бахтин, переворачивает все вверх дном, а власть предполагает строгую иерархию без всяких там переворотов. Но когда на экране появляется официальное лицо, генерал при всех регалиях и, используя субкультуру и язык казармы и подворотни, угрожает частному лицу – это и есть карнавал в чистом виде... Власть не должна давать повода для гиперболизации своих свойств и черт – например, погон или фуражки, для нее нежелателен, в проповьеских терминах, «комизм сходства» (военный у микрофона вызывает исключительно, скажем деликатно, латиноамериканские ассоциации)». (Колесников, 2018).

либерализм в т.н. «либеральный фашизм» (в откровенную тоталитарную политическую секту).

Политический карнавал – игровое антиповедение политиков, как стремление уйти от неудобной для них политической действительности, где надо решать серьезные проблемы и вопросы. Политический карнавал есть насмешка над объективной действительностью, когда шутовское начинает доминировать над серьезным.

Кощунство посягает на сакральность, высмеивая ее догматы, издеваясь над слепой верой в ее чудесный способ происхождения. Политический карнавал требует от всех притворства. Это его общее правило – без притворства нет игры, а игра призвана снять существующую напряженность, перевести ее в безопасную опцию. Рассказывать небылицы безопасно, когда все согласны в них верить.

Нас удивляют участники политического карнавала. Мы видим безумную концентрацию в одной голове позорно низкого профессионализма, откровенного бреда. Они уверены, что правильно понимают ход истории, точно знают, куда она движется, они уверены, что живут в самом прекрасном мире и все у них прекрасно.

Когда власть начинает откровенно вести себя в режиме *commedia dell'arte*, она реально становится слабой и эмоционально уязвимой. Примитивное восхваление власти оценивается критически настроенным сообществом как признак слабоумия (классический пример бравый солдат Швейк, слабоумие которого врачи-психиатры выявили потому, что он всерьез выкрикивал: «Да здравствует император Франц Иосиф Первый!»). В площадном театре Петрушка всегда побеждает надутых в своей серьезности персонажей и высмеивает порок и лицемерие. И в этой победе выражалось сакральное желание народа хоть как-то одолеть всесильную власть. Власть может ответить на это выпад самоиронией. «Власть умеет иронизировать. Но ее ирония не смешная, а злая, выраженная клишированным языком пресс-секретарей, «высмеивающих» супостатов с Запада. Этот стиль современен лишь по средствам доставки, а по форме и содержанию он чрезвычайно архаичен и отсылает к пропагандистским лингвистическим образцам конца 1940-начала 1950-х годов: это агрессивная ирония и злобный смех, предшествующие погрому и аресту» (Колесников, 2018).

Аксиология политического карнавала

Юмор политического карнавала рождает сатиру оценок его деятельности. Сатира, как правило, исходит или со стороны кукловодов, или со стороны критически настроенной публики. Сатира может быть и внутри самого кукольного сообщества, как попытка дискредитации своих конкурентов. Но это

высмеивание недостатков своих оппонентов является частью карнавального действия.

С точки зрения находящегося за кулисами политического театра абсурда кукловода, политический карнавал представляет собой весьма серьезное политическое действие, связанное с манипуляцией политического материала в его конкретных интересах. Кукловод точно понимает цели и задачи на реализацию которых направлены его манипулятивные действия. Он знает как, зачем и почему действуют его политические куклы. Для него то, что происходит, смешно настолько, насколько он сам распространяет на своих марионеток свое чувство юмора.

С точки зрения публики политический карнавал есть форменное безобразие, деградация извращенной своим беззаконием (безнаказанностью и безответственностью) власти. Устраиваемый политиками околовербальный шабаш, указывает не только на кризис самой элиты, но и на кризис конкретной политической системы.

С точки зрения самих кукол-марионеток, они просто хулиганят, выдавая свое хулиганство за серьезные политические процессы. Но среди них нет ни одного актора. Здесь все – актёры. Сама смысловая игра этих двух слов (актор и актёр) уже говорит о многом. Здесь персоны (личности) становятся персонажами (масками), политики превращаются в политиков, элиты в элитки и т.д. И действительно на практике политический карнавал притягивает к себе всю «политическую мелочь». «Серьезные люди» его сторонятся, а если и принимают в нем участие, то только в качестве кукловодов. Поэтому здесь нет масштабных личностей. Преобладают жулики «трехкопеечного воровства» (площадной характер карнавала требует использование соответствующего «площадного словаря»). Смешным является то, как эти «мелкие людишки» играют в выдающихся и великих политиков. Политиканы изо всех сил лезут в политики. Отсюда и вес их слов – никакой (нулевой или даже отрицательный). Им бы промолчать и сойти за умного. Но жизнь заставляет их без умолка щебетать, выдавая всю нищету и убожество своего духа.

Политические куклы вообще любят выдавать желаемое за действительное. Особенно они любят настаивать на том, что они самостоятельные политические фигуры и что обвинения в том, что у них есть кукловоды, просто смехотворны.

Что касается ценностей, которые исповедуют участники политического карнавала, то мы должны взять само слово «ценности» в кавычки. Все, что там называется «ценностью», оказывается с приставкой «анти-». И эти самые «анти» у них как раз больше всего и ценятся – ценятся ложь и лицемерие, ценится демагогия и двойные стандарты, огульная демонизация противника и бесстыдное восхваление своих собственных мнимых достоинств.

Политический карнавал и новое варварство

Та архаизация политической культуры, которую мы наблюдаем при новом варварстве, неизбежно приводит политиков в состояние политического карнавала. Для таких политиков трансформация в политианов и означает участие в политическом карнавале. Своими скандальными заявлениями и эпатажным поведением они сами становятся источником политического юмора и открытой сатиры на них.

С одной стороны политический карнавал все упрощает, но с другой может доводить до абсурда и уже существующую простоту. В этом и заключается вся пошлость политического карнавального действия – он бывает ярким по форме, но совершенно убогим по содержанию.

Политический карнавал порождает у его участников чувство беззаботности и безнаказанности. Он снимает с них любую ответственность: политики (акторы) становятся политианами (актёрами), элиты – элитками, персоны – персонажами, взрослые – детьми... Впавшие в детство оказываются вне поля критического мышления, они наивны и доверчивы. Они делают вид, что невинны. Но эта их невинность есть их притворство, есть их великое лицемerie.

Политический карнавал можно также рассматривать и как проявление «нового варварства», о котором в свое время писали еще Н.А. Бердяев и Х. Орtega-и-Гассет. Это, как правило, упрощенные практики, обращенные как к архаическим культурным ценностям, так и к различного рода современным фэнтези. Их идеалами становятся герои и героическое, лишенные какой-либо связи с реальностью. Эти выдуманные миры оказываются средами их обитания.⁶

В политическом карнавале активно идет и «конец истории», и «конец географии»: границы реального и нереального размываются, утрачивается связь с объективностью, диалектика превращается в свою противоположность, а от логики не остается и следа. Человечество приходит к новому варварству. И это варварство есть порождение этой цивилизации.

Еще Ю.М. Лотман отмечал, что цивилизация для того, чтобы идентифицировать себя как нечто целое, ценное и особое, создает образ «другого», в котором часто выступают ее враги. С этой целью эти «другие» наделяются чертами «варваров», живущих в своем «варварском мире». И этот мир является «перевёртышам» их мира цивилизации. (Лотман 1992, стр. 15). В таких конструкциях «другие» выглядят весьма искусственно, нарочито надуманно,

6 Специалисты поясняют: «Под “новым варварством” нами подразумеваются осознанные и целенаправленные нелегитимные насильственные действия в отношении людей, культурных ценностей и артефактов – материальных и духовных, нормативных основ общества, а также природы, сопряженные с архаичными и упрощенными социальными практиками. Варварство в современном мире рассматривается именно как порождение цивилизации, т.е. эти два понятия образуют бинарную оппозицию» (Зарубина, & Кравченко, 2022, стр. 32).

клубочного, схематично. Им попросту отказано в человечности. В глазах цивилизации варвар всегда расчеловечен.

В понимании сущности политического карнавала и нового варварства очень много схожих моментов. «Варварство при такой аналитической перспективе может быть представлено как негативный побочный продукт в виде архаизации и деградации, сопровождающих поступательное цивилизационное развитие, к которому не может адаптироваться часть общества. В цивилизационном анализе оно может быть интерпретировано как “побочные потери” процесса поисков адекватного ответа на вызовы “осевого времени” в виде деструктивного и агрессивного взаимного отторжения “вторичных” элит и их последователей в контекстах активных протестных движений и революционных преобразований» (Зарубина, & Кравченко, 2022, стр. 34).

Упрощение и архаизация возвращает участников политического карнавала в первобытное сознание, к шутовским традициям, к временам рождения архетипов и бессознательного, т.е. к тем временам, когда существующие в наше время и в нашем мире идеи были еще несформированными. Но в наше время политический карнавал раскалывает эти уже сформированные идеи и делает их опять разобранными на части. Отсюда и такое странное стремление участников политического карнавала уйти как можно дальше от логики, морали и диалектики, в сферу действия чистой воли.

Интеллектуальные центры Запада демонстрируют устойчивую научную недееспособность. Иллюстрацией этой устойчивой недееспособности стал Ф. Фукуяма, который вообще утратил связь с реальностью (выдаваемые им сентенции давно уже стали притчей во языцах, его откровенно троллят в мировом научном сообществе). Уровень доверия и уважения к такой «науке» оказывается весьма условным (Зарубина, 2017). Подобного рода упрощение есть разновидность нового варварства, вход в новую схоластику средневековья. «Коллективный Запад» вошел в ситуацию качелей и вынужден выигрывать время, чтобы сохранить свою власть над миром.

Архаичность политического карнавала свидетельствует о его лишенности какой-либо утонченности и научной глубины.

Политический карнавал как сатира на политическую элиту (анализ природы политического смеха)

Умение шутить – отличительная черта человеческого коммуникативного поведения. Смех не просто родовой признак человечества, но и механизм создания его личности. Смех звучал повсюду, где реальность вызывала сомнение в ее подлинности. Шутник всегда создает вокруг себя карнавальную атмосферу, а сатирик привносит в неё ещё и карнавальное действие. И мир политики не является исключением из этого общего правила.

Политический юмор является предметом специального научного исследования (Дмитриев, 1998; Дмитриев, & Сычев, 2005; Козинцев, 2007; Рюмина,

2020), где рассматривается как один из важнейших элементов политического процесса. Это не только особая психология и коммуникация, но и традиция поведения и оценки сущности власти.

Весьма интересна в этой связи трактовка смеха в романе У. Эко «Имя розы» (Umberto Eco «Il nome della rosa», 1980). Эксперты отмечают, что суть романа «состоит в столкновении диаметрально противоположных типов культуры, которые отстаивают слепой монах Хорхе Бургосский, реальный правитель монастыря, и Вильгельм Баскервильский, бывший Великий инквизитор. Тайна сгущается вокруг второй части «Поэтики» Аристотеля, посвященной природе смеха. По мнению хранителя, смех уничтожает страх людей перед любой властью – светской или религиозной. Смех придает смелость, он порождает самостоятельность мышления, человек начинает сомневаться в законности властных притязаний. Смех размыает границу между элитой, которая владеет секретом власти, и профанами. Смех уничтожает авторитаризм и ведет к главенству демоса. Смех разрушает тайну власти и манипуляционные соблазны, он освобождает личность от интеллектуальной кабалы и предоставляет свободу выбора» (Струкова, 2016, стр.136-137).

Ортодоксы-традиционалисты утверждают, что секрет смеха «может быть открыт посвященным самого высокого уровня, а их в мире единицы. Доступная каждому тайна смеха перестает быть тайной и легко превращается в оружие против властителей, тем более что секрет этот освещен непререкаемым для европейских интеллектуалов именем Аристотеля» (Струкова, 2016, стр.137). Свой главный аргумент они формулировали так: «Христос не смеялся никогда, он всегда был серьезен». Подобного рода утверждения равнозначны самозванству (присваивания себе роли Бога).

Смех понимался как освобождение человека от пут духовного и физического рабства. Еще М.М. Бахтин обращал внимание на то, что «серьезность нагромождает безысходные ситуации, смех подымается над ними, освобождает от них. Смех не связывает человека, он освобождает его... Односторонне серьезны только догматические и авторитарные культуры». (Бахтин, 1990)

Смех оценивался как радость и лекарство, которое дает ощущение некой свободы. Но юмор оказывался и одновременно и самым эффективным политическим оружием. Но в политике смех приобретает некоторые особенности. Здесь в любой момент можно сказать: это просто шутка, все неправда и игра! Политический юмор становится пространством разнообразных экспериментов, которые несут относительную свободу говорить то, что в других случаях категорически запрещено. В политике к смеху относятся как к «дьявольскому оружию», подрывающему привычный ход вещей (поэтому смех здесь оценивается как сила, разрушающая существующий порядок). Власть тогда становится для всех смешной, когда все начинают пользоваться смехом в качестве политического оружия, когда смех становится сам влиятельной

властью. Тот, кто имеет смелость смеяться над властью, уже является свободными человеком.

В политике смешным является любая её неадекватность. Особенно когда субъект власти выдает себя за того, кем он на самом деле не является. Самозванство, непрофессионализм, мания величия, самодурство и тому подобные негативные характеристики вызывают не только недоумение, но и усмешки, критику, смех и едкую сатиру. Но чаще всего этот смех над нерадивыми политиками бывает сквозь слезы разочарования, боли и страдания рядовых граждан.

Политическая сатира усиливается в переломные моменты истории, когда возникает необходимость разрушение сакральности прежней власти, которую начинают выставлять в неприглядном моральном и психологически неадекватном свете. Предметом осмеяния становится вся предшествующая жизнь, система ценностей которой утверждается в массовом сознании как некая историческое зло. Происходит тотальное отрицание предшествующего периода, как чего-то нас недостойного. И именно смех становится мощнейшим средством подсознательного внушения.⁷

Как источник юмора, политический карнавал смешит публику своими забавными и поучительными историями, чаще всего анекдотического характера. Политический анекдот может выступать в виде итога политического карнавала, а может быть его составной частью. Чем ярче нестандарт, тем лучше он запоминается как анекдотический случай. Эта случайность всегда носит исключительный характер, она всегда является исключением из общих правил.

Природа юмора и сатиры всегда носит карнавальный характер. Но не любой политический карнавал заставляет нас (не участвующую в нем публику) смеяться. Некоторые вызывают обратные чувства. Сатира и юмор политического карнавала могут быть грубы и злы, поскольку отражают сущность конкретного политического бытия, который является их источником. Если юмор может быть нейтрально сдержан, то сатира должна быть агрессивной, иначе она не дойдет до адресата. Сатира это есть насилие юмора над абсурдом. Поэтому сатира это перешедший к насилию юмор. Но насилие насилию рознь. То насилие, о котором идет здесь речь, идет не во вред, а во благо человека, поскольку возвращает его к его нравственному состоянию.

Природ карнавального смеха условно делится на бесовский хохот и ангельский смех. Когда во время политического карнавала смеются сами его участники, то этот смех воспринимается как сатанинский хохот; когда над

⁷ В СМИ тогда фиксировалась самая настоящая атака на прошлое, с целью ее тотального пересмотра: «Вспомним события не столь уж отдаленного прошлого — начало и разгар "перестройки". Ах, как смеялись мы тогда! Как было весело! Какие, выражаясь языком Велемира Хлебникова, "смехачи" нас смешили: Хазанов, Жванецкий, Задорнов, Альтов, Петросян!.. Цех профессиональных юмористов оказался востребован и был задействован на полную мощность. Пародирование шамкающего Брежнева и картавящего Ленина; тема "бревна" и субботников; тема производства и воровства; алкоголизма; нищих "наших" и шикарных "ихних"... Не перечесть всего того, что стало вдруг смешным и потешным» (Чертков, 2002).

участниками политического карнавала смеются простые граждане, то через них этому миру передают свой смех ангелы. Хохот циничен и безнравственен; смех признак устоявшей под натиском зла морали. В политическом карнавале действительно есть что-то бесовское, что-то запредельное для нашего понимания морали и разума. Поэтому те, кто устояли перед его диким хохотом, сохранили не только свое человеческое обличие, но и человеческую сущность. Именно поэтому гуманизм (Любовь + Этика + Разум) есть главный враг карнавальной политической культуры.

«Изаночныи мир»: сатир на троне

Природа политического карнавала относится к так называемому изаночному миру. По мнению Д.С. Лихачева, изаночный мир противостоит не действительности, а идеалу – дьявол противостоит не человеку, а Богу (Лихачев, & Панченко, & Понырко, стр. 17-19). Если (как говорил Платон) идеальный правитель это – философ на троне, то изаночный (извращенный) правитель – это сатир на троне. В политическом карнавале на поверхку оказывается все ложным, все подменено – это не элиты, а элитки, не политик, а политикан, не лидер, а трикстер и т.д., и т.п. Поэтому для политического карнавала нормально, что вместо философа на троне оказывается самый настоящий сатир...

«Веселая материя» народного карнавала (выражение М.М. Бахтина) противостоит «антиматерии» политического карнавала элиток: в таких анти-мирах «фактически нет национальной специфики в содержании, нет бытового плана в точном смысле слова, а есть общезначимые для многих фольклорных традиций карнавализованные стереотипы мышления и поведения» (Ивлева, 1994, стр.92).

Политический карнавал – сгусток темной энергии, идущей из мрачных глубин непубличной политики. Если сон разума рождает чудовищ, то глубины непубличной политики являются лабиринтом, в котором живут и злобствуют политические химеры.

Политический карнавал бросает вызов не только самой политической системе, но и истории – он показывает, что правящие элиты не справляются с вызовом своего времени.

Политический карнавал – высшая форма лицемерия.

Карнавальные политиканы – это персонажи с минимальным политическим рейтингом.

Настоящее есть переосмысленное прошлое. Но у карнавальных элит нет будущего. У них нет и настоящего. Нет и прошлого. Наблюдения за поведением современных политических элиток «коллективного Запада» указывают на то, что они делают то, что хотят, а не то, что должны делать. При этом чудовищное словоблудие доказывает отсутствие рефлексии и кризис критического ума. Им

ничего и ни за что не стыдно. Политический карнавал смеется над стыдом. Этика вообще здесь недопустима. Мораль становится наизледшим врагом. Поэтому совести в политическом карнавале нет и быть не должно.

В политическом карнавале мы наблюдаем сведение качественных характеристик политических практик к их количественным и формальным выражениям (Зарубина, & Кравченко, 2022, стр. 37). Многими отмечается деструктивная архаизация политики, а также ложная симметрия, ложная логика и такая же ложная диалектика.

В политическом карнавале искусственность событий представляют как естественное событие. Представить искусственное как естественное значит представить реальность в извращенном виде и в неправильном свете.

В рамках карнавальной политической культуры такие выражения, как «кретин» и «идиот» являются воинскими званиями и почетными министерскими должностями. Они ничуть не мешают таким персонажам занимать ответственные политические позиции во власти. И сам этот факт вызывает сатирические оценки их деятельности.

Иногда карнавализация политики превращает в политический карнавал целые страны. Так, например, новейшая политическая история Украины это один сплошной англосаксонский языческий кельтский праздник Хэллоуин («Halloween» – «Вечер всех святых»). Все действующие политики в стране «У» имеют одну и ту же маску-личину – фонарь из тыквы. И что самое главное никого – ни их англосаксонских кукловодов, ни самих украинских политиков, ни украинскую и мировую публику – никого эта личина не смущает. Всё нормально. И это их норма.

В политику пришли дилетанты, которые заваливают любое дело, за которое они берутся. Это самые настоящие Митрофанушки. Они политические недоросли. И это благодатная пища для роста политической сатиры. Еще Сократ издевался над незрелой афинской демократией, когда к власти приходили демагоги, дилетанты и авантюристы. В результате этого, народное собрание, которое при демократии имеет право решающего голоса, не могло считаться эталоном политической мудрости – «народ» явление разношерстное с неопределенными запросами и потребностями и потому мало пригодное для принятия какого-либо разумного политического решения (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, III, VII, 6). (Ксенофонт, 2007). Сократ с юмором относился к решениям народного собрания: когда однажды зашла речь о нехватке лошадей, он посоветовал и этот вопрос решить на народном собрании и путем голосования превратить ослов в лошадей... Из этого сарказма Сократа и вытекает наша типология политических элит...

В политическом карнавале всё чаще встречаются около политические оппортунисты и авантюристы, которые живут одним днем, которые утратили свою идентичность, здравый смысл и моральные устои. Это безликие сущности, которые ничего не выражают и ничего собой не представляют.

Резкое падение качества политики, деградация элитарного превосходства – прямое указание на политическую карнавальность (Карабущенко, 2022).

Когда мир катится в ад, политический карнавал воспринимается и оценивается как пир во время чумы...

Природа политического смеха

По всей видимости, смех стоял у истоков рождения человека, поскольку является нашим общим родовым признаком. Человек стал человеком тогда, когда впервые засмеялся.

Природа смеха действительно уходит своими корнями в доисторические времена. «Смех вводит парадокс, определяемый следующим фреймом: «Что бы мы сейчас ни делали и ни говорили – неправильно, но это лишь игра; мы якобы посягаем на идеал, но не примите этого всерьез». На индивидуальном уровне этому соответствует знаменитая формула двоемыслия: «У меня есть мысль, но я с ней не согласен»... смех – бессознательный метакоммуникативный сигнал, сопутствующий антиповедению (хотя и не всякому), знак символического, игрового нарушения внутреннего запрета. Нарушения бескорыстного – ради нарушения, а не ради некоей докультурной животной корысти... Смех – всегда смесь «можно» и «нельзя», две противоположные по смыслу команды, звучащие одновременно». (Козинцев, 2002а, стр.151 – 153)

Традиционно считается, что смех представляет собой метакоммуникационный сигнал несерьезности агрессий, который непосредственно связан с карнавалом (Козинцев, 2002б, стр.216. Смех существует на грани противоположных смыслов. «Смех и страх связаны непрерывной гаммой переходов. Хотя смеховой мир представляет собой лишь часть «антимира», вычленить первый из второго, как предлагают М.М. Бахтин и Б.А. Успенский, вряд ли возможно» (Козинцев, 2002а, стр.155). Мораль есть запрет на хамство. Снимая моральные запреты, мы опускаемся в мир недочеловека. Смех над этим позволяет нам преодолеть указанный порок. Смех есть лекарство от дикости, средство преодоления в себе великого хама. Смех рождает человека в недочеловеке, а карнавал временно возвращает нас в исходное состояние.

Нарушение логики в политическом мышлении, приводит к соединению не соединяемого, в результате чего возникают откровенно комические сюжеты. Порой начало фразы не соответствует ее завершительной части. Тезис оказывается с чужим антитезисом и с совершенно непонятным синтезом. Так, польский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии Владислав Гомулка (1905 – 1982) сказал: «Если бы нам хватило жести, мы завалили бы весь мир мясными консервами. Но у нас нет мяса...»

Во время Великой французской революции ее великий диктатор Робеспьер ввел культивирование высшего существа, первым из которых он объявил Ж.-Ж. Руссо.

Через год Робеспьера отправили на гильотину. В истории произошел психологический слом – революция стала пожирать своих героев. «Высшие существа» оказались не просто смертными, они еще оказались и совершенно беззащитными перед лицом злого рока. История зло над ними всеми посмеялась. Этот пример черного юмора показывает, во что превращается политика, когда в ее пространство вторгается энергетика антиматерии политического карнавала.

Смешно слышать утверждение американских политиков о том, что США самая миролюбивая страна в мире, которая всегда находится на стороне добра и света. Там, где нет совести, смешно слышать рассуждения о морали. Аморализм смешон, когда рассуждает о морали, а откровенная глупость – о мудрости. Смех появляется на грани возникшего очевидного противоречия. И чем абсурднее это противоречие, тем сильнее бывает эффект смеха.

Политический анекдот и политическое шутовство: природа карнавального юмора и сатиры

Природа политического анекдота кроется в аномалиях политической власти, в тех ее отклонениях, которые не просто нарушают норму, но и бросают ей вызов. Политический анекдот и политическое шутовство являются прямым указанием на существование политического карнавала и карнавальной политической культуры. Они являются его непременными атрибутами. И как атрибуты они выполняют определенную функцию. Чаще всего это функция рекламного характера, которая призвана оживить и вновь привлечь внимание к происходящему. Но анекдот не просто оживляет политическую картину, но и подсказывает, под каким углом на нее следует смотреть и какие скрытые смыслы в ней следует искать. Он больше намекает, чем веселит. Его цель не рассмешить, а показать подлинную натуру участников этого анекдотического действия.

Политический анекдот может быть в качестве некого назидательного поучения, так и в виде досадной политической нелепицы (ошибки, недоразумения). Но неизменно он вызывает не только улыбку и смех, но и некое нравственное размышление назидательного характера (он заставляет слушателя размышлять над рассказанной в нем историей).

Известно, что в XVIII в. была мода на политический анекдот. И чаще всего главными героями таких историй являлись какие-то великие исторические личности (Екатерина Великая, Потемкин, Суворов, император Павел I и др.). В них любопытствующий читатель находил добавления к официальной версии истории. В XX столетии уже советские политические лидеры стали героями политических анекдотов. По их характеру можно судить как об отношении народа к их правлению, так и о том, как в глазах масс выглядел тот или иной конкретный партийный деятель. Сам факт наличия подобного рода анекдотов указывал на карнавальное восприятие обществом своей политической действительности. Хрущевский или Брежневский политические карнавалы

затем сменились Горбачевским и Ельцинским. Народ смеялся над этими анекдотами, не всегда понимая, что ничего хорошего этот его смех ему не несет. Власть допускала этот смех, полагая, что это пар, уходящий в свисток.

Политический анекдот и политическое шутовство указывают на извращенный характер политических отношений, на то, что они приобрели не вполне профессиональный (нормальный) характер. Анекдот и есть выход за пределы нормы её нарушением. Он сам по себе есть политическая аномалия. Вот именно его аномальность и вызывает смех и слезы у публики.

В политическом анекдоте бывает порой сложно отличить, где историческая реальность, а где вымысел (народное или элитарное творчество). Но то, что анекдот всегда указывает на какое-то конкретное историческое время, является бесспорным. В таком рассказе всегда проступает как историко-культурный контекст, так и критический и сатирический его подтекст. По nimto и следует определять источник его происхождения, а, следовательно, и сам характер содержащейся в нем информации.

В политическом анекдоте актор окончательно становится актёром. Он играет те роли, которые ему отводят политическая сатира. Политик здесь уже себе не принадлежит, потому что потерял самого себя как историческую личность. Всё, что он может, так это обижаться или не обижаться на политический анекдот, узнавать или не узнавать в нем самого себя. Но это дело каждого, что ему выбирать: умный может шутить над самим собой, тогда как дурак не умеет ничего из этого, но может шумно и долго на всех обижаться.

Заключение

Для того, чтобы почувствовать природу политического карнавала необходимо самому виртуально погрузиться в пространство карнавальной политической культуры: необходимо быть не только внимательным наблюдателем, но желательно ещё и историком, психологом, культурологом... Антимиры политического карнавал раскрываются не сразу. Но увидевшие хотя бы раз эту безду, оказавшиеся по ту сторону добра и зла, оказываются в состоянии посвященных в некие политические таинства, оказываются вхожими в мир политического зазеркалья и закулисья. Они «вхожие», но не «свои» для участников политического карнавального действия. Они все равно оказываются для них чужим, инородным элементом. Метод включенного наблюдения позволяет видеть живую ткань политического карнавала. И оно чаще всего воспринимается как лоскутное одеяло, сотканное из множества плохо соединимых элементов. Химеры политического карнавала существуют не долго, но очень ярко.

И в этой связи постоянно возникает один резонный вопрос: зачем вообще нужен этот политический карнавал? Зачем политики осознанно участвуют в карнавальном политическом действии, которое опускает их на одну ступень в

их культурном развитии? Ответ кроется в том, что создавая одну большую карнавальную маску, они легко прячут под ней свои пороки. К тому же, судя по всему, их профессиональный уровень развития оказывается столь низким, что и собственно опускаться им некуда и не зачем. Они по-другому просто не могут. Это их потолок профессиональной компетентности. И в глазах искущенной публики они выглядят комично, потому что сама публика оказывается в критическом восприятии политической действительности выше их т.н. «элитарного уровня».

Список литературы

- Бахтин, М.М. (1990) Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. «Художественная литература».
- Дмитриев, А.В. (1998) Социология политического юмора. РОССПЭН.
- Дмитриев, А.В., & Сычев, А.А. (2005) Смех: социофилософский анализ. Альфа-М.
- Зарубина Н.Н. (2017) Уважение к научному сообществу как предпосылка доверия к институту науки в современной России. *Социологическая наука и социальная практика*, 5(1), 89–107. doi: 10.19181/snsp.2017.5.1.4994
- Зарубина, Н. Н., & Кравченко, С. А (2022) “Новое варварство” в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал. *Полис. Политические исследования*, (1), 31–44. doi: 10.17976/jpps/2022.01.04
- Ивлева, Л.М. (1994) Рязань в русской традиционной культуре. Российский институт истории искусств.
- Карабущенко, П.Л. (2022) Карнавальная политическая культура. ИНФРА-М.
- Козинцев, А. Г. (2002а). Смех и антиповедение в России: Национальная специфика и общечеловеческие закономерности. В А. Г. Козинцев (Ред.), *Смех: Истоки и функции* (с. 147–174). «Наука».
- Козинцев, А. Г. (2002б). Послесловие: Карнавализация и декарнавализация. В А. Г. Козинцев (Ред.), *Смех: Истоки и функции* (с. 211–221). «Наука».
- Козинцев, А.Г. (2007) Человек и смех. Алетейя.
- Колесников, А. (2018) Когда власть становится смешной. Получено из 7 дней website: <https://www.7days.us/kogda-vlast-stanovitsa-smesnoj>
- Ксенофонт. (2007) Сократические сочинения. Мир книги.
- Лебедева, И. В. (2021) Немецкий карнавал – политическая элита без цензуры. *Вопросы элитологии*, 2(4), 85–97. doi: 10.46539/elit.v2i4.86
- Лихачев, Д.С., Панченко А.М., & Понырко Н.В. (1984) Смех в Древней Руси. «Наука».
- Лотман, Ю. М. (1992). О семиосфере. В *Избранные статьи в трех томах* (Т. 1, сс. 11–24). Александра.
- Пропп, В.Я. (1999) Проблемы комизма и смеха. *Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне)*. Лабиринт.
- Рюмина, М.Т. (2020) Эстетика смеха. *Смех как виртуальная реальность*. URSS.

Струкова, Т. Г. (2016) Умберто Эко: о власти, смехе и слове. Вестник ВГУ. Серия: Философия, (3), 130-139.

Чертов, Е. (2003, январь 7). Смех, идеология, власть. *Zavtra*, 2(477).

Эко, У. (2006) Имя розы. Симпозиум.

References

- Bakhtin, M.M. (1990) *The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. "Khudozhestvennaya literatura" (In Russian).
- Chertkov, E. (2003, January 7). Laughter, ideology, power. *Zavtra*, 2(477) (In Russian).
- Dmitriev, A.V. (1998) *Sociology of political humor*. ROSSPEN (In Russian).
- Dmitriev, A.V., & Sychev, A.A. (2005) *Laughter: socio-philosophical analysis*. Alfa-M (In Russian).
- Eco, U. (2006) *The name of the rose*. Symposium (In Russian).
- Ivleva, L.M. (1994) *Ryazhenie in Russian traditional culture*. Russian Institute of Art History (In Russian).
- Karabushchenko, P.L. (2022) *Carnival political culture*. INFRA-M (In Russian).
- Kolesnikov, A. (2018) *When power becomes ridiculous*. Retrieved from 7 days website: <https://www.7days.us/kogda-vlast-stanovitsa-smesnoj> (In Russian).
- Kozintsev, A. G. (2002a). Laughter and anti-behavior in Russia: National specificity and universal regularities. In A. G. Kozintsev (Ed.), *Laughter: Origins and functions* (pp. 147-174). "Science" (In Russian).
- Kozintsev, A. G. (2002b). Afterword: Carnavalization and decarnavalization. IN A. G. Kozintsev (Ed.), *Laughter: Origins and functions* (pp. 211-221). "Science" (In Russian).
- Kozintsev, A. G. (2007) *Man and laughter*. Aleteia (In Russian).
- Lebedeva, I. V. (2021) German carnival - political elite without censorship. *Issues in Elitology*, 2(4), 85-97. doi: 10.46539/elit.v2i4.86 (In Russian).
- Likhachev, D.S., Panchenko A.M., & Ponyrko N.V. (1984) *Laughter in ancient Russia*. "Nauka" (In Russian).
- Lotman, Y. M. (1992). On the semiosphere. In *Selected articles in three volumes* (Vol. 1, pp. 11-24). Alexandra (In Russian).
- Propp, V.Y. (1999) *Problems of comedy and laughter. Ritual laughter in folklore (on the tale of Nesmeyan)*. Labyrinth. (In Russian).
- Ryumina, M.T. (2020) *Aesthetics of laughter. Laughter as a virtual reality*. URSS (In Russian).
- Strukova, T. G. (2016) Umberto Eco: on power, laughter and the word. *Vestnik VSU. Series: Philosophy*, (3), 130-139 (In Russian).
- Xenophon (2007) *Socratic writings*. Book World (In Russian).
- Zarubina, N. N., & Kravchenko, S. A. (2022) "New barbarism" in civilizational perspective: the impact on human capital. *Polis. Political Studies*, (1), 31-44. doi: 10.17976/jpps/2022.01.04 (In Russian).
- Zarubina, N.N. (2017) Respect for the scientific community as a prerequisite for trust in the institution of science in modern Russia. *Sociological science and social practice*, 5(1), 89-107. doi: 10.19181/snsn.2017.5.1.4994 (In Russian).

Private Military Companies: Elite Analysis

(a) Gennady V. Kosov, (b) Lyudmila N. Garas

(a) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia,
Email: kossov1[at]yandex.ru ORCID 0000-0002-1422-895X
(b) Sevastopol State University, Sevastopol, Russia,
E-mail: garas_ln[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0391-652X

Abstract

The article analyzes the phenomenon of private military companies in the context of the transformation of the modern institution of the state. There has been a rapid increase in the number of PMCs and an increase in demand for private military services. In this regard, questions arise about the degree of elitism of the Cheka sphere; about the institution of the Cheka, which forms, delegates, supports new political and other elites/counter-elites; about the contrast between the mass regular army and the elite “outsourcing of the military sphere”; about the effectiveness of the Cheka as an instrument of foreign policy of a modern state at different stages of transformation of the world order. In the scientific work, the authors analyzed the interaction of the state's military elite with the leadership of PMCs (usually retired military personnel) in the context of an active foreign policy, as well as changes in the directions of PMC activities with the development of new technologies. The article concludes that, firstly, as armed conflicts become hybridized, the role of PMCs will increase; that contractors will expand their presence in many crisis regions, participate in the post-conflict engagement process, and provide security/military services to states, organizations and businesses; that the priority areas for the development of private military companies may be “civilian” areas that do not require military skills, but are closely related to them (consulting, cyber security, personnel training, reconnaissance operations using UAVs).

Keywords

State, Private Military Companies (PMCs); Conflict Interaction, Military Elite; Counter-Elite; Commercialization of PMCs; International Relations; Foreign Policy.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

Частные военные компании: элитологический анализ

(a) Косов Геннадий Владимирович, (b) Гарас Людмила Николаевна

(a) Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Email: kossov1[at]yandex.ru ORCID 0000-0002-1422-895X

(b) (Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: garas_ln[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0391-652X

Аннотация

В статье анализируется феномен частных военных компаний в контексте трансформации современного института государства. Отмечается стремительный рост количества ЧВК и увеличение спроса на частные военные услуги. В этой связи возникают вопросы о степени элитарности сферы ЧВК; об институте ЧВК, формирующем, делегирующем, поддерживающем новые политические и иные элиты/контрэлиты; о противопоставлении массовой регулярной армии и элитного «аутсорсинга военной сферы»; об эффективности ЧВК как инструмента внешней политики современного государства на разных этапах трансформации мирового порядка. В научной работе авторы проанализировали взаимодействие военной элиты государства с руководством ЧВК (как правило, военными в отставке) в контексте проведения активной внешней политики, а также изменение направлений деятельности ЧВК с развитием новых технологий. В статье сделан вывод о том, что, во-первых, по мере гибридизации вооружённых конфликтов будет возрастать роль ЧВК; что подрядчики будут расширять свое присутствие во многих кризисных регионах, участвовать в процессе постконфликтного взаимодействия, предоставлять охранные/военные услуги государствам, организациям и бизнес-структурам; что приоритетными направлениями развития частных военных компаний могут стать «гражданские» направления, не требующие военных навыков, однако тесно связанные с ними (консалтинг, кибербезопасность, обучение персонала, разведывательные операции с помощью БПЛА).

Ключевые слова

Государство; частные военные компании (ЧВК); конфликтное взаимодействие; военная элита; контрэлита; коммерциализация ЧВК; международные отношения; внешняя политика.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](#)

Введение

Особой характеристикой современного мира является его «подвижность»: трансформации подвергаются традиционные институты во всех сферах жизни общества. Изменения захватывают и государство, которое, оставаясь ключевым актором политики, все же испытывает серьезные вызовы, в частности, нападкам подвергается его суверенитет. Вместе с тем, наблюдается трансформация подхода к реализации функций государства (в том числе в военно-силовой плоскости), а именно: их частичной передачи негосударственным структурам. Одним из таких проявлений становится появление феномена «аутсорсинга военной сферы» – частных военных компаний (ЧВК), возглавляемых преимущественно профессиональными военными в отставке, что делает данную тему актуальной для исследования.

В этой связи возникают вопросы о степени элитарности сферы ЧВК; об институте ЧВК, формирующем делегирующим, поддерживающим новые политические и иные элиты/контрэлиты; о противопоставлении массовой регулярной армии и элитного «аутсорсинга военной сферы»; об эффективности ЧВК как инструмента внешней политики современного государства на разных этапах трансформации мирового порядка. Все они являются архиактуальными и требуют ответов, которые авторы дают в цикле своих научных статей. Отметим, что данная статья является второй в этой серии (первая наша статья данного цикла опубликована в журнале «Вопросы элитологии», 2023. № 2. С. 25–43).

Цель данной работы нами сформулирована как анализ перспектив развития частных военных компаний.

Авторы исследования опирались на методы анализа, синтеза, индукции, дедукции и др. Системный подход позволил проанализировать взаимодействие военной элиты государства с руководством ЧВК (как правило, военными в отставке) в контексте проведения активной внешней политики, а также изменение направлений деятельности ЧВК с развитием новых технологий.

Изученность проблемы

Несмотря на то, что в академическом сообществе и в политических кругах длительный период доминировало представление о значительном снижении фактора силы в международных отношениях, тем не менее, войны и конфликты не удалось элиминировать из современной мировой повестки дня. Напротив, происходит усиление перманентной конфликтности, размытие рамок, четко разграничающих войну и иные формы межгосударственного взаимодействия, что требует от государства адекватного ответа.

Исследуемая тема вызывает устойчивый интерес со стороны как зарубежных, так и отечественных специалистов в области международных отношений и элитологии.

Ключевые проблемы изменения института государства и его функций исследуются в трудах У. Бека, Э. Гидденса, А.В. Кокошина, И.А. Мальковской, А.Ю. Мельвиля и др. Вопросы трансформации военно-силовой компоненты государства получают освещение в работах М. ван Кревельда, В.И. Слипченко, Э. Тоффлера, А.А. Храмчина и др. Проблематика конфликтного взаимодействия и гибридной конфликтности между государствами детально прорабатываются в своих трудах А.А. Бартош, М. Калдор, С.А. Ланцов, Ф. Хоффман, П.А. Цыганков и др.

Особенности военной элиты анализируются в трудах П.Л. Карабущенко, К. Манхейма, А.М. Старостина, В.В. Степанкова и др. Следует отметить, что отечественная политологическая концепция военной элиты находится в процессе формирования.

Вопросы деятельности частных военных компаний анализируются в публикациях таких исследователей, как Д. Брукс, К. Кинзи, Ш. Макфейт, М.А. Небольсина, П.У. Сингер, Л.О. Терновая и др.

Сильное государство и ЧВК: конкуренты или союзники?

Эволюция государства обусловила необходимость пересмотра его силовой компоненты. В условиях новой исторической реальности на смену крупномасштабным операциям наземных войск пришло то, что Пол Роджерс называет «войной с дистанционным управлением», включающей использование оружия дальнего действия, спецназа, местных ополченцев и частных военных компаний (ЧВК) (Rogers, 2016, p. 160).

Сильные государства с полным оснащением военной техники вынуждены раз за разом претерпевать поражения от иррегулярных военизованных образований, повстанцев и террористов, что повлекло за собой пересмотр состава конфликта и создало новые инструменты ведения войны. Подобная ситуация предопределяет обращение правительства к частным военным компаниям, которые могут выступить одним из инструментов решения проблем. Так, государство способно заключить контракт с подрядчиком на оказание широкого спектра услуг (оборонительных, разведывательных, консалтинговых, логистических, обучением военнослужащих национальной армии и т.д.) (Косов, Гарас & Лебедь, 2023).

Концепт ЧВК, являясь достаточно размытым термином, применяется для описаний широкого спектра организаций, занимающихся различными видами деятельности. В нашем исследовании под частной военной компанией мы будем понимать высокодоходные структуры, созданные для получения коммерческой выгоды и призванные предоставлять широкий спектр военно-силовых услуг акторам мировой политики. Данные компании специализируются на отработке военных навыков, непосредственном ведении боевых действий, стратегическом планировании, разведке, оценке рисков, оперативной поддержке, консалтинге и обучении военного контингента.

В условиях модификации монопольного права государства – «права на насилие», ЧВК нередко выступают альтернативным политическим инструментом для правительства. С. Малешевич (Malešević, 2018, р. 53) отмечает, что ЧВК нередко культурно и организационно схожи с национальными армиями, поскольку большая часть их личного состава рекрутируется из вооруженных сил государства.

Бывшие военнослужащие, в том числе и члены элитных подразделений спецназа, прошедшие подготовку в области разведки и анализа разведанных, имеющие опыт взаимодействия с иностранными гражданами, предлагают свои услуги современному государству и иным акторам, напрямую ссылаясь на навыки и опыт своего руководства на военной службе, особенно в элитных силах. Например, Military Professional Resources Inc. (MPRI), основанная высокопоставленными офицерами в отставке, не просто одна из самых динамично развивающихся частных военных компаний США. Данная компания может похвастаться «большим количеством генералов на квадратный фут, чем Пентагон», поскольку в ее штате насчитывается свыше 300 американских генералов в отставке. То есть управленческий сегмент современных частных военных компаний представлен высококвалифицированными профессионалами, нередко окончившими военную академию. В рамках ЧВК существует также система командования и контроля, продвижение по службе основано на заслугах, работа за определенную плату (зачастую выше, чем в армии), существование корпоративной этики и т.п. Это свидетельствует о некоторой схожести с вооруженными силами государства. В то же время, ЧВК, выступая неотъемлемым элементом военной мощи современного государства, в некотором роде конкурируют с его армией.

Военнослужащие в отставке являются наиболее выгодными сотрудниками, так как, обладая высоким уровнем опыта, профессионализма, дисциплины, нередко сохраняют достаточную организационную сплоченность, что позволяет восстановить их в качестве «готовой» структуры в ЧВК. Тем не менее, ЧВК обладает гибридной, более подвижной организационной структурой, нежели вооруженные силы, что позволяет им модульно включаться в различные организационные формы, совершать сделки и развивать возможности, которые весьма затруднительны в рамках традиционной иерархической структуры обычной военной службы.

Согласно мнению российского элитолога П.Л. Карабущенко, профессиональная военная элита выступает ключевым выражителем идеи войны, которая становится апофеозом для военной элиты. Именно в этот временной лаг появляется возможность для максимальной реализации своих высоких профессиональных качеств (Карабущенко, 2016), что позволяет предположить: гибридизация современных конфликтов может способствовать профессиональной реализации военной элиты государства посредством ЧВК. Под военной элитой мы понимаем «определенный слой военных управленцев, обладающих высокими профессиональными и интеллектуальными качествами, а также возмож-

ностью и способностью оказывать влияние на действия политической власти в области обеспечения национальной безопасности» (Бродкин, 2007). Отметим, что военная элита выступает особой группой, общность которой фундируется на плотном взаимодействии входящих в ее состав военных руководителей.

Наличие тесных неформальных связей военной элиты и руководства ЧВК обуславливает действие последних нередко в интересах государства. Также следует отметить преимущественную лояльность персонала ЧВК к своему государству и обществу, как и у военнослужащих армии, в силу того, что процесс социализации проходит в схожих условиях. Ведь, родиввшись в конкретной стране, по мере взросления будущие солдаты принимают участие в образовательном процессе, подвергаются воздействию национально-ориентированных средств массовой информации, служат в армии, получают образование в высших военных учебных заведениях и т.д. Происходит формирование особой субкультуры военно-элитных групп, основу которой составляют ценности, нормы поведения и воинской чести, разделяемые всеми ее членами.

Становление личности в схожих условиях делает из членов ЧВК и военнослужащих в некотором роде достаточно похожих индивидуумов. В то же время большинство контрактников, например, которые воюют сегодня в войнах США, не являются американцами. Чтобы снизить затраты, военные компании нанимают персонал из развивающихся стран, где военная «рабочая» сила дешева, что делает эти компании интернациональными. Так, Объединенные Арабские Эмираты направляли ЧВК для борьбы с хуситами в Йемене, которых поддерживал Иран. Персонал подрядчиков состоял преимущественно из выходцев латиноамериканских стран, таких как Колумбия, Панама, Сальвадор и Чили, большинство из них были ветеранами войн с наркотрафиком, что привнесло новую тактику и жесткость в ближневосточные конфликты. Однако, оплата их труда обходилась в разы меньше, чем стоимость подобных услуг американского или британского персонала ЧВК (McFate, 2019). Учитывая, что ЧВК используются преимущественно за пределами своего государства, то вопросы чести, этики и т.п. не всегда являются уместными. Тем не менее, доверие и сплоченность со временем начинают присутствовать среди сотрудников ЧВК по мере того, как они вместе выполняют миссии, ведь отношения между персоналом ЧВК имеют решающее значение в контексте их эффективности.

Конечно, не стоит нивелировать экономический интерес «солдат на прокат», ведь их целью в отличие от армии, является не долг перед Родиной, а – доход. Прежде, чем соглашаться на условия контракта, компания тщательно взвешивает все риски и возможные потери с предлагаемой прибылью, то есть «служба» в ЧВК становится хорошо оплачиваемой работой. Отметим, что сегодня частная сила превратилась в большой бизнес, причем глобальный по своему масштабу. Несмотря на то, что по оценкам данных мирового рынка частных военных услуг он составляет около 258 млрд. долларов (на 2022г.), никто на самом деле не знает, реальные объемы его оборота, что позволяет

утверждать о «сером» характере данной отрасли. Некоторые ЧВК фактически принадлежат компаниям из списка Fortune 500 (список крупнейших компаний США по размеру доходов). Однако, данный бизнес процветает, так как само наличие военных конфликтов актуализирует спрос «на военную экспертизу и на военные услуги» (Уваров, 2009, с. 26). В последние годы крупная активность ЧВК наблюдается в Йемене, Нигерии, Сирии, Ираке и т.д. Многие из этих «солдат на прокат» превосходят по классу местных военных, а некоторые даже могут противостоять самим элитным силам.

Цифровые технологии, делая современный мир прозрачнее, формируют новые зоны пугающей неизвестности в космосе, биоинженерии, сфере квантовых вычислений, киберпространстве при полном отсутствии реальных диалогов о стратегической стабильности. Поэтому современные вооруженные силы на фоне перехода от «массовой» армии к профессиональной, обращаются к ЧВК в поисках высококвалифицированных специалистов, обладающих навыками обслуживания передовых образцов техники. Высокотехнологичные военные устройства, высокоскоростные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) в настоящее время находят все более широкое применение в военной сферах и играют незаменимую ключевую роль в современных вооруженных конфликтах, а для их обслуживания нередко привлекаются частные подрядчики. Однако, государство, опираясь на услуги ЧВК, получает ряд необходимых ему преференций, таких как возможность удаленного влияния на странумишень или регион, хорошо специализированную силовую структуру, частичное снятие ответственности и др. В то же время, делегируя свою военную функцию частному подрядчику, государство рискует утратить часть своего суверенитета.

Наряду с государствами, значительную клиентскую базу ЧВК представляют международные организации, неправительственные организации и транснациональные корпорации. ЧВК продолжают активно работать в гуманитарном секторе, предлагая услуги по защите для таких организаций, как Красный Крест. В том числе, Организацией Объединенных Наций (ООН) предпринимались инициативы, предполагающие, чтобы ЧВК дополняли миротворческие миссии ООН, в которых отсутствует требуемая численность войск.

Зачастую государства в целях «заполнения пробелов» в возможностях сил государственной безопасности противостоять угрозам терроризма привлекают частных подрядчиков. Самой известной частной компанией, заключившей контракт после событий 11 сентября 2001 года, стала Blackwater (США). Основные функции безопасности, для выполнения которых была нанята данная компания, включали личную охрану сотрудников Госдепартамента США, обучение сотрудников ЦРУ обнаружению и, в конечном итоге, убийства лидеров Аль-Каиды (запрещенная в РФ), поддержка планирования операций, наблюдение, эксплуатация беспилотных летательных аппаратов (включая загрузку ракет «Хеллфайр») на базах в Пакистане, а также частная авиация,

используемая для перевозки задержанных подозреваемых членов Аль-Каиды (Scahill, 2007).

Однако, особо тревожным является потенциал использования ЧВК террористическими или криминальными элементами, например, «Malharm Tactical» (запрещена в РФ), ЧВК, базирующаяся в Узбекистане, обслуживает исключительно экстремистов-джихадистов. Ее члены, преимущественно сунниты, действуют не только по идеологическим соображениям, но и ради получения прибыли (Smith, 2023). Развитие подрядчиков в подобном русле неизбежно приведет к катастрофе, что актуализирует необходимость установления регулирования деятельности ЧВК.

ЧВК как новый игрок в киберпространстве

Интенсивное проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы современного общества способствует усложнению современной войны, добавляя новое поле конфликтности – киберпространство. Сегодня под угрозой находится «информационный суверенитет» государства, так как киберпространство – это не только виртуальное пространство для взаимодействия путем передачи данных посредством совместимых протоколов. Киберпространство включает в себя область компьютерных сетей (и пользователей, стоящих за ними), в которых информация хранится, распространяется и передается в Интернете. В силу чего, наряду с виртуальным, киберпространство включает в себя компьютеры, которые хранят данные, а также системы и инфраструктуру, которые позволяют им передаваться.

Сфера кибервойны характеризуется большой асимметрией между наступательными и оборонными возможностями страны, что обусловлено простотой разработки, использования кибероружия и сложностью отслеживания атак до их источника. Мориц Вайс отмечает, что в современных условиях происходит рост спроса на кибербезопасность, который удовлетворяется глобальным предложением, а именно стремительно растущим рынком частных компаний, предлагающих свои услуги по всему миру (Weiss, 2022). Частные компании, занимающиеся кибербезопасностью, разрабатывают как защитные (например, защита собственных сетей), так и наступательные инновации, посредством чего они предоставляют оперативные возможности и наработки государствам. То есть, являясь прерогативой государства, киберпространство в последние десятилетия наполняется не только рядом частных фирм по обеспечению кибербезопасности, но и наемными хакерами, готовыми нанести удар по кому угодно и где угодно. В ходу у которых «услуги» по краже/подмене информации (возможность взламывать мобильные телефоны, компьютеры и базы данных), удаленным диверсиям, продаже наступательных кибернетических возможностей и многое другое, что позволяет осуществлять своего рода «цифровое сдерживание» потенциального противника. Проблема

в данном контексте усугубляется непрозрачной природой всемирной паутины и гораздо большим эпистемическим преимуществом частных (комерческих) субъектов, чей опыт в области компьютерных технологий зачастую выше, чем у государственных акторов. Более того, «хакерские фирмы», обеспечивающие кибербезопасность и/или акторы, дистанционно программирующие и управляющие БПЛА, в силу специфики своей деятельности нередко даже не взаимодействуют, и тем более могут быть не связаны военной подготовкой, организационной культурой, этикой и даже физической близостью к месту боя.

На сегодняшний день практически отсутствуют достоверные знания об этих «новых воинах» кибербезопасности. Тем не менее, киберпространство служит в некотором роде идеальной «территорией» для различного рода субъектов, как государственных, так и негосударственных, стремящихся к правдоподобному отрицанию своего причастия к каким-либо действиям. То есть это своего рода «стратегия непрямых действий», которая позволяет оказывать косвенное влияние на конфликты, лоббировать свои интересы с помощью подобного инструментария. Как документально подтверждает Маурер, государства уже имели опыт обращения к «кибер-наемникам» для достижения своих геополитических целей и предпринимать подобные действия в будущем (Maurer, 2018).

К новым отраслям, в которых подрядчики имеют возможность преуспеть, относятся сбор и анализ разведданных. В современных условиях, наряду с государственными, происходит рост числа разведывательных фирм по найму. Так, в США события 11 сентября 2001 года стали неким тригерром роста подобных агентств в условиях необходимости поддержания безопасности страны. Подобные агентства действуют аналогично обычным ЧВК, однако передача подобной прерогативы государства на внешний подряд, так называемым «шпионам-наемникам», актуализирует вопросы по их надзору и подотчетности. Тем не менее, и направление кибербезопасности, и разведка, безусловно, актуальны для рынка ЧВК. Ввиду обширного спектра услуг, подрядчики имеют возможность включить в свой «арсенал» кибернетический инструментарий и шпионаж. ЧВК, адаптируясь к современным запросам и тенденциям в области международной безопасности, способны реагировать на появление «нетрадиционных» угроз.

Выводы

В последние годы ЧВК, как экипированные организации с мощной инфраструктурой и материально-технической базой, нередко превосходящие современные вооруженные силы малых государств, принимают активное участие во многих вооруженных конфликтах. По мере гибридизации которых будет возрастать и роль самих ЧВК. На чьей стороне будут выступать частные подрядчики, конечно, зависит от того, кто их нанимает, в том числе, они могут использоваться для обучения и стабилизации правительства, борьбы с экстреми-

мизмом и защиты ресурсов (добывающих предприятий), а - может и с деструктивной целью (террористы и т.п.).

В настоящий момент достаточно сложно определить, какой именно вектор развития ЧВК будет приоритетным, однако, с высокой долей вероятности можно предположить, что подрядчики и дальше будут расширять свое присутствие во многих кризисных регионах, участвовать в процессе постконфликтного взаимодействия, предоставлять охранные/военные услуги государствам, организациям и бизнес-структурам. Дальнейший рост также обусловлен «зависимым» положением государств по отношению к частным военным компаниям. ЧВК меняют саму природу войны, поскольку правительства часто избегают затрат и рисков, связанных с использованием государственных субъектов в зонах конфликтов. Ярким свидетельством подобного стало американское государство. Ведь длительное обращение США к контрактам послужило постепенному снижению эффективности национальной армии, части которой не спешаут за сотрудниками ЧВК в отдельных отраслях военного дела.

Неуловимость и нелинейность современных конфликтов уподобляет их хамелеону, который постоянно адаптируется к социальным и политическим трансформациям. Приоритетными направлениями развития частных военных компаний могут стать «гражданские» направления, не требующие военных навыков, однако тесно связанные с ними (консалтинг, кибербезопасность, обучение персонала, разведывательные операции с помощью БПЛА). Однако, рост числа частных подрядчиков как в военной, так и в «гражданской» сферах, порождает новые угрозы: частную войну без государств, которая может вестись, скрытыми средствами, а правдоподобное отрицание окажется более эффективным, чем огневая мощь в информационную эпоху.

Список литературы

- Malešević, S. (2019). From Mercenaries to Private Patriots: Nationalism and the Private Military Contractors. В О. Swed & T. Crosbie (Ред.), *The Sociology of Privatized Security* (с. 45–66). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-98222-9_3
- Maurer, T. (2018). *Cyber Mercenaries: The State, Hackers, and Power*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781316422724
- McFate, S. (2019) *Mercenaries and War: Understanding Private Armies Today*. National Defense University Press.
- Rogers, P. (2017) *Irregular War: The New Threat from the Margins*. I.B. Taurus.
- Scalhill, J. (2007) *Blackwater: The Rise of the World's Powerful Mercenary Army*. Nation Books.
- Smith, J. (2023) *Malhama Tactical: Extremists for Hire*. Получено из Grey Dynamics website: <https://greydynamics.com/malhama-tactical-extremists-for-hire/>
- Weiss, M. (2022). The Rise of Cybersecurity Warriors? *Small Wars & Insurgencies*, 33(1–2), 272–293. doi: 10.1080/09592318.2021.1976574

- Бродкин, И. А. (2007). Военная элита российского общества: Теория и методология исследования. *Вестник военного университета*, (1), 34–42.
- Карабущенко, П. Л. (2016). Элита и война. *Россия в глобальном мире*, (8), 420–430.
- Косов, Г.В., Гарас, Л.Н., & Лебедь, Н.И. (2023) Военная элита или контрэлита? (Частные военные компании как инструмент реализации национальных интересов государства: на примере американских и китайских ЧВК). *Вопросы элитологии*. 4(2), 25–43. doi: 10.46539/elit.v4i2.148
- Уваров, Н. М. (2009) Частный военный бизнес военных ведомств: по опыту основных зарубежных стран. URSS.

References

- Brodkin, I. A. (2007). Military elite of the Russian society: Theory and methodology of research. *Vestnik of Military University*, (1), 34–42 (In Russian).
- Karabushchenko, P. L. (2016). The elite and war. *Russia in the global world*, (8), 420–430 (In Russian).
- Kosov, G.V., Garas, L.N., & Lebed, N.I. (2023) Military elite or counter-elite? (Private military companies as an instrument of realization of national interests of the state: on the example of American and Chinese PMCs). *Issues in Elitology*. 4(2), 25–43. doi: 10.46539/elit.v4i2.148 (In Russian).
- Malešević, S. (2019). From Mercenaries to Private Patriots: Nationalism and the Private Military Contractors. B O. Swed & T. Crosbie (Ред.), *The Sociology of Privatized Security* (cc. 45–66). Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-98222-9_3
- Maurer, T. (2018). *Cyber Mercenaries: The State, Hackers, and Power*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781316422724
- McFate, S. (2019) *Mercenaries and War: Understanding Private Armies Today*. National Defense University Press.
- Rogers, P. (2017) *Irregular War: The New Threat from the Margins*. I.B. Taurus.
- Scalhill, J. (2007) *Blackwater: The Rise of the World's Powerful Mercenary Army*. Nation Books.
- Smith, J. (2023) *Malhama Tactical: Extremists for Hire*. Retrieved from Grey Dynamics website: <https://greydynamics.com/malhama-tactical-extremists-for-hire/>
- Uvarov, N. M. (2009) *Private military business of military departments: on the experience of major foreign countries*. URSS (In Russian).
- Weiss, M. (2022). The Rise of Cybersecurity Warriors? *Small Wars & Insurgencies*, 33(1-2), 272–293. doi: 10.1080/09592318.2021.1976574

“Material Code” in V. Narbut’s Lyrics: Elitology of Creativity and Problems of Reception

Anna A. Borovskaya

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia.

E-mail: borovskaya-anna[at]bk.ru

Abstract

V. Narbut’s works exemplify elite poetry. Semantic isolation and density, a “dark style”, a reminiscent backdrop requiring broad erudition, hinder a mass reader to perceive his texts. Grotesque imagery and naturalistic metaphors, based on an oxymoronic and oftentimes paradoxical juxtaposition of far-fetched objects and phenomena, are tailored for out-of-box creative thinking of an addressee. The dismantling of automatism in perceiving and recognizing objects serves as a mechanism for constructing a distinct artistic realm, wherein comprehension necessitates a profound “immersion” in the intricately woven symbolism of text.

The primary objective of this article is to unveil the enmeshed processes underlying the meaning generation by deciphering artifact codes found within the literary works of V. Narbut. Material images in the poet-acmeist’s artistic system perform descriptive (naturalistic), ethnocultural, mythopoeic and symbolic (mythological, ontological, psychological) functions. Everyday objects acquire a semiotic status in V. Narbut’s lyrics. In the poet’s late works, the evolution of figurative equivalents of material existence is dependent on the principle of individualization of their meanings. The main techniques employed to create material images in his works are zoological and anthropomorphic tropes, contrasting conjunction, occasional morphological formations, and sound play.

Keywords

The elitology of creativity; V. Narbut; cultural code; meaning; reception; semiotics; understanding; material image; “dark text”; symbol; sign; acmeism; value.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

«Вещный» код в лирике В. Нарбута: элитология творчества и проблемы рецепции

Боровская Анна Александровна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия.

E-mail: borovskaya-anna[at]bk.ru

Аннотация

Произведения В. Нарбута представляют собой образец элитарной поэзии. Семантическая замкнутость и сгущенность, «темный стиль», реминисцентный фон, требующий широкой эрудиции, затрудняют рецепцию его текстов массовым читателем. Гротескная образность и натуралистическая метафорика, основанные на оксюморонном, нередко парадоксальном соположении удаленных друг от друга объектов и явлений, рассчитаны на нестандартное творческое мышление адресата. Разрушение автоматизма восприятия и узнавания предмета служит средством конструирования уникального художественного мира, понимание которого предполагает полное «погружение» в знаковую структуру текста.

Цель статьи – раскрыть механизмы смыслопорождения на примере дешифровки артефактного кода в творчестве В. Нарбута. Вещные образы в художественной системе поэта-акмеиста выполняют бытописательную (натуралистическую), этнокультурную, мифopoэтическую и символическую (мифологическую, онтологическую, психологическую) функции. Предметы повседневного обихода обретают в лирике В. Нарбута семиотический статус. Эволюция образных эквивалентов материального бытия подчинена принципу индивидуализации их значений в позднем творчестве поэта. Основными приемами создания вещных образов в его произведениях являются зоо- и антропоморфные тропы, контрастное сопряжение, окказиональные морфологические образования, звуковая игра.

Ключевые слова

Элитология творчества; В. Нарбут; культурный код; смысл; рецепция; семиотика; понимание; вещный образ; «темный текст»; символ; знак; акмеизм; ценность.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](#)

Введение

Проблема рецепции произведений словесного искусства в филологической науке является ключевой. Одним из первых вопрос о толковании художественного текста, адекватном авторскому замыслу, поставил А. Потебня в работе «Мысль и язык». Согласно концепции ученого, механизм понимания и природа художественного мышления тождественны. Процесс восприятия напрямую зависит от степени поэтического дарования читателя, поскольку подразумевает его активное соз创чество (Потебня, 1989). Вместе с тем именно творческий потенциал личности определяет «шкалу ценностей, по которым измеряется конкретная персональная элитность» (Карабущенко, 2023, стр. 50). В XX веке категории «интерпретация», «смысл», «постижение» становятся центральными в программах большинства литературоведческих школ. Представители американской рецептивной критики (С. Фиш, Н. Холланд) и Констанцкого кружка (Г.-Р. Яусс, В. Изер), экзистенциальной и феноменологической герменевтики (М. Хайдеггер, Р. Ингарден, Х.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль), структурализма и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Лакан, Ж. Деррида) сходятся во мнении об относительности понимания художественного текста, руководствуясь, однако, различными аргументами в объяснении причин подобной релятивности и предлагая оригинальные практики, призванные помочь преодолеть возможные ограничения и приблизиться к эталонной экспликации.

Идеи избранности и уникальности лежат в основе образцов высокой культуры, которая носит универсальный, вневременной характер. В то же время до сих пор предметом обсуждения остается правомерность разграничения элитарного и массового искусства с позиций аксиологии, а не функциональности. Между тем в современном литературоведении исследователи разделяют «ясные» и «темные» тексты, дифференциация которых обусловлена их построением по законам, соответственно, классической и неклассической поэтики. «Темные» ориентированы на читательскую аудиторию, наделенную особой художественной восприимчивостью, которая позволяет наслаждаться труднодоступной, «чистой» игрой со словом: «...чем многообразнее “цветущая сложность”, тем выше шанс на возникновение новой элитной ценности» (Карабущенко, 2023, стр. 58). В статье «Удовольствие от текста» Р. Барт справедливо отмечает: «...чтобы читать современных авторов, нужно не глотать, не пожирать книги, а трепетно вкушать, нежно смаковать текст, нужно вновь обрести досуг и привилегию читателей былых времен – стать аристократическими читателями» (Барт, 1989, стр. 472). Акцентированное философом-структуралистом качество воспринимающего субъекта – «аристократизм» – соотносится с представлениями об элитологии чтения. Р. Барт различает два типа артефактов – текст-удовольствие и текст-наслаждение. Последний «вызывает чувство потерянности, дискомфорта... <...> он расшатывает исторические, культурные,

психологические устои читателя, его привычные вкусы, <...> вызывает кризис в его отношениях с языком» (Барт, 1989, стр. 478). Разрушение стереотипов рецепции художественного произведения, порожденное поэтикой «сдвига», выводит на передний план фигуру подготовленного, квалифицированного, «прилежного» читателя, способного испытывать увлеченность от «вертикального ералаша» самого акта «означивания» и процесса его деконструкции (Барт, 1989, стр. 480). Таким образом, элитология творчества включает в себя и искусство понимания.

Подчеркивая коммуникативную природу взаимодействия автора и читателя, Р. Якобсон утверждает, что текстовое сообщение, посредством которого происходит диалог между адресантом и адресатом, закодировано. Под кодом он имеет в виду разновидность языка, ряд фиксированных правил, с помощью которых осуществляется передача информации (Якобсон, 1985). Отечественные структуралисты и семиотики (Ю. Лотман, В. Топоров, Вяч. Иванов, А. Жолковский) переосмысливают это определение, рассматривая код как знаковую систему, отличную от практического национального языка и выполняющую функцию художественного миромоделирования. Для того, чтобы проникнуть в семантику «темного» текста, необходимо дешифровать его содержание. Элитарный читатель способен уловить не только основной компонент смысла, но и коннотативный, скрывающийся за образными эквивалентами объектов материальной действительности. Предметный код оказывается чрезвычайно продуктивной интерпретационной практикой в лирике, которая не предполагает развернутых психологических описаний, поэтому динамика авторского сознания, как правило, выражается метонимически, через ряд «вещных» деталей: «Фильтры внезапно лопнули, и вещественность цивилизованного мира хлынула в лирику. Лирика встала перед проблемой освоения вещи не периферией своих средств, а самым своим существом, ядром своей впечатлительности и выразительности» (Роднянская, 1989, стр. 324).

Научная новизна настоящих изысканий заключается в предложенной типологии вещных образов В. Нарбута в соответствии с их функциональной значимостью в художественном тексте и ролью в реализации оппозиции «воздействие – восприятие» в структуре читательского отклика.

Методология

Изучение особенностей восприятия художественного текста с точки зрения проблем элитологии предполагает комплексный подход, объединяющий несколько методологических установок. В качестве объекта исследования выступает лирика В. Нарбута. Предмет – система вещных образов, составляющих артефактный код художественных произведений поэта, который позволяет прояснить семантику «темных мест» и вторичных номинаций, раскрывая тем самым смысловую многослойность труднопостижимого

текста. В исследовании использованы сравнительно-исторический, структурный и интертекстуальный методы, приемы семиотического анализа, стратегии герменевтической и рецептивной интерпретации. С помощью компаративистики мы прослеживаем эволюцию предметной образности в художественной системе В. Нарбута. Благодаря инструментарию интертекстуального анализа становится возможным выявление смысловых связей произведений автора с предшествующей и современной ему культурой. Вещные образы рассматриваются нами как знаковые модели, организующие различные текстовые уровни и единицы. Герменевтический круг служит средством «погружения» в семантические глубины лирических произведений В. Нарбута, для понимания идеально-эстетического содержания которых необходимо осмысливать отдельные элементы целого. Такие понятия рецептивной эстетики, как «пустые места» или «участки неопределенности» (В. Изер), предполагающие актуализацию креативных потенций элитарного читателя, способствуют воссозданию механизмов восприятия нарбутовских текстов.

Проблема рецепции творчества В. Нарбута

Лирику В. Нарбута, поэта-акмеиста первой трети XX века, можно отнести к маргинальной классике. Усложненность и семантическая закрытость его текстов – признаки элитарной поэзии – во многом определили его творческую судьбу. После Октябрьской революции 1917 года его поэзия оказывается на «обочине» формирующейся советской литературы, практически невостребованной современным читателем (книгу «Казненный Серафим» издать поэту так и не удалось), несмотря на то что сам автор не только разделял взгляды и идеалы большевизма, но и был активным членом РСДРП(б), организатором литературной деятельности в советских журналах и издательствах. Это связано с тем, что в 1920-е годы в Советской России появляется новый массовый читатель, не обладающий утонченным эстетическим вкусом и широкой культурной эрудицией. Именно этот фактор объясняет трагическую историю «расставания навсегда с поэзией», точнее с читательской аудиторией, бытовавшую среди ближайших друзей В. Нарбута. Симптоматична надпись, сделанная от руки поэтом поверх черновика:

Я хочу быть понят моей страной,
Не поймут меня, что ж...
По родной стране пройду стороной,
Как проходит косой дождь. (Нарбут, 1990, стр. 5)

Об этом свидетельствует и тот факт, что в 1923 году редакцией харьковского еженедельника «Календарь искусств», опубликовавшего стихотворение «Белье», было получено «несколько писем от читателей с просьбой разъяснить непонятные стихи» (Нарбут, 1990, стр. 38). В своем раздраженном и ироническом ответе В. Нарбут нарочито упрощает содержание стихотворения: «1) Распотрошеннное поместье гнездо – теперь совхоз, 2) Призрак феодализма

– глупый селезень... <...> Такова диалектика этого стихотворения. <...> Оно – более чем понятно и, пожалуй, даже примитивно. В. Нарбут» (Нарбут, 1990, стр. 38). Вместе с тем несовместимость мироощущения поэта с политикой нарастающего государственного культурного нигилизма привела к отстранению его от руководства издательствами и журналами, а в 1928 году – к исключению из партии. В 1936 году он был арестован и приговорен к пяти годам лишения свободы. В. Нарбут был реабилитирован посмертно в 1956 году, место его гибели неизвестно, даты смерти в справочниках разнятся.

В последние годы интерес к творческому наследию В. Нарбута неуклонно возрастает, однако современный читатель нередко сталкивается с затруднением в восприятии сложных текстов поэта. В качестве одного из ключей к пониманию его произведений выступает предметный код, поскольку для художественного мира «левого» адамиста характерен вещецентризм, обусловленный стремлением объяснить человеческую жизнь с помощью произведенных им объектов «второй природы».

В лирике В. Нарбута «экспансия вещей», с одной стороны, служит иллюстрацией акмеистских принципов деинерархизации в антологии художественных явлений и приятия их во «всей совокупности красот и безобразий» (Городецкий, 1997, стр. 205), с другой – формирует новую аксиологию быта как реальности, которая выступает в роли противовеса «виевскому» антимиру «лихих тварей». Такой баланс между бытом и бытием определяет смысловую многомерность большинства предметных образов, который выполняют бытописательную (натуралистическую), этнокультурную, мифопоэтическую и символическую (мифологическую, онтологическую, психологическую) функции.

Натуралистическая и этнокультурная функции

В ранних сборниках («В городе Глухове», «Вий», «Аллилуйя») удельный вес рукотворных объектов относительно невелик, преобладают образы деревенского мира. Вещи растворяются в природном универсуме, придают ему зримые, осязательные черты: «Камыш крупнитчато кистится...»; «Над топью обводя карниз. / А за карниром ноздреватым / Буреют шапки кочек...»; «Зернистый дождь по камышу / Покатых крыш застrekотал»; «Сафьяном золотеюще-лучистым / Закат, грустя, подернул тополя»; «Как в накаляемой печи, / В тиши лиловый воздух гас...»; «Запруду черными платами / мгла уж успела заволочь»; «Созвездья четкие сверкают / <...> И ожерелья их мигают...»; «И пены тающая шаль!»; «Деревня на пригорке – / В заплатанной сорочке...» (Нарбут, 1990, стр. 47; 67; 69; 70; 77; 83; 85).

Особую роль в формировании локуса избы / хаты играют прозаизмы, которыми насыщено лирическое повествование: «...из люльки, чуть распоротой / по шву на пузе...»; «...под лавкой да – в помойнице / болтается щуренок...»; «...ильт в кожурах на угреватых кирпичинах...»; «Стали более скри-

пливы / половицы, где порог...»; «...где скаты линий бодрых, – / замазала она <...> / все та же сволочь-ночь, квачом своим багровым»; «Отраву разложишь для мух да хлопушкой / велишь погонять их увесистой Дуне...»; «...над слизким, втоптанным в навоз корытом...»; «На мокрых плотных полках – скомканые груды / из праотцов, размякших, как гужи...» (Нарбут, 1990, стр. 94; 97; 102; 106; 144; 147). Намеренный уход от привычной «красивости» в ранней лирике В. Нарбута, протоколизм, интерес к отталкивающим подробностям жизненного уклада, взгляд на человека как на «разновидность зоологической породы» – все эти особенности идиостиля поэта позволили Е. Шамуриной определить его художественный метод как «почти передвижнический натурализм» (Нарбут, 1990, стр. 21). Национальный колорит передают многочисленные элементы интерьера и экстерьера, детали костюма, предметы бытования, а также своеобразный язык, рожденный на пересечении контрастных стилевых регистров: диалектной и региональной лексики («потылица», «вохра», «горшения», «услон», «яруга», «дежа»), украинизмов («макагон», «лежнюга», «цыбуля», «расчухмаривать», «порохня», «будяк», «щур»), славянизмов («житие», «агнец», «утроба», «поправ»), просторечья («сивуха», «шишига», «пояхряскивать», «обдернет»).

Нередко В. Нарбут создает иносказания, основанные на обыгрывании прямого и переносного значений украинских слов, обозначающих бытовые предметы. Так, в стихотворении «Пьяницы» автор употребляет украинизм «квач» (помазок): «...где скаты линий бодрых / замазала она, все та же стерва-ночь / все та же сволочь-ночь квачом своим багровым» (Нарбут, 1990, стр. 102). Антропоморфная метафора, порожденная уподоблением ночи маляру, растущевавшему («замазавшему») четкость линий, усложняется за счет актуализации иносказания – размазня (бесхарактерный человек). Таким образом, В. Нарбут обращается к приему буквальной реализации тропа: «стерва-ночь» размазала «скаты линий». В то же время в украинском языке есть поговорка «пьян, как квач», смысловой потенциал которой соотносится с лирическим сюжетом текста – изображением пьяного застолья. Контаминация фразеологического и лексического (прямого и переносного) значений в вещном образе отражает его способность аккумулировать коннотативные смыслы, которые определяют глубину и многослойность повествования. Принцип аналогий, сравнительно-сопоставительные и метафорические конструкции позволяют рассматривать будничные предметы в качестве кода, замещающего психологические и философские понятия.

В стихотворных очерках В. Нарбута, описывающих повседневную жизнь деревни («Клубника», «Архиерей», «Шахтер», «Чета» и др.), сфокусированность на вещном бытии раскрывает тему бессмысленного, исполненного скукой, существования: «Что делать на хуторе летом – в июне? / Отраву разложишь для мух да хлопушкой / велишь погонять их увесистой Дуне; / завяжешь в платочек (калекам) полушку» (Нарбут, 1990, стр. 106). Отношение к быту В. Нарбута исчерпывающее определил С. Городецкий: «Описывая украинский

мелкопоместный быт, уродство маленьких уютов, он не является простым реалистом. <...> от реалиста Вл. Нарбута отличает присутствие того химического синтеза, сплавляющего явление с поэтом» (Городецкий, 1997, стр. 206). Таким образом, с помощью нанизывания повторяющихся деталей-действий В. Нарбут презентует «экзистенциальные аспекты философии быта» (Кихней, 2014, стр. 177). Статичное пространство предметного мира напоминает театральные декорации, в которых внутреннюю неподвижность образов передают застывшие контуры. Закольцованным течению событий соответствуют фантасмагорическое, гротесковое взаимоотождествление человека и вещи («бременная» грыжей владелицу и ее дом «сугубо сцепили»), которое становится основой лирического сюжета.

Мифопоэтическая функция

Вещные образы в поэзии В. Нарбута могут выполнять мифопоэтическую функцию, являясь знаковым эквивалентом нечистой силы. Так, в стихотворении «Крепко ломит в пояснице...» «вихрастый веник» выступает в роли волшебного предмета и атрибута ведьмы: «И, схватив вихрастый веник, / на метлу да в печку – пырь...» (Нарбут, 1990, стр. 98). В третьем фрагменте цикла образ «вихрастой метлы» становится частью мифоритуальной метаморфозы: «...не сцепал ведьмы все равно: прикинется метлой вихрастой, / валяется бревном-бревно» (Нарбут, 1990, стр. 101). Фольклорный мотив превращения отражает народные поверья о способности живого существа изменять свой облик или ипостась. Трансформация субъекта в объект представляет собой реликт самых архаичных мировоззренческих установок. Повтор эпитета («вихрастый») и синонимического образа (метла – веник) не только скрепляют произведения, намечая макросюжет оборотничества, но и актуализирует мифологические отношения между двумя предметами, характерные для мифологической подмены. В то же время образ ведьмовской метлы восходит к повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством», фрагмент которой В. Нарбут использует в качестве эпиграфа к триптиху: «Летела возвращающаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила, куда нужно ведьма» (Нарбут, 1990, стр. 96). Обращение В. Нарбута к тексту писателя свидетельствует о следовании поэта-акмеиста традициям мистического романтизма, намеченным Н. Гоголем в русской литературе. Интертекстуальная связь цикла с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» актуализирует национальную идентификацию хронотопа, индуцирует причастность к миру украинской обрядовой культуры, фольклора и мифологии. Мотивы «того света» и «дива» являются ключевыми в «Лихой твари», восходят к гоголевскому тексту и опосредовано к языческим народным верованиям. Композиция повести «Ночь перед Рождеством» имитирует структуру малорусских «вечорниц», предлагающих рассказывание истории, которое прерывается песнями, шутками, сценками из народного быта (ссорами, драками, слухами). Повесть разделена на отдельные новеллы-

эпизоды, финал которых открыт и подразумевает продолжение. Подобные принципы архитектоники организуют цикл В. Нарбута. Сюжет триптиха основан на сочленении мотивов, которые образуют каркас, стягивающий фрагменты в единое целое: растление «верткой девки» – ее инициация и превращение в ведьму – месть новообращенной «лихой твари» картежникам, игрокам в «ведьму» – оборотничество, обретение магических способностей и колдовство. Лирическое повествование в стихотворениях цикла, так же, как и в повести Н. Гоголя, перемежается «вставными» сценками (ссора лесовика с тремя сестрами из «тухлых дупел», пересуды у колодца, случка лошадей в конюшне, карточная игра «в дураки» и «ведьму»). В. Нарбут также воспроизводит ситуацию многоголосия, характерную для «вечорницы», где органично слиты бытовое и сакральное, смешное и страшное. Обилие диалогов и апеллятивных конструкций в стихотворениях поэта сближают их с малыми жанрами украинского фольклора, которые основаны на театрализованных представлениях.

В стихотворении «Покойник» вещно-вещественные детали интерьера («выщербленный рукомойник», «продырявленное кресло»), портрета («в николаевской шинели с бобровым вылезшим воротником») и жестового поведения («щелкнет каблуками») акцентируют внимание на «домашнем» пространстве, позволяя поместить мистическое событие (явление душ усопших) в бытовой контекст, лишая сам образ инфернального ореола. Найденный утром «выцветший окольши» «от баринова картузса» служит предметным знаком, указывающим на реальность произошедшего.

Предметы повседневного обихода в лирике В. Нарбута включены в портретные описания персонажей низшей мифологии, играя роль своеобразных реалистических маркеров, стирающих границы между обыденным и фантастическим. Так, лесовик обут в «сырые онучи», от которых «воняет стойлом, ржавчиной болот» («Крепко ломит в пояснице...», Нарбут, 1990, стр. 96), домовой «обтирает тряпкой бороду», так как «кряхтел над сыровцом» («Нежить», Нарбут, 1990, стр. 94), колдун, «домосед и нетопырь», одет в «шубу», его сапоги «пахнут потом» («Колдун», Нарбут, 1990, стр. 186). Также выпукло и пластиично воссоздано жилище нечистой силы: на «вершняке» в избе колдуны «размалеван киноварью жгучей» «нахохлившийся петел», «тын» «ветх и дрябло-светел» («Осенняя сказка», Нарбут, 1990, стр. 121). Бытовые подробности, которые несут отпечаток личности хозяйки, переводят чудесное в сферу профанического.

Итак, «семантическое двоение» вещных образов в лирике В. Нарбута обусловлено их ролью в размывании границ между реальным и мистическим бытием: в первом случае художественные детали «отелеснивают», «оплотняют» невещественное пространство потустороннего мира, во втором – служат связующим звеном с запредельным.

Символико-мифологическая функция

В творчестве поэта-акмеиста некоторые вещи обретают статус лейтмотива. К таковым можно отнести образы колеса, посоха, жернова, веретена. Один из ключевых в лирике В. Нарбута – образ колеса, который связан с мотивом дороги: «В колее по оси увязая, / пьяное плетется колесо» (Нарбут, 1990, стр. 178). Пространственные перемещения сопряжены с движением времени, что позволяет отождествлять колесо с непрерывным циклическим развитием. Вместе с тем образ колеса во многих стихотворениях В. Нарбута в соответствии с мифологической традицией символизирует слепую фортуну, случай: «Но, перед Вечностью свершая танец, / стопой едва касаясь колеса, / Фортуна скажет...» (Нарбут, 1990, стр. 145). В противоположность этому в послереволюционной лирике поэта показана победа человека над имперсональной судьбой, ее обуздание: «И щедят золото часы, / песка накапливая конус <...> / чтоб на фортуны колесо / рабочий наметнулся ремень!» (Нарбут, 1990, стр. 216). Образ колеса по метонимическому принципу сближается с колесницей, которая ассоциируется с вращением небесных светил и солярным культом. Однако в поэзии В. Нарбута она вписана в контекст эсхатологических мотивов.

Образ жернова связан с топосом мельницы и наделяется комплексом ритуально-символических значений. В стихотворении «Укроп» жернов обладает инфернальной магической силой, которой пользуется «нежить» для превращения одного вещества в другое: «Под мельницей ворочает / колеса-жернова / мучарь да нежить прочая, / сама едва жива» (Нарбут, 1990, стр. 164). Языковая игра, основанная на сочетании тавтологии и оксиоморона, разрушает границы между живым и неживым. Метафорическое соответствие вращения мельницы кружению неподвижных звезд вокруг небесного полюса порождает тождество «жернова – вращающаяся вселенная», которое в стихотворение В. Нарбута «В эти дни», напротив, олицетворяет остановку времени и движение астральных тел: «и чуют дети, как гудит луна, / как жерновами стынущей планеты / перетирает копья тишина» (Нарбут, 1990, стр. 223). Темпоральная символика образа реализуется во взаимодействии с центральными категориями поэтической «онтологии» В. Нарбута – концептами «память» и «история»: «Но девятнадцать сотен тяжких лет / на память навалили жернова» (Нарбут, 1990, стр. 220).

В ряду осевых символов можно назвать образ веретена и связанные с ним мотивы ткачества, прядения: «Туманность поднималась осью, / Как с пряжею веретено», «Прядет дьячок сугубым ритмом / Из книги кожаной псалом» (Нарбут, 1990, стр. 124). Источником образа является античный миф о богине Ананке. В более поздних текстах В. Нарбута мифopoэтический образ становится парным элементом развернутого метафорического уподобления «веретено-время»: «И копит твое бессменное веретено / и нитки стройные, и ключья пакли. / Но вот запнулось, гулкое, оно: / ослабли руки, и глаза иссякли» (Нарбут, 1990, стр. 146). В большинстве стихотворений образ веретена наделя-

ется антропоморфными чертами («Оно и хило, и подслеповато: / вращающееся веретено» (Нарбут, 1990, стр. 148)) или замещается поэтическим эквивалентом – образом пряхи («Что же, старуха, колоду сдай, / брось туга на бездомную долю... <...> / Сдай, сдай, ленивая, сивая пряха!» (Нарбут, 1990, стр. 158)). Семантическое поле метафоры «веретено-время» порождает ряд ассоциантов: «веретено – жизнь» («Невесело греться на солнце, – / Когда уже жизнь веретенце / Денечков земных довила...» (Нарбут, 1990, стр. 126)), «веретено – движение» («Вдоль по дороге пыль промчалась, / как юркое веретено...» (Нарбут, 1990, стр. 134)), «веретено – телеологическая причина сущего» («Веретеном, капканами, гитарой... <...> / являет звезды, и века-татары / бредут передо мной и позади» (Нарбут, 1990, стр. 177)). Прялка как астральный символ отождествляется с актом творения Вселенной: «Смотри: стучи точеной палкой, / Кострикой по небу пыля, / Слепая ночь за синей прялкой / Разматывает тополя». Продуцирующая семантика основана на ассоциативном родстве ткачества с богиней плодородия – Великой Матерью. Вегетативные метафоры, актуализирующие синонимические отношения в парах «ночь – прялка», «тополя – нить», служат средством создания образа цельного мира. В то же время мотив прядения тесно связан с поминальным обрядом славян: «Смотри, смотри: все туже, туже / За нитью шелковая нить, / От млеющей пуховой стужи / Ни рук, ни ног не сохранить» (Нарбут, 1990, стр. 247). Образ нити соотносится с полотном, снежным покровом, «пуховой стужей», а ее обрыв персонифицирует релятивистское понимание фатума: «Как оборвется вдруг, шутя, / Шальное счастье мягкой грушей, / Слепой судьбу укоротя» (Нарбут, 1990, стр. 247).

В послеоктябрьских сборниках автор возвращает образу веретена узульное значение, помещая его в бытовое пространство: «Жужжит веретенце, кокон / наматывает рука... <...> Старуха в платке, горохом усыпанном, как во сне... / <...> Ты вспомнила, все что было, / над чем намело сугроб?» (Нарбут, 1990, стр. 211). Символический план образа вытекает из подтекста, однако остается неизменным мифологический фон (старуха, нить, течение времени). Вместе с тем в лирике В. Нарбута 1920-х годов веретено выступает в качестве символического аналога новой жизни, озаренной радостью труда и торжеством коллективного бытия: «...и будет петь веретено, / огнем труда окружено, / о человеческом содружестве» (Нарбут, 1990, стр. 213).

Смысловая многослойность вещного образа, обусловленная его мифологическим происхождением, является источником целой парадигмы «тканевых метафор»: «На омытую холодом ровным тропу / двое юношей выплыли, в снег опеленуты»; «Перед меркнущим взором его простыни...» (Нарбут, 1990, стр. 159). Образные параллели, группирующиеся вокруг опорных слов, обозначающих ткань, покрывало, простынь, построены на ассоциативном сходстве с одеждой для богослужений: «Покрыта светлой Божьей тканью, / Как ризой стразовой – вода...»; «И просто все: в вагоне простыня, / Мутящиеся щеки охладив, / Как плащаница пестует меня...»; «...как Лазарь, загнаны в простыни»

(Нарбут, 1990, стр. 57; 183; 201). Обожествление природного мира характерно для ранней лирики В. Нарбута, в поздней же – пелена отождествляются с саваном: «Тонкая, розой льнущая, ткань, / опеленав, уложила в длинный / ящик меня...»; «Фамильный склеп закроет скоро / Парчу и розовый глазет...»; «...сердцем ловлю / твои, распеленутая мумия, сетования...» (Нарбут, 1990, стр. 158; 124; 201). Образ плащаницы в стихотворениях нередко сопряжен с мотивами духовного сиротства, отчуждения от божьего Дома, которые трансформируются в танатологический мотив невозвратности детства: «Где детский похоронен человек» (Нарбут, 1990, стр. 184).

Образ веретена восходит и к сказочному сюжету о спящей / мертвой царевне, что продуцирует его связь с мотивом «укола» и образом иглы / булавки. Показательным в этом отношении является стихотворение В. Нарбута «Сириус». Метафорическая аналогия «звезда-булавка» вводит мотивы временной смерти, искупления вины и перерождения. Лирический герой, вызывая ассоциации с воскресшим Иисусом (сопоставление ткани, в которую он «опеленут», с розой восходит к образу «белого венчика из роз» из поэмы А. Блока «Двенадцать»), является одновременно убийцей «зимнего ангела». Лиминальное положение субъекта между временной смертью и новым рождением не может быть сведено только к евангельскому сюжету воскрешения, его подтекстовый план гораздо глубже, архаичнее, а мотив убийства / самоубийства порождает систему лирических двойников (падший ангел – Христос – лирический герой – «зимний ангел» – звезда). На возможность проведения последней параллели указывает раннее стихотворение В. Нарбута, где связь ангела и звезды усиливает мотив ткачества: «И ангелов лучистый хор... / У каждого звезда. Взирая, / на землю, ткут они ковер» (Нарбут, 1990, стр. 77). Искупительная жертва оказывается мнимой, «ангельской», божественная ипостась лирического героя трансформируется в богоchorическую, мятеjnую, мотив игры с судьбой становится определяющим. Бунт против всевлости «сивой пряхи» оборачивается ритуальным контактом с нею: «В двадцать одно сыграем-ка, / Сдай...» (Нарбут, 1990, стр. 158). Сюжет стихотворения носит реверсивный характер: смерть лирического героя и «зимнего ангела» взаимообратимы, неслучайно танатологический мотив и обращение к старухе, прядущей нить, звучит в стихотворении дважды – в начале и конце текста – и закольцовывает композицию.

Символико-онтологическая функция

Бытовые предметы в художественном мире В. Нарбута выполняют символическую функцию – служат проводником общих и абстрактных понятий. Медиативная роль быта в поэтической онтологии, позволяющая через конкретно-вещественное раскрыть сущность метафизических феноменов, порождает особую компаративно-метафорическую систему, в которой будничные вещи выступают в качестве означающего. Так, в стихотворении

«Горшечник» гончарные изделия наделены антропоморфными свойствами, родо-половой принадлежностью и характером, что соответствует народным поверьям: «С некоторой претензией на вазы / (...если б круглый низ не выдавал обжоры...), / к молодицам в гости едут долговязы...» (Нарбут, 1990, стр. 104). Авторская ирония, выраженная парентезой, служит средством индивидуализации образа. Выбор темы стихотворения мотивирован историко-биографическим фактом: родной город поэта Глухов считался одним из центров гончарного мастерства. Между тем в свадебном обряде славян горшок – один из самых ритуализированных предметов домашней утвари – уподобляется свату или жениху. В стихотворении В. Нарбута именно этот мотив получает сюжетное развитие.

«Горшки» представляют собой классический образец вещного символа, теорию которого разрабатывали акмеисты. В тексте В. Нарбута показана первоначальная нераздельность, спаянность бытового и сакрального. Аналог подобного единства О. Мандельштам обнаруживает в античности: «Эллинизм – это сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечение окружающего мира, согревание его тончайшим телеологическим теплом» (Мандельштам, 1987, стр. 64). Подобное мировидение восходит к народным представлениям, согласно которым судьба горшка и человека отождествляется.

Семантизации образа способствует реминисцентный фон произведения. Помимо очевидной связи с обрядовым фольклором и повестью Н. Гоголя «Сорочинская ярмарка», отсылка к которой содержится в эпиграфе, произведение В. Нарбута содержит ряд сюжетных и образных параллелей со стихотворением С. Городецкого «Горшения», написанным в том же 1912 году, а также перекликается с аллегорической басней Г. Сковороды «Старуха и Горшечник». Если типологическое родство двух стихотворений собратьев по «Цеху поэтов» лежит на поверхности и объясняется во многом наличием общего источника – славянского фольклора, то сходство произведения В. Нарбута с сочинением украинского философа имеет глубинную природу. Образ «звонкого верзилы» в тексте В. Нарбута восходит к разговору Старухи и Горшечника в одноименной басне. В основе диалога лежит иносказание: ценность бытовой посуды, по утверждению Горшечника, определяется ее способностью быть «звонкой», а не внешними декоративными достоинствами: «– У нас, бабка, – сказал мастер, – не глазами выбирают: мы испытываем, чисто ли звенит» (Сковорода, 1972, стр. 102). Автор басни проводит аналогию между «чистым звоном» горшка и «чистым сердцем» человека: «Чистое и независтное сердце, милосердное, терпеливое, куражное, прозорливое,держанное, мирное, верующее в бога и уповающее на него во всем – вот чистый звон и честная душа нашей цепи!» (Сковорода, 1972, стр. 103). В свою очередь, Г. Сковорода в качестве аргумента приводит цитату из новозаветных Посланий апостола Павла («к Тимофею», «к римлянам»): «Вспоминает и сосуд избранный Павел о сосудах честных и бесчестных» (Сковорода, 1972, стр. 103). Притчеобразный характер басни

русского мыслителя, к которой обращается В. Нарбут, актуализирует аллегорический план стихотворения. Поэт через предмет повседневной действительности воплощает метафизическую идею подлинной душевной красоты.

В стихотворении «Столяр» предметный образ («для старого Евангелья футляр») представляет собой онтологическую корреляцию божественного и человеческого, живого и неживого, творческой энергией субъекта и преобразованного ею объекта. В. Нарбут создает свою концепцию творчества, которая соотносится с эстетикой акмеизма. Он понимает поэзию как мастерство, ремесло, труд:

Визжит пила уверенно и резко,
рубанок выпирает завитки,
и неглубоким желобком стамеска
черпает ствол и хрупкие суки. (Нарбут, 1990, стр. 155)

Автор в деталях воспроизводит процесс создания «из клена и сосны» футляра для Евангелия, подчеркивая органическую природу творчества: «и половинки переплет сомкнули / с колосьями не из родных полей» (Нарбут, 1990, стр. 155). Образ колосьев «не из родных полей» может быть истолкован и как знак Града Божьего, горнего мира, ниспославшего высшую мудрость (сочинение Августина Блаженного), и как символ творчества, объединяющего различные эпохи, культуры и смыслы, и как метафора, указывающая на таинство рождения предмета. Метаморфичность образа, его гибридность растушевывает границы между рукотворным, искусственным и первоначальным, естественным, смыкая интенсивное, свернутое пространство Священного Писания с экстенсивным, открытым пространством природного универсума, которые в творческой интерпретации В. Нарбута предстают как равновеликие. Растительную сущность поэзии акцентирует и А. Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора / растут стихи, не ведая стыда...» (Ахматова, 1989, стр. 112). Превращение древесной плоти в произведение искусства происходит при посредничестве столяра. Мотив обработки материи является сюжетообразующим в стихотворении О. Мандельштама «Адмиралтейство». Однако если в тексте О. Мандельштама человеческий гений, его созидательный разум противостоят иррациональной «прихоти полубога», то в произведении В. Нарбута творчество сопряжено с божественной волей и благодатью, а сам столяр сопоставляется с апостолом. Композиционно стихотворение разделено на две части: в первой показана преображающая «работа столяра», во втором – «господень труд». В креативном акте человек становится равен Богу, а создание вещи тождественно сотворению мира: «Не ты ль приветствуешь гоподень труд, / не от тебя ли тут благоуханно, / и мнится: злаки щедрые растут?» (Нарбут, 1990, стр. 155). Неслучайно роль одухотворенной материи играет футляр для Евангелия, таким образом автор вводит мотив божественной помощи. Стихотворение В. Нарбута пронизано библейскими ассоциациями: мотив чуда, явленного в обыденных вещах и преображающего их, воплощен в образе манны небесной: «В засиженные мухами окошки /

проходит пыльными столбами свет, / осенний день через голубое сито / просеивает легкую муку. <...> О светлая, рассыпчатая манна!» (Нарбут, 1990, стр. 155). В тексте поэта под «манной» можно понимать и волшебство осеннего дня, чей свет превращает пыль в божественную пищу, и магию благословленного творчества. В финальных строках реминисценция, которая отсылает к библейской и евангельской легенде, сплетает мотивы богоизбранности и преображения: «– Их пучок разросся / цветеньем Ааронова жезла!» (Нарбут, 1990, стр. 155). Поэт, объединяя ветхо- и новозаветные контексты, раскрывает тему творчества, понимаемого как просветление, неоплодотворенное плодоношение.

Символико-психологическая функция

Символико-психологическая функция бытовых предметов заключается в их возможности кодировать переживания субъекта. В лирике В. Нарбута вещная деталь становится «консервантом» «бродячей памяти». Так, в стихотворении «Вдовец» качели («гонкая доска») в «скрипучих липах» воскрешают детские годы и юношеские мечты героя: «Колени заостри и – полетели, / нацеливаясь в облака» (Нарбут, 1990, стр. 154). Полет на качелях не только вызывает череду воспоминаний, но и заставляет персонажа ностальгировать по неосуществившемуся будущему: «Все туже шла эфирная стезя, / и все нахальнее метался красный / газ пред лицом.../ Но слишком дерзостен был и восторжен / полет...» (Нарбут, 1990, стр. 154). Сюжет стихотворения основан на воспроизведении метонимического и ассоциативного механизмов мнемоники: всплытие одной детали в памяти влечет за собой развернутое представление о пережитом. Конфликт между прошлым и настоящим, несбышившимися мечтами («тюленями-облаками») и обыденной жизнью реализуется посредством композиционной антitezы: вторая часть стихотворения раскрывает тему повседневной скуки: «И только клуб да преферанс остался, / да после клуба, дома Отче наш, / да целый день мотив усталый вальса, / да скука, да стихи, да карандаш...» (Нарбут, 1990, стр. 154). Автор обращается к кумулятивному рядоположению внешне самостоятельных, но внутренне семантически тождественных образов вещного мира, объединенных акцентированной сочинительной связью. Нарочитый повтор союза «да» подчеркивает однообразие каждого дня существования. В стихотворном рассказе «Подкатил к селу осенний праздник...» детальное воссоздания быта сельского священника служит контрастным фоном для внезапного осознания близости смерти: «Не за садом, тихим и приветным, / Золотом окрапанным, – а в доме / Поселилась смерть...» (Нарбут, 1990, стр. 138). Сцена разговора между попом и его женой о насущных житейских хлопотах («Подрясник / Хоть чуть-чуть почистил бы от воску», «Матушка, нельзя ли будет ваты / Раздобыть у вас: поскресть бы полы...» (Нарбут, 1990, стр. 137)) раскрывает тему абсурда упорядоченной жизни, которая сопряжена с особым изображением реальности, мгновенно превращающейся в фантасмагорию: «И стрелой нездешнею пронзенный /

Убиенный духом голубиным, / Ясно понял поп, что непреклонный / Лютый призрак – здесь, а не за тыном!» (Нарбут, 1990, стр. 138). Однако именно повседневный ритуал (чаепитие) становится способом защиты, борьбы с безумием соприсутствующего небытия: «А когда прислуга притащила / С талиею низкою и узкой / Грязный звучный самовар – уныло / Пили долго-долго чай вприску» (Нарбут, 1990, стр. 138).

Приемы реализация вещного кода

В послеоктябрьских сборниках («Александра Павловна», «Спираль», «В огненных столбах», «Казненный Серафим», «Косой дождь») бытовые предметы становятся частью развернутых метафор, которые чаще всего выполняют сюжетообразующую функцию. Опорными словами тропов становятся различные предметные обозначения. Уподобление абстрактных понятий вещи порой приводит к сближению метафоры с аллегорией. Так, в стихотворении «Вечер» подразумеваемый смысловой ряд «бытовой» метафоры раскрыт достаточно прямолинейно: «Хорошо быть в канделябрах доброй / Свечке – ну, а как стеречь гробы!» (Нарбут, 1990, стр. 190). Сопряжение двух планов настолько явно (свеча в канделябре – счастливый человек), что заставляет образ балансировать между развернутой метафорой и аллегорией, такое же пограничное положение занимают и другие аналогии: «курятник» – жизнь человека («От Адама повелся курятник, – / Сашенька, и мы ль не так живем?» (Нарбут, 1990, стр. 190)), «птичья клетка» – «дедовая и внуковая судьба», «фонарь факира» – вера, «факир» – Бог, который «в нашей клетке нас благословлял...» (Нарбут, 1990, стр. 190). В послеоктябрьской лирике бытовые детали нередко выступают в роли аллегорических эквивалентов социального статуса или рода деятельности, превращаясь в эмблемы: «стоят мужик и рабочий. / И этот – в дырявой блузе, / и тот – в лаптях и ряднине...» (Нарбут, 1990, стр. 209).

Вещные образы в лирике В. Нарбута нередко наделяются зооморфными чертами, что обусловлено синкетизмом художественного мышления: «Жабий бородавчатый погост...»; «...утенка гадкого (твой туфель лаковый)...»; «Плакучий зонт похож на мышь летучую...»; «В высоких сапогах, как хобот...»; «И мыло (синью – в стрекозу)...»; «По косогору на паучьих лапах – / Чахоточные ветряки» (Нарбут, 1990, стр. 178; 182; 235; 250; 258). Принцип «живого равновесия» – способ воплощения авторской концепции о единой сущности человеческого и предметного бытия – выражается в преобладании олицетворений: «Трамваи чешут свой канат»; «Прищуренное (не со страху ли?) / Окошко проследило...»; «Пьяное плется колесо»; «...застужено / Прищуренное у ворот / куриное окно»; «Льняные льнула-льнули облака. / Их пушка выстирала, их несло...»; «Поправил заботливо заспанный галстук...»; «У иконостаса свечи плачут, / Слезы на подсвечник каплют»; «Обои странные – в тоске...» (Нарбут, 1990, стр. 234; 199; 178; 186; 245; 258; 293; 294). Изоморфизм художественного мира В. Нарбута реализуется в переходной разновидности метафо-

рического сравнения, основанного на сращении компаративных планов: «комод-кабан», «горбунья-хата», «кора-струпья».

Интерес к вещественной сфере проявляется в активном использовании малопродуктивных (или окказиональных) глаголов и их форм, образованных от имен существительных с конкретным значением, что становится приметой идиостиля поэта: «кустится», «кистится», «паутинит», «чешуится», «иглится», «утучнив» и др. Многие предметные образы входят в состав тропов на основании звукового подобия («Сатана в сатине», «герани без гарантий», «ахает папаха, как Махно», «в ликере липовом ландо»), что способствует актуализации связей между удаленных друг от друга в смысловом плане объектов.

Бытовые ситуации могут не только стать основой развернутого тропа, но и лирического сюжета в целом. Так, в стихотворении «Белье» стирка в «эмалированном тазу» «панталонов» означает обновление мира, «развороженного помещичьего гнезда» (как комментировал сам В. Нарбут), а лирическое событие построено на обыгрывании семантических связей в паронимической паре «былье / белье». Синтаксический параллелизм в финальных строках позволяет отождествить «глянцевый таз» с «погребальным мрамором».

Авторское сознание, осмысливающее рутинную повторяемость бытия, реализует себя в соответствующей художественной форме. В. Нарбут намеренно «огрубляет» реалии провинциального быта, расценивая их как производные земной / земляной стихии. Как отмечает О. Лекманов, «традиционная поэтическая периферия была выбрана центром новой “предакмеистической” картины мира» (Лекманов, 2000, стр. 34). Отказ от «гладкописи» в изображении «домашнего» пространства, его дикрипция и гротескная статика находят свое художественное воплощение в особом синтаксисе, отличающемся «грузной гармонией» и «переусложненностью стиха» (Тименчик, 1988, стр. 159). Необработанность речевого потока, допускаемые логические и грамматические сбои, многочисленные анжамбеманы приводят к смысловым неясностям, затрудняющим восприятие поэтического текста. Ограниченнная, убогая жизнь укорененного, погрузившегося в быт существа подчеркнута акустическим диссонансом, основанного на повторе звуковых комбинаций.

Неблагозвучие усиливает сближение слов, различных по значению, но схожих по фонетическому облику («щур – пращур – ящур»), тем самым актуализируя смысловые связи в парономазийном сочетании: щур (крыса) – пращур (предок / домовой / отец семейства) – болезнь. Прозаизации стиха способствуют использование бесцезурного 6-стопного ямба, отсутствие опорных акцентов, а также отказ от традиционного графического выделения стихотворных строк. Лексическая, синтаксическая, фонетическая и ритмическая затрудненность поэтической речи в лирике В. Нарбута служит средством имитации народного говора, с одной стороны, а также передает «грубейший материализм» хуторского быта.

Особенности изображения вещного мира в лирике В. Нарбута определяются двумя противоположными тенденциями: депоэтизацией традиционных

(клишированных) образов посредством сочетания их с периферийными для поэзии объектами или наделения натуралистическими свойствами («парус, словно вымя», «воском заплеванный подсвечник», «вялое монисто», «червивый филодендрон») и поэтизацией быта: «Несложное хозяйство – совершенно: / Топор остыл и прикорнул к пиле» (Нарбут, 1990, стр. 195).

Заключение

Вещь является одной из основных ценностных категорий в творчестве В. Нарбута. Предметы в его лирике обретают феноменологический статус, выступая в качестве репрезентантов земного бытия. В ранних книгах стихов («Вий», «В городе Глухов») вещные образы воспроизводят особенности мало-российского хуторского быта, выполняя натуралистическую и этнокультурные функции. Вместе с тем бытовые детали воплощают рутинную «дурную» повторяемость, заложенную в основе повседневной жизни, тем самым поднимая тему бессмысленного в экзистенциальном плане существования. В акмеистских сборниках «Аллилуя» и «Плоть» артефакты оказываются связующим звеном между реальным и мифологическим измерениями, между культурными пространствами и различными эпохами, а также способствуют «настройке» лирического фокуса на эоническое мировидение.

Предметность художественного мышления поэта-акмеиста отличается соразмерностью, равновесием между одушевленным и неодушевленным, внешним и внутренним, конкретно-бытовым и символическим. Бытописательная и натурфилософская семантика предметных образов в ранней лирике сменяется их мифологизацией и онтологизацией в более поздней. В послеоктябрьских книгах («Казненный Серафим», «Сpirаль») «развоплощенность» вещи приводит к формированию метафорического сюжета, в котором предметы быта играют структурообразующую роль, что обусловлено трансформацией акмеистской модели мира.

Особенности изображения вещного мира в творчестве В. Нарбута определяются двумя противоположными тенденциями: поэтизацией быта и деэстетизацией традиционных (клишированных) образов посредством сочетания их с периферийными для лирики объектами или наделения натуралистическими свойствами.

Список литературы

- Iser, W. (1978). *The Act of Reading*. Johns Hopkins University Press. doi: 10.56021/9780801821011
- Ахматова, А. А. (1989). Стихи и проза. Искусство.
- Барт, Р. (1989). Удовольствие от текста. В Избранные работы: Семиотика. Поэтика (сс. 462–518). Прогресс.

- Брыксина, И. Е., & Суханова, Н. И. (2014). Лингвокультурный код как совокупность знаний о культуре языковой общности. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (6–2), 34–36.
- Гадамер Х.-Г. (1988). *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. Прогресс.
- Городецкий, С. (1997). Некоторые течения в современной русской поэзии. В *Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары* (сс. 202–207) Московский рабочий.
- Гущина, К. Н. (2018). *Поэтика творчества В. Нарбута в контексте эстетических исследований акмеизма* (Кандидат наук). Волгоград.
- Изер, В. (1997). Вымыслообразующие акты. Главы из книги «Вымыщенное и воображаемое: Набросок литературной антропологии». *Новое литературное обозрение*, (27), 23–41.
- Ингарден, Р. (1962). *Исследования по эстетике*. Издательство иностранной литературы.
- Карабущенко, П. Л. (2023). Элитология творчества: концепт сотворения блага. *Вопросы элитологии*, 4(1), 49–66, doi: 10.46539/elit.v4i1.139
- Кихней, Л. Г. (2014). Концепция быта как бытия в картине мира и поэтике акмеистов. В А. Граф (Ред.), *Poetik des Alltags Russische Literatur im 18–21 Jahrhundert*. [Поэтика быта: Русская литература XVIII–XXI веков] (сс. 171–181). Herbert Utz Verlag.
- Кравченко, А. В. (2001). *Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка*. ОАО «Иркутская областная типография» № 1.
- Левин, Ю. И., Сегал, Д. М., Тименчик, Р. Д., Топоров, В. Н., & Цивьян, Т. В. (1974). Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма. *Russian Literature*, 3(2–3), 47–82. doi: 10.1016/S0304-3479(74)80004-9
- Лекманов, О. А. (2000). *Книга об акмеизме и другие работы*. Водолей.
- Лотман, Ю. М. (2010). *Семиосфера. «Искусство–СПБ»*.
- Мандельштам, О. Э. (1987). *Слово и культура*. Советский писатель.
- Нарбут, В. И. (1990). *Стихотворения*. Современник.
- Потебня, А. А. (1989). *Слово и миф*. Правда.
- Роднянская, И. (1989). *Художник в поисках истины*. Современник.
- Сковорода, Г. (1973). *Сочинения в двух томах* (Т.1). Мысль.
- Тименчик, Р. Д. (1988). В.И. Нарбут (К 100-летию Нарбута). В *Памятные книжные даты* (сс. 159–162). Книга.
- Топоров, В. Н. (1995). *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. Издательская группа «Прогресс»– «Культура».
- Хайдеггер, М. (1991). *Разговор на проселочной дороге*. Высшая школа.
- Якобсон, Р. О. (1985). *Избранные работы*. Прогресс.

References

- Akhmatova, A. A. (1989). *Poems and prose. Art* (In Russian).
- Barthes, R. (1989). The pleasure of the text. In *Selected works: Semiotics. Poetics* (pp. 462–518). Progress (In Russian).

- Bryksina, I. E., & Sukhanova, N. I. (2014). Linguocultural code as a body of knowledge about the culture of a linguistic community. *Philological sciences. Issues in theory and practice*, (6-2), 34-36 (In Russian).
- Gadamer X.-G. (1988). *Truth and method. Foundations of philosophical hermeneutics*. Progress (In Russian).
- Gorodetsky, S. (1997). Some currents in contemporary Russian poetry. In *Anthology of acmeism: Poems. Manifestos. Articles. Notes. Memoirs* (pp. 202-207) Moscow Worker (In Russian).
- Gushchina, K. N. (2018). Poetics of V. Narbut's work in the context of aesthetic quests of acmeism (PhD). Volgograd (In Russian).
- Heidegger, M. (1991). *A conversation on a country road*. Higher School (In Russian).
- Ingarden, R. (1962). *Studies in aesthetics*. Foreign Literature Publishers (In Russian).
- Iser, V. (1997). Fiction-forming acts. Chapters from the book "Fictional and Imaginary: Sketch of Literary Anthropology". *New Literary Review*, (27), 23-41 (In Russian).
- Iser, W. (1978). *The Act of Reading*. Johns Hopkins University Press. doi: 10.56021/9780801821011
- Jacobson, R. O. (1985). Selected works. Progress (In Russian).
- Karabushchenko, P. L. (2023). Elitology of creativity: the concept of creation of the good. *Issues in Elitology*, 4(1), 49-66, doi: 10.46539/elit.v4i1.139 (In Russian).
- Kihnay, L. G. (2014). The concept of everyday life as being in the world picture and poetics of the Acmeists. In A. Graf (Ed.), *Poetik des Alltags Russische Literatur im 18-21 Jahrhundert. [Poetics of everyday life: Russian literature of the eighteenth through twenty-first centuries]* (pp. 171-181). Herbert Utz Verlag. (In Russian).
- Kravchenko, A. V. (2001). *Sign, meaning, knowledge. Sketch of cognitive philosophy of language*. OAO Irkutsk Regional Typography No. 1. (In Russian).
- Lekmanov, O. A. (2000). *A book on acmeism and other works*. Aquarius (In Russian).
- Levin, Y. I., Segal, D. M., Timenchik, R. D., Toporov, V. N., & Tsivyan, T. V. (1974). Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm. *Russian Literature*, 3(2-3), 47-82. doi: 10.1016/S0304-3479(74)80004-9 (In Russian).
- Lotman, Y. M. (2010). *Semiosphere. "Art-SPB"* (In Russian).
- Mandelstam, O. E. (1987). *Word and culture*. Soviet Writer (In Russian).
- Narbut, V. I. (1990). *Poems*. Sovremennik (In Russian).
- Potebnya, A. A. (1989). *Word and myth*. Pravda (In Russian).
- Rodnyanskaya, I. (1989). *The artist in search of truth*. Sovremennik (In Russian).
- Skovoroda, G. (1973). *Works in two volumes* (Vol. 1). Mysl (In Russian).
- Timenchik, R. D. (1988). V.I. Narbut (To the 100th anniversary of Narbut). In *Memorable book dates* (pp. 159-162). Book.
- Toporov, V. N. (1995). *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected*. Publishing group "Progress"- "Culture" (In Russian).

Modern Elitology of Education: Elite vs Elitists? - Review of Kryshtanovskaya O.V., & Lavrova I.A. (2023) Higher Education in Russia: Elite vs Elitists?. World of Russia 32(4), 138-159

Ravil G. Rezakov

Moscow City University" Moscow, Russia

E-mail: rezakovr[at]mgpu.ru ORCID: 0000-0002-2812-5652

Abstract

Peer-reviewed paper is a deep sociological study devoted to analysis of modern Russian elite education. The main aim of the study is the title of the subheading: «elite vs elitists?». Authors note importance of second higher education in specialized RANEPA's programmes for modern Russian political establishment. RANEPA has become analogous to western elite universities (Ivy League), which specialize in the production of the political elite of their countries. In modern Russia RANEPA has been the main high educational organization for training officials for more than dozen years. The authors notice that in recent times, military and specialized universities and colleges had begun to play a significant role in the political elite. They actually became a social lift through a three-stage system of higher military education. It is connected with increasing the prestige of the military profession. Traditions of Czarist-era and Soviet times' military education allow forming a special type of political and administrative elite. In the review we will try to answer the question «elite vs elitists?» recognizing that it is of fundamental importance to the elite of education.

Keywords

Elite; elitists; elitology of education; stuff; personnel policy; patron-client relationships; RANEPA.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

Современная элитология образования: элитное vs элитарное? – Рецензия на статью О.В. Крыштановской & И. А. Лавровой (2023) «Высшее образование в России: элитное vs элитарное?» *Мир России*, 32(4), 138–159.

Резаков Равиль Гарифович

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: rezakovr[at]mgpu.ru ORCID: 0000-0002-2812-5652

Аннотация

Рецензуемая работа представляет собой глубокое социологическое исследование посвященное анализу состояния современного российского элитного образования. Основной целью данного исследования является вынесенный в ее название подзаголовок: «элитное vs элитарное?». Авторами отмечается важность для современного российского политического истеблишмента, получение второго высшего образования по специализированным программам РАНХиГС. Данное учебное заведение стало аналогом западных элитарных вузов, которые специализируются на производстве политической элиты своих стран. В современной России РАНХиГС на протяжении уже не одного десятилетия выполняет роль «кузница чиновничих кадров». Вместе с тем авторы справедливо отмечают, что в последнее время значительную роль стали играть военные и специальные вузы и училища при кооптации в политическую элиту. Они фактически стали выполнять роль социального лифта через трехступенчатую систему высшего военного образования. Усиление роли военной элиты связана с усилением престижности профессии военного. Заложенные в военном образовании еще с царских и советских времен традиции, позволяют формировать особый тип политico-административной элиты. В рецензии мы сами постараемся ответить на вопрос «элитное vs элитарное?», признавая, что он носит принципиальное важное для элитологии образования значение.

Ключевые слова

Элита; элитология образования; элитное; элитарное; кадры; кадровая политика; патрон-клиентские отношения; РАНХиГС.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](#)

Сущность высшего образования в России определяется большим количеством факторов, и исследование этого уровня в рамках вопроса подготовки управленческой и политической элиты представляет несомненный интерес. Тем более, что авторы рецензируемой статьи провели квалифицированное исследование образовательного ценза, существующего в нынешнем политическом истеблишменте, и на основании этого рассмотрели вопрос о влиянии на его подготовку наличия в системе высшего образования не только элитирующих составляющих, но и ряда других аспектов. Вызывает интерес позиция авторов о необходимости создания меритократического механизма отбора претендентов на должности в высшие государственные, законодательные и исполнительные органы, в котором (механизме отбора) немаловажную роль будут играть первоклассные университеты.

Логика статьи построена следующим образом – первоначально рассматриваются различные рейтинги университетов, и на основании ряда факторов выстраивается список вузов, которые можно отнести к элитным по качеству образования и предлагаемым возможностям. Следующим шагом отбирается список вузов, которые окончили акторы (всего 885 человек), занимающие высокие государственные посты. Затем на основании образовательной траектории этих акторов и списка лучших вузов (авторы статьи считают, что список лучших вузов может быть значительно расширен), определяют влияние полученного высшего образования на политическую карьеру.

За последние годы в отношении определения понятий «элитное образование» и «элитарное образование» научное сообщество, в целом, пришло к согласованному мнению, и авторы статьи также придерживаются принятых определений, но на наш взгляд, здесь можно высказать небольшое замечание, которое в целом не меняет сущности позиций, высказанных в данной статье.

Так, ссылаясь в своем исследовании на труды основателя российской и элитологии Геннадия Константиновича Ашина, авторы правильно трактуют данное им определение понятия «элитное образование». Однако относительно определения понятия «элитарное образование», позиция, которая берется авторами статьи за основу для трактовки элитарного образования в России, не совсем корректна. Профессором Г.К. Ашиным это определениедается относительно обучающихся в зарубежных элитных университетах, и имеет отдаленное отношение к статуту сегодняшних российских высших учебных заведений. Но, определяя пороки элитарного образования, Г.К. Ашин отмечал, что недостатки этого явления, к сожалению, имеют место быть в нашей российской действительности среди элиты «демократических» чиновников и бизнес-элиты. (Ашин, 2010)

Авторы статьи изначально приняли позицию – элитарное образование, эта та часть высшего образования, которая готовит элиту, исходя из того, что элитное не равно элитарному. Данное утверждение вызывает сомнение.

Необходимо отметить корректную и профессиональную оценку авторами статьи факторов отбора списка лучших вузов России, с которой мы полностью

согласны. Помимо наличия научных и высокопрофессиональных профессорско-преподавательских кадров, здесь и учет местоположения вузов, и влияние высоких баллов ЕГЭ на престижность университетов, и роль коммерческой составляющей (плата за обучение), а так же и направленность подготовки специалистов.

Переходя к анализу вузов, которые закончили акторы исследования, на наш взгляд, именно здесь авторы отошли от важной особенности своего исследования по корреляции между ролью, которую занимают акторы в политическом истеблишменте и полученном ими образовании. Данный вывод сделан, исходя из того, что вузы, признанные в международных рейтингах, не влияют на качество подготовки управленческой элиты в России. Это отмечают сами авторы статьи «...из 12 самых популярных у элиты вузов только три (МГУ, СПбГУ и МГИМО) совпадают со списком элитных; остальные не отличаются уникальными показателями ни по месту в международных и российских рейтингах, ни по высокому проходному баллу, ни по стоимости обучения» (Крыштановской, & Лаврова, 2023, стр.149). То есть, говорить о том, что элитарные вузы готовят управленческую элиту, не в полной мере соответствует действительности.

Также авторы отмечают особенность неоднородности образовательных траекторий между бюрократией и региональной электорократией, что, по их мнению, свидетельствует о неравноценности исполнительной и законодательной ветвей власти, в которой первая превалирует, а вторая играет подчиненную роль.

Представляет несомненный интерес и еще одна особенность, отмеченная авторами статьи, это возрождение патрон-клиентских отношений, которые были характерны для Российской империи, начиная с середины XIX века в период формирования бюрократии (в хорошем смысле), способствующих расширению качественных управленческих практик. В настоящее время патрон-клиентские отношения напрямую соединяют управленческую элиту с подготовкой единомышленников в высших элитных учебных учреждениях, а также корпоративных университетах. Авторы статьи выявили, что такого рода неформальные связи, сформированные в университетской среде, пронизывают значительную часть нашего истеблишмента.

Представляет интерес, отмеченная авторами важность для политического истеблишмента, получение второго высшего образования по специализированным программам РАНХиГС. Данное учебное заведение, не являясь ведущим по качеству образования, тем не менее, играет существенную роль в формировании российской элиты.

В статье делается акцент на значительную роль в последнее время военных и специальных вузов и училищ при кооптации в политическую элиту. Здесь и роль социального лифта через трехступенчатую систему высшего военного образования, и умение четко и строго выполнять приказы, и предан-

ность Отчизне и долгу, что способствует выполнению основной задачи по подготовке специалистов для государственной службы.

Существенным достижением данного исследования является постановка проблемных вопросов: почему система подготовки управленческих кадров высшего звена, сложившаяся в России сегодня, антиэлитна. И почему государство, имея безграничные возможности выбора, не востребует выпускников лучших университетов, которые имели высшие баллы при поступлении на самые значимые направления подготовки, которыми гордится страна.

С этим можно согласиться, если опираться на позицию, что возрастание роли элит в обществе направлено на благо народа и государства. Но мы имеем и исторические факты, когда политические элиты принимают решения, изменяющие и ухудшающие жизнь миллионов людей. Яркий пример – Беловежские соглашения.

Таким образом, в порядке пожеланий, помимо более глубокого исследования, почему элитарии редко получают элитное образование, и предполагаемого исследования подготовки элит через систему закрытых институтов образования, более широко исследовать меритократические механизмы воспроизводства представителей системы власти. Как добиться того, чтобы элиты были людьми чести и совести и выражали интересы народных масс, и чтобы это было для них приоритетом.

Пожелания ни в коей мере не умаляют профессионализма авторов и достоинств представленной ими статьи «Высшее образование в России: элитное vs элитарное?»

Список литературы

- Ашин Г.К. (2010) Элитология: история, теория, современность. МГИМО (У).
- Крыштановской О.В., & Лаврова И. (2023) «Высшее образование в России: элитное vs элитарное?» Мир России. 32(4), 138-159. doi: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-138-159

References

- Ashin, G.K. (2010) *Elitology: history, theory, modernity*. MGIMO (U), 600. (in Russian).
- Kryshchanovskaya, O.V., & Lavrova, I.A. (2023) “Higher education in Russia: elite vs elitist?”. *World of Russia*, 32(4), 138-159. doi: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-138-159 . (in Russian).

The Social Space of a Nomadic Society: Theoretical and Methodological Aspects of the Functioning Of Elites. (Review: K. Dashkovsky (Eds) (2015) "Elite on the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia: a Collective Monograph. Publishing House Of The ASU, 330 P."

Arushan A. Vartumyan

Pyatigorsk Institute (branch) North Caucasus Federal University, Pyatigorsk, Russia

E-mail: pragpu[at]mail.ru ORCID 0000-0002-2295-5436

Abstract

Based on the analysis of archaeological materials from published written sources, the monograph examines the theoretical aspects and specific historical features of the formation process, the social role and functions of elite groups in the nomadic societies of Eurasia in the era of antiquity and the Middle Ages. The authors, in the course of a systematic study of elite and ordinary funeral monuments in the vast territory of settlement of nomadic tribes from the Northern Black Sea region to Mongolia, presented a picture of a certain "social rank" of funeral and memorial complexes. The monograph presents widely the methodological developments of political scientists and elitists.

Theoretical developments in the field of "social archaeology" are presented and the signs reflecting the elite of the funerary monument as an archaeological object are highlighted.

The channels of achieving power, types of elite groups and "cycles of elites" in the nomadic empires of the Huns and Turkic khaganates are described. The Chinese written sources supplementing the data of archaeological research are analyzed.

Keywords

Elites; "social archaeology"; nomads; "cycles of elites"; "imperial confederation"; "nomes"; "nomarchs"; "double elite"; "multi-component elites"; "Steppe Empire"; "noyon"; "tore"; "ossification of the elite".

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Социальное пространство кочевого общества: теоретические и методические аспекты функционирования элит. (Рецензия П.К. Дашковский (Ред) (2015) «Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография. Изд-во АГУ 330 с.»)

Вартумян Арушан Арушанович

Пятигорский институт (филиала) Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск, Россия

E-mail: pragpu[at]mail.ru ORCID 0000-0002-2295-5436

Аннотация

В рецензируемой нами монографии на основе анализа археологических материалов и изданных письменных источников рассматриваются теоретические аспекты и конкретно-исторические особенности процесса формирования, социальной роли и функций элитных групп в кочевых обществах Евразии в эпоху древности и средневековья. Коллектив авторов в ходе своего планомерного изучения элитных и рядовых погребальных памятников на обширной территории расселения кочевых племен от Северного Причерноморья до Монголии, представили весьма целостную картину определенного «социального ранга» погребально-поминальных комплексов. В коллективной монографии широко представлены методологические и теоретические разработки отечественных политологов, историков, этнографов, а также и элитологов.

Особый интерес представляют теоретические разработки по такому редкому для общественной науки направлению, как «социальная археология» и выделены признаки, отражающие элитность погребального памятника как археологического объекта.

Помимо этого в работе были также описаны каналы достижения власти, типы элитных групп и «циклы элит» в кочевых империях хунну, а также и тюркских каганатов. Также был дан анализ китайским письменным источникам, дополняющим данные современных археологических исследований.

Ключевые слова

Элиты; «социальная археология»;nomads; «циклы элит»; «имперская конфедерация»; «номы»; «номархи»; «двойная элита»; «многосоставные элиты»; «Степная империя»; «найон»; «торе»; «окостенение элиты».

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](#)

В г. Барнауле учеными Алтайского государственного университета издана уникальная коллективная монография «Элита в истории древних и средневековых народов Евразии». Монография подготовлена при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ (№13-31-01204 «Формирование и функционирование элиты в социальной структуре кочевников Саяно-Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья»).

Солидное издание состоит из 15 глав, 26 параграфов, 328 страниц.

В чем необычность и уникальность рецензируемой монографии? Во-первых, она написана на стыке наук, которые, не «взаимодействуют». Археология, история древнего мира, политология, культурология, историческая география. Коллективные монографии, написанные в таком обильном научном «пограничье», большая редкость. Коллективу авторов удалось рассмотреть теоретические и методические аспекты изучения элиты в кочевых обществах Евразии в эпоху поздней древности. Авторы на основе большого фактического материала рассматривают элитные группы в социально-политической организации кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Во-вторых, на основе анализа археологического материала и письменных источников, приводятся данные для выделения разных типов элит в социумахnomадов. В-третьих, отдельное вниманиеделено освещению сакрализации правителей nomадов и влиянию религиозного фактора на идеологическое обоснование легитимности власти.

Авторский коллектив на современном этапе развития отечественной исторической науки в проблемной области археологических и палеосоциологических исследований сформировал базовые методологические установки, необходимые для изучения элитных групп в системе политических отношений nomадов Саяно-Алтая и сопредельных территорий в эпоху поздней древности раннего средневековья.

Авторский коллектив впервые в истории науки описал уникальные формы политий, которые в короткий срок подчиняли себе многие народы и огромные пространства. В элитологической науке все острее встает вопрос о необходимости и возможности изучения элиты древних обществ, в том числе и кочевых народов.

Новизна научных подходов определяется фактором отсутствия письменных источников у кочевых народов, в связи с чем, возникает необходимость разработки как теоретических, так и установления конкретно-исторических особенностей формирования и функционирования элиты nomадов.

Авторский коллектив планомерно изучил элитные и рядовые погребальные памятники на обширной территории расселения кочевых племен в Казахстане, Западной и Южной Сибири, Забайкалье, Северной Монголии, Южном Приуралье и Алтае. Накопленные археологические материалы, представленные в монографии, позволяют сформировать представление о «социальном ранге» погребально-номинальных памятников, а также общественного статуса погребенного лица. Ученые из Барнаула провели обширную историо-

графическую исследовательскую работу, выявив ряд специфических закономерностей. Элитные памятники кочевников стали привлекать внимание ученых еще с XVIII – XIX вв. При этом, если в XIX в. основное внимание уделялось памятникам скифской эпохи, расположенным на Украине, то в XX в. вектор смещается в сторону Центральной Азии и Южного Приуралья. Вместо термина «элита» отечественные историки использовали такие понятия, как «князь», «царь», «вождь», «аристократия». Термин «элиты» для обозначения социальных групп, обладающих властью, начинает использоваться в отечественной науке только с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Очень верное замечание авторов находим на (Дашковский, 2015, стр. 9): «... в настоящее время ракурс проблематики начинает смещаться в сторону изучения самой кочевой элиты как социальной группы, что позволяет рассматривать социально-политические процессы в контексте властных отношений».

Основные теоретические и методологические подходы авторы монографии изложили в 1 главе «Элита в социальном пространстве кочевого общества». В качестве основы определения термина «элиты» авторы предлагают четыре подхода: ценностный, структурно-функциональный, альтиметрический.

По мнению профессора Г.К. Ашина, альтиметрический подход (функциональный) предлагает определение «элиты» в широком смысле, включающем не только лидеров, принадлежащих высшему эшелону власти, но и тех политиков, которые пользуются влиянием в пределах города, округа, штата, а также активистов партий, деятелей местного масштаба (Ашин Г.К., 2010, стр.258). Следует отметить существенный недостаток функционального подхода, основным из которых является отсутствие четких критериев оценки социального статуса индивида, а также текучесть и аморфность самого понятия «элита».

Следует отметить, что несмотря на достаточно продолжительное изучение феномена элиты в современном обществе, рассмотрение этого явления в кочевом социуме предпринималось редко, и только в последнее время подобная проблематика стала интересовать исследователей. Ученые из Алтайского университета разрабатывают новое научное направление «социальная археология», а методологические установки сводятся к тому, что «характер общественной организации кочевников и особенностях погребально-поминальной обрядности» (Дашковский, 2015, стр. 13).

Во второй главе авторы монографии рассматривают каналы достижения власти, принципы ротации, различные по функционированию типы в кочевых обществах. Формирование элит происходило вне степного мира. Кочевые империи представляли из себя «рыхлые» государственные структуры в которых преобладали «конфедерационные» отношения, основанные на кланово-племенной структуре (Дашковский, 2015, стр. 32).

В третьей главе, один из авторов монографии Л.Т. Яблонский, изучая «савроматские» и раннесарматские погребальные комплексы, методом исто-

рической реконструкции рассматривает роль кочевых элит в процессе формирования раннесарматской культуры. Нижняя граница исследования опускается до V - IV в. до н.э. Интересен вывод: на протяжении нескольких столетий степи Южного Приуралья были практически безлюдными, судя по отсутствию соответствующих захоронений, происходит смена элит, так группы «номадов» помечали новые территории своими грандиозными погребальными сооружениями (Дашковский, 2015, стр. 60).

Четвертая глава посвящена изучению общественного строя скифов. Автор (В.Ю. Мурzin) предлагает новую гипотезу, расширяющую структуру скифского общества по Геродоту. Мурzin В.Ю. склонен считать скифское общество раннефедеральным с классической вассально-ленной субординацией. Дифференциация общества строилась на основе элитарного статуса «царских» номархов, которым подчинялись «номы» правого и левого крыла (Дашковский, 2015, стр. 70-71).

В шестой главе С.Я. Яценко, характеризуя сарматскую культуру (I в. до н.э. – конец IV в. н.э.), выделяет четыре категории сарматской элиты. Фактически предложена модель известной феодальной «лестницы»:

- во главе правящей «царский» род;
- вторая категория элиты-семьи небольших доминирующих родов «близких» племен;
- третья группа представляла собой глав небольших кланов или патриотимий;
- четвертая группа представлена профессиональными воинами-дружинниками.

Представленная модель нуждается, на наш взгляд, в критической «коррекции». Изучение феномена элит с позиции социальной археологии дает понимание «механических» процессов функционирования элитарных кочевых сообществ, не полностью раскрывает социальные связи и взаимодействие других страт в социальной структуре общества. Отсутствие полновесных письменных источников, преобладание материальных (археологических) памятников над письменными создают не совсем объективную картину исследуемых кочевых сообществ. Поэтому предложенные характеристики элит в рассматриваемый период нуждаются в идеологических доказательствах. Понимая однообразность предложенных гипотез, в седьмой главе (П.Е. Дашковская и И.А. Мейкшан) представили религиозный аспект политической культуры кочевых народов Центральной Азии. Основная проблема, представленная авторами – влияние буддизма на процесс легитимации власти у кочевников. Именно правящая элита поддержала будущих миссионеров для обоснования сакрализации правителей и правящей элиты. Строились храмы, создавались общины, привлекались буддийские проповедники в качестве государственных советников (Дашковский, 2015, стр. 107). Появляются первые письменные источники, фиксировавшие социальный статус элит.

В восьмой главе С.А. Васютин предлагает к изучению фактор «многосоставной элиты». Действительно, своеобразие формирования иерархических структур кочевых политий, т.е. насильтвенная «интеграция» других племен в структуры «имперской» аристократии, привела к парадоксу элитного «разнообразия»: «турки девяти фамилий» в Восточно-туркском каганате; «девять стрел» в Западно-туркском каганате; «девять племен» хойху в Уйгурском каганате. В итоге мы имеем хорошо представленную с точки зрения теории исторической и политической науки объяснительную гипотезу: оседло-земледельческие общества с более устойчивой экономикой и планомерной ротацией элит оказывались более стабильно-функциональными, чем кочевые сообщества с их «перепроизводством» элит. Численный рост полиэтической элиты в условиях ограниченной и нестабильной экономической базы продолжал острую конкуренцию за ресурсы и власть, внутренние конфликты и в конечном итоге распад кочевой империи (Дашковский, 2015, стр. 129-130).

В девятой главе Н.Н. Серегин публикует результаты исследований элитных погребальных комплексов раннесредневековых тюрком Алтае-Саянского региона. Отметим очень интересную и научно выверенную интерпретацию показателей предполагающую последовательную коррекцию всех социально значимых показателей обряда захоронения, отличающихся определенным набором маркирующих их признаков. Н.Н. Серегин выводит 13,5 % элит в составе тюркского населения Алтае-Саянского региона (Дашковский, 2015, стр. 137). То есть, мы имеем блестящее использование математических методов в реконструкции социального состава элит тюрков Алтая в раннесредневековый период, от представленных гипотез авторы монографии переходят к конкретным математическим моделям, представляющим колossalный научный интерес.

Х глава «Кочевая элита Степной империи, VI – X вв.: взгляд на Других» посвящена специфической проблеме формирования кочевнической идентичности на основе противопоставления элит оседлых и кочевников. Как подчеркивает автор (Ц. Степанов), стабильность степных обществ напрямую зависела от способности их элит организовать схему «товар- деньги-товар», купеческое сословие выполняло волю элит на поступление продуктов, предметов роскоши, ремесленных изделий из соседних оседлых обществ, вовлекая кочевников в товарно-денежные отношения (шкуры животных, переплавленный жир, костяные изделия, редкие драгоценные камни, меха и т.д.). Существование «Степных империй» в течение более длительного периода, объясняется фактором функционирования элит (Дашковский, 2015, стр. 144).

Глава XI «Элита Волжской Булгарии (X – начало XIII в.): между Востоком и Западом».

Автор (К.А. Руденко), классифицируя Волжскую Булгарию как конфедерацию, объединяющую клановые группы, включая мадьярские (?), формировали элиты из племен суваз, эсегель, берсула во главе которых стоял верховный правитель – эльтебер. Источниками по реконструкции элитарного

сообщества в Волжской Булгарии выступают арабские, армянские, византийские хроники, но К.А. Руденко очень органично дополняет их археологическими памятниками эпохи (Дашковский, 2015, стр. 184–196).

Глава XII исследует специфику правящего класса государства киданей, кочевой империи ЛЯО (907 – 1125 гг.). Автор (Г.Г. Пиков) тщательно исследует «элитарный феномен» – превращение киданей в народ – элиту, без выполнения производственных отношений, используя только функции государственного и военного строительства. Новый подход, новая версия существования государства без прочного этнического фундамента. На протяжении критического осмысления рецензируемой авторской монографии мы имеем дело с новыми идеями, пополнившими теорию исторической науки в ранний период существования древних народов. Вот таким образом археология может дополнить классическую теоретическую картину Древнего мира. Можно приветствовать подобный научный подход как «уход» от «евроцентризма», смещения объекта исследования за Урал, Алтай и Западную Сибирь, который позволяет на научной основе «расширить» горизонты исторической науки и сопредельных смежных направлений (политологии, элитологии, государственного управления).

Весьма позитивно изложена в XIII главе Ю.И. Дробышевым теория «мироустроительной» идеологии Монгольской империи. Автор излагает концепции формирования специфической идеологии у монголов, рассматривая и анализируя политico-философские учения. Ю.И. Дробышев доказывает, что первостепенную роль в формировании имперской идеологии монголов сыграли киданьские советники Чингисхана. Монгольская правящая элита, благодаря киданям еще в X – начале XII в. познакомились с китайскими политическими учениями, а монгольская концепция верховной власти, взяв на вооружение китайскую модель, опиралась на центрально-азиатскую традицию (Дашковский, 2015, стр. 249).

В главе XIV «Титалутара монгольской элиты предимператорского и раннеимператорского периода» Т.Д. Скрынникова основное внимание уделяет рассмотрению статуса и функций лиц, обозначенных титулом «нойон», которые занимали важное место в системе властных отношений в монгольском обществе XII – XIII вв.

Глава XV рассматривает статус особой элитарной группы «торе» в государствах Центральной Азии. Интересен вывод автора (Р.Ю. Почекаев) о трансформации термина через обозначение в системе правовых установлений тюрksких каганатов к значению сословной принадлежности. Фактически произошло полное ассоциирование термина «торе» с потомками Чингисхана. Таким образом, приставка «торе» к имени представителя рода Чингизидов стала свидетельством права на трон и верховную власть (Дашковский, 2015, стр. 282.).

Отечественная элитологическая мысль пополнилась очень интересной и разнообразной по содержанию коллективной монографией, которая внесла

существенное дополнение в понимание процессов элитаобразования в древних и кочевых сообществах Центральной Азии. Авторы совершенно спра-ведливо полагают, что в кочевом обществе, в силу его милитаризированного характера, рекрутование правящего класса происходит преимущественно на основе военного принципа. Следствием такой ориентации является «окосте-нение» элиты и ее деградация, что ограничивает возможности развития политической системы «... политическая организация кочевников может существовать лишь один социальный цикл, неизбежно разрушаясь по его завершении» (Дашковский, 2015, стр. 285).

Список литературы

- Ашин, Г.К. (2010) Элитология: история, теория, современность. МГИМО (У)
Дашковский, П.К. (ред.) (2015) Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Изд-во Алтайского государственного университета

References

- Ashin, G.K. (2010) *Elitology: history, theory, modernity*: monograph. MGIMO (U), (in Russian).
Dashkovsky, P.C. (ed.) (2015) *Elite in the history of the ancient and medieval peoples of Eurasia*. Altai State University Publishing House (in Russian).

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие "Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор: д.ф.н. Павел Леонидович Карабущенко

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:
elitologyjournal[at]gmail.com

Телефон: +7 (927) 559-92-40

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2020 Вопросы элитологии. E-ISSN: 2712-8415

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief: Dr. Pavel L. Karabuschenko

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
elitologyjournal[at]gmail.com

Phone: +7 (927) 559-92-40

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2020 Issues in Elitology. E-ISSN: 2712-8415